

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД КНЯЗЯ ДИМИТРИЯ РОМАНОВА

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД КНЯЗЯ ДИМИТРИЯ РОМАНОВА

Настоящее издание
подготовлено в рамках гранта
Президента Российской Федерации,
предоставленного
Фондом президентских грантов

—
Проект №19-1-002455
«Память времен»

РОССИЯ и МИР
в КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.
РОМАНОВЫ и РОССИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ И ДОКЛАДОВ

Под общей редакцией
член-корреспондента РАН С.В.Мироненко

МОСКВА 2020

Россия и мир в конце XIX — начале XX вв.: Романовы и Россия. —
М.: Индрик, 2020. — 164 с.

ISBN 978-5-91674-585-6

Книга адресована студентам гуманитарных
специальностей, историкам, краеведам.

Проект «Память времен» направлен на формирование объективно-го представления о Российской Империи в эпоху перемен (середине XIX — начала XX веков). В рамках проекта прошли открытые лекции в интерактивном формате в пяти регионах России: Москва, Санкт-Петербург, Орел, Нижний Новгород, Владимир. Были задействованы ведущие историки: научный руководитель Государственного архива РФ С.В.Мироненко, главный редактор журнала «Российская история» Р.Г.Пихоя, к.и.н. доцент Д.А.Андреев, профессор кафедры внешней политики России МГИМО МИД РФ А.В.Ревякин, к.и.н. политолог П.А.Федосов, к.и.н. А.В. Мамонов, д.и.н. Ф.А.Гайда, д.и.н. А.Э. Котов, д.и.н. профессор В.А. Ивцов, профессор д.и.н. Ф.А.Селезнев, профессор кафедры ЮНЕСКО Нижегородского архитектурно-строительного университета, Почетный гражданин Нижнего Новгорода Т.П.Виноградова и другие. Аудиторией стали в первую очередь ученые-историки, учителя истории, музейные работники, краеведы, студенты гуманитарных вузов. Видеоверсии открытых лекций размещены в сети интернет.

Настоящий сборник статей подготовлен по итогам проекта и распространен в гуманитарных вузах России.

Тексты публикуются в авторской редакции

© Текст, Авторы статей, 2020
© Оформление, Издательство «Индрик», 2020

Мироненко С.В.
Проект «Память времен» 000

Абакумов С.Н.
Общественно-церковная деятельность представителей
семьи Романовых на территории Орловской области
в конце XIX — начале XX вв. 000

Аронов Д.В.
Председатель Первой Государственной думы С.А. Муромцев:
крупнейший общественный деятель XIX–XX вв. 000

Барковец О.И.
Императрица Мария Федоровна: с верой в Россию 000

Богородицкая Н.А.
Нижегородская ярмарка в начале XX вв. 000

Ведерников В.В.
Неуслышанное приветствие.
(Приветственное слово Николая Второго 27 апреля 1906 года) 000

Гайда Ф.А.
Николай II и конституционная монархия в России (1906–1914) 000

Гуларян А.Б.
Социальный состав населения Орловской губернии
по Первой переписи населения 1897 г.:
официальные цифры и реальность 000

Дружевский А.О.
Ресурсы Президентской библиотеки
по истории России конца XIX — начала XX в.
Личные фонды государственных и общественных деятелей 000

Ливцов В.А., Богатырев Р.А.
Михаил Федотович Каменский — полководец пяти императоров 000

Медоваров М.В.
Экономическое развитие и хозяйственные перспективы России
по материалам журнала «Русское обозрение» (1889–1892 гг.) 000

Ревякин А.В.
Россия и мир — Внешняя политика и безопасность империи
в конце XIX — начале XX веков 000

Романова Е.В.
Россия и Британия в начале XX века 000

Сорокин А.А.
Столыпинские проекты реформ крестьянского местного суда
и самоуправления 000

Хвостова И.А.
Земство как новое явление в провинциальной России
к началу XX века 000

Цыбаков Д.Л.
Командный состав штаб- и обер-офицеров
Орловского пехотного/мушкетерского полка
в военных кампаниях второй половины XVIII столетия 000

Проект «Память времен»

В 2019–2020 годах Фонд Романовы провел ряд конференций, посвященных истории России в царствование последних Романовых. Научно-просветительские конференции прошли в Москве, Санкт-Петербурге, Орле, Нижнем Новгороде и Владимире. В них приняли участие как ведущие историки страны, так и молодые исследователи, которые трудятся в различных университетах и других учебных и научных центрах страны. Аудиторию составляли по преимуществу студенты высших учебных заведений, а также те, кого интересует история нашей страны. Темы были различными: в Москве — «Россия и мир в конце XIX — начале XX веков. Романовы и Россия: общество, власть, управление государством и место династии в жизни страны. Россия и мир — внешняя политика и безопасность империи», в Санкт-Петербурге — «Идеология империи и политические реалии во времена правления Александра III и Николая II. Подготовка Романовых к выполнению долга перед Россией, государственная и общественная деятельность членов рода Романовых», в Орле — «Опоры государственной власти: выдающиеся деятели государства, роль дворянства, система сословий, социальная мобильность», в Нижнем Новгороде — «Развитие российской экономики в конце XIX-начале XX вв.: промышленность, сельское хозяйство, транспорт, связь, технологические открытия, торговля, Нижегородская ярмарка», во Владимире — «Власть и оппозиция. Реформы в России — земельная, земская, судебная, реформы государственного устройства, образования, печати, и др.».

По итогам конференций был подготовлен настоящий сборник. Он разнообразен по тематике. Здесь есть статьи по внутренней и по внешней политике страны, анализируются результаты первой всеобщей переписи населения России, проведенной в 1897 году. В сборнике затронуты разные аспекты региональной истории (военная история России, реализация земской реформы 1864 года и многое другое). Не остался в стороне и биографический жанр — в сборник включена статья о видном отечественном юристе, председателе первой Государственной думы С.А. Муромцеве.

Деятельность фонда направляется видным российским дипломатом и публицистом, бывшим помощником президента России Б.Н. Ельцина по международным вопросам Д.Б. Рюриковым, который стал инициатором проведения конференций и приложил много усилий для их органи-

зации. Проведение конференций и издание сборника статей по их итогам стало возможным благодаря поддержке Фонда президентских грантов.

Надеюсь, что издание сборника станет еще одним шагом в изучении прошлого нашей родины и будет полезно для формирования исторического сознания нашей молодежи.

Научный руководитель Государственного архива
Российской Федерации, заведующий кафедрой
исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
член-корреспондент РАН С.В.Мироненко

С.Н. Абакумов

Общественно-церковная деятельность представителей семьи Романовых на территории Орловской области в конце XIX — начале XX вв.

Абакумов Станислав Николаевич,
к.и.н., доцент, сотрудник Академии ФСО России

Представители царской семьи оказали значительное влияние на общественную, культурную и политическую жизнь Орловского края. Особенно это наблюдается в конце XIX — начале XX вв., когда по прямому указанию Великого Князя Сергея Александровича Романова в 1899 г. был создан Орловский отдел Императорского Православного Палестинского Общества.

Создание Орловского отдела Императорского Православного Палестинского Общества стало значительным шагом в развитии паломнической деятельности. В этом большую роль сыграл епископ Никанор (Каменский) (1847–1910). Ранее он, являясь Смоленским архипастырем (1896–1899), состоял председателем Смоленского отдела Общества и был избран почетным членом общества. Его назначение на Орловскую епископскую кафедру (1899–1902) не осталось незамеченным со стороны председателя центрального отдела Общества. Об этом говорит рескрипт первого председателя ИППО Великого Князя Сергея Александровича:

«Преосвященный Владыко!

По докладу Мне о состоявшемся назначении Вашем на кафедру Епископа Орловского и Севского, считаю приятным долгом выразить Вашему Преосвященству Мою искреннюю благодарность за трехлетнее руководство Смоленским Отделом Императорского Православного Палестинского Общества и вместе с тем надежду, что и на новом месте Святительского служения Вашего Вы с полным сочувствием отнесетесь к целям и деятельности ... (врученного) мне Палестинского Общества и, по мере возможности, окажете Ваше Архипастырское содействие к осуществлению, под Вашем предстательством, местного Орловского Отдела

Общества. Испрашивая Вашего Архипастырского благословение и поручая Себя заступничеству священных молитв Ваших, остаюсь искренно расположенный Сергей» [5; с. 883–884].

Рескрипт стал основанием для возникновения Орловского отдела. Епископ Никанор обратился к пастве с Архипастырскими воззваниями, приглашая принять участие в деятельности Общества. Первыми откликнулись начальник Орловской губернии камергер Двора Его Императорского Величества А.Н. Трубников (1853–1922, губернатор в 1894–1901), управляющий Орловским Отделением Государственного банка В.А. Арцимович, И. Иванюшенков и др. Среди поддержавших почин были представители чиновничества, военные, духовенство, интеллигенция, купечество, мещане и даже крестьяне.

Когда число лиц, изъявивших желание войти в состав Отдела, превысило 10 (число, необходимое по требованию §98 устава для открытия отделов), епископ сообщил об этом в Совет общества и просил о разрешении открыть в г. Орле местный отдел и о высылке необходимых для его деятельности предметов. Сообщение было принято Советом Общества «с глубокою благодарностию», как это было выражено в последовавшем ответе [5; с. 887].

По получении ответа епископ назначил торжественное открытие отдела на 2 мая 1899 г. в 12.30. Оно состоялось в зале дома Орловского Дворянства, предоставленном Губернским Предводителем Дворянства М.А. Стаховичем. После молебна и речи епископа, председателем отдела был избран епископ Орловский и Севский Никанор, казначеем — протоирей И.В. Смирнов, кандидатом к нему — священник М.И. Крылов, делопроизводителем — протоирей А.И. Миловидов.

Потом собранию были предложены разъяснения пунктов устава, касающихся деятельности отделов и для руководства членами новооткрытого отдела был роздан, в составленном Владыкой извлечении, устав Общества. О состоявшемся открытии отдела и избрании должностных лиц был составлен журнал, который, согласно уставу, в копии был представлен на утверждение Совета Общества.

С этого момента Орловский отдел начал свою деятельность. Епископ Никанор лично принимал членские взносы и пожертвования, вел переписку с центральным отделом Общества. Деньги поступали на развитие Отдела из членских взносов, кружечных сборов и процентов на капитал. Совет Общества ежегодно снабжал отдел достаточным количеством брошюр и листов о Святой Земле для устройства чтений и собраний по епархии.

В мае 1882 г. Великий князь Сергей Александрович приобрел от князя Николая Алексеевича Лобанова-Ростовского имение «Долбёнкинская экономия» в Дмитровском уезде Орловской губернии. «Долбёнкинская экономия» состояла из сел Долбёнкино, Лобаново тож, Харланово, Николаево, Гнаньтож, Трояново, Брянцево, Трофимово, Разветье с деревнями Хализево, Трубичено, Черняково, Веретенино, Толчено, Остапово, Фиразево, Погарищи и Студенки [2]. В 1884 году Сергей Александрович в селе выстроил винокурный завод, были построены зимняя теплица (где выращивали ананасы и клубнику), кузница, кирпичный завод, водяная мельница. Здание винокурного завода было каменное, основное оборудование состояло из одной паровой машины и двух паровых котлов. На заводе производился «спирт хлебно-картофельный». Среднее число рабочих во время производства составляло 30 человек. Продукция завода сбывалась в Орёл, Болхов, Дмитровск, Кромы и слободу Михайловку [2]. Здесь выращивали диковинные в то время для средней России плоды: ананасы, клубнику.

В 1891 г. распространившийся голод из-за неурожая охватил многие российские губернии, в том числе и четыре уезда Орловской губернии. В декабре того же года Великий князь Сергей Александрович пожертвовал из своего дмитровского имения 5000 пудов ржи в пользу населения пострадавших уездов. Отвечая на благодарственную телеграмму орловского губернатора, Великий князь в тот же день телеграфировал: «Сердечно рад, что приношение мое, как местного помещика, может оказать посильную помощь нуждающимся уездам нашей губернии. Сергей» [2]. Благодаря обширной благотворительной работе Великого князя Сергея Александровича, в 1897–1898 годах церковь в селе Лобаново расширена и капитально отремонтирована, сделана теплой. 28 февраля 1905 г. после гибели Великого князя Сергея Александровича местные революционно-настроенные крестьяне разграбили усадьбу Сергея Александровича, а затем подожгли ее. По делу разорения имений Великого князя к следствию было привлечено 138 человек, которым было предъявлено обвинение в причинении убытков. «Огнем уничтожен винокурный завод, мастерская, амбары с зерном, склады с инвентарем, дома для служащих, скотные дворы на трех хуторах, хлебные сараи, паровая 10-ти сильная молотилка, а также сильно пострадали спирто-ректификационный завод, подвал для хранения спирта и много другого имущества» [2].

После убийства Великого князя Сергея Александровича, на основании его духовного завещания, имение «Долбёнкинская экономия» в Дмитровском уезде Орловской губернии перешло в пожизненное владение

Великой княгини Елизаветы Федоровны. Доходами с имения «Лобановская экономия» и процентами с капитала (состоящего из процентных бумаг на сумму 1 887 340 рублей) пользовалась Великая княгиня Елизавета Федоровна. Получив во владение имение, Елизавета Федоровна привела его в полную исправность на собственные средства. 17 декабря 1905 г. дмитровское имение «Лобановская экономия» было продано в Главное Управление уделами [2].

В Орле Великому князю С.А. Романову в 2005 г. на здании штаба 17 Черниговского полка установлена мемориальная доска.

Супруга Великого Князя Е.Ф. Романова с 19 августа 1898 г. по 3 марта 1911 г. была августейшим шефом расквартированного в Орле 51-го драгунского Черниговского полка, ставшего затем 17-м гусарским Черниговским «Ея Императорского Высочества великой княгини Елисаветы Федоровны» полком. В этот период Великая княгиня со своим мужем Великим князем Сергеем Александровичем неоднократно посещала Орловскую губернию.

Так, 18 мая 1899 г., почти сразу после образования Орловского отдела ИППО (2 мая 1899 г.), из Москвы прибыли в Орел Сергей Александрович и его супруга Елизавета Федоровна с целью смотра своего полка [6;767]. После смотра они посетили молебен в Петропавловском кафедральном соборе, где встретились с владыкой Никанором — основателем Орловского отдела ИППО [8;784]. После молебна архиепископ Никанор поднес высоким гостям две брошюры: «Об открытии в Орле отдела Императорского Православного Палестинского Общества» и «История соборных церквей города Орла» [5;771].

В 1904 г. 3 июня Великая княгиня прибыла в Орел, чтобы проводить подшефный полк на русско-японскую войну. Елизавету Федоровну сопровождал Великий князь Сергей Александрович. После смотра полка Великая княгиня присутствовала при освящении полкового Покровского храма [3].

В 1905 г., после убийства мужа Великого князя Сергея Александровича, обязанности Председателя Палестинского Общества возложила на себя.

16 мая 1906 г., будучи уже председателем ИППО, Великая княгиня Елизавета Федоровна снова посетила Орел. В этот день она по традиции посетила церковь 17-го гусарского Черниговского полка, Введенский женский монастырь и Петропавловский кафедральный собор, а также госпиталь № 18 в Алексеевской гимназии и Архиерейский дом.

В 1910 г. Елизавета Федоровна возглавила Марфо-Мариинскую обитель, после чего полностью посвятила себя служению Богу и людям.

Еще один визит в Орел Великая княгиня совершила 26 августа 1913 г. для участия в праздновании 800-летия со времени мученической кончины преподобного священномученика Кукуши. Приехав на вокзал, Елизавета Федоровна направилась в Введенский женский монастырь, а затем в Петропавловский кафедральный собор для всенощного бдения. 27 августа 1913 г. Елизавета Федоровна в Орле приняла участие в торжествах, после чего, направляясь на вокзал, посетила церковь 17-го гусарского Черниговского полка. «Необыкновенное оживление в народные массы, — сообщили «Орловские Епархиальные ведомости», — и особенное величие и красоту празднику придало прибытие на торжество царственной гостьи, Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Федоровны». Елизавета Федоровна провела в Орле 2 дня, остановившись во Введенском женском монастыре. Она участвовала в молебнах посвященных Св. Кукуше в монастыре, в кафедральном Петропавловском соборе и на обширном кадетском плацу, где собралось свыше 10 тысяч человек. В архиерейском доме ее приветствовали представители духовенства и общества во главе с Орловским епископом Григорием (Вахниным) [4; 65].

При участии Великой княгини в начале 1915 года была организована мастерская по сборке протезов из готовых частей, получаемых в большинстве из Петербургского завода военно-врачебных изготвлений, где имелся особый протезный цех. При личном участии Елизаветы Федоровны в 1916 г. была начата работа по проектированию и строительству в Москве первого в России протезного завода, который до настоящего времени занимается выпуском комплектующих к протезам.

Последний визит на Орловщину Великая княгиня нанесла в военном 1916-м г., посещая окормляемую ею Свято-Введенскую женскую обитель [4; 137].

В один из своих визитов Елизавета Федоровна подарила переносной престол Черниговскому полку. На кипарисовой доске, оставшейся от престола, написана икона, которая в настоящее время передана в дар Ахтырскому кафедральному собору и находится сегодня в притворе у левого придела. В государственном музее И.С. Тургенева в Орле хранится портрет Елизаветы Федоровны в полный рост художника И.М. Митрофанова, ученика К.Ф. Юона.

В Орле память о Елизавете Федоровне отмечена четырьмя мемориальными досками, две из которых установлены Орловским региональным отделением ИППО: на здании Тихвинского храма женского Введенского монастыря в 2012 г. и на здании детской музыкальной школы № 2 в переулке Кольцова в 2013 г. Еще две мемориальные доски, увеко-

вечивающие память о Великой княгине Елизавете Федоровне, установлены на здании штаба 17 Черниговского полка и на здании бывшего кафедрального Петропавловского собора (ныне Орловская публичная библиотека им. И.А. Бунина).

Связь Великого Князя Михаила Александровича с Орлом обозначилась после смерти его брата Георгия Александровича в июне 1899 г., в управлении которого находилось имение Брасово, располагавшееся на территории Орловской губернии (в настоящее время с. Брасово Брасовского р-на Брянской области). «По наследству» великому князю перешла значительная доля имущества брата (как цесаревича), в том числе Брасовское имение и имение «Дерюгино» Дмитриевского уезда Курской губернии. Великий князь Михаил Александрович, вступив во владения, превратил в образцовое по хозяйственному устройству и доходности имение. Во время своих приездов он принимал крестьян и почти всегда удовлетворял их просьбы. Бывая в Брасово, Михаил Александрович всегда посещал церкви имения и монастырь Казанской Богородицкой Площанской пустыни [7].

Великим князем совершались ежегодные пожертвования на 19 церквей, монастырь и школы. За счет Великого Князя бесплатно отопливались церкви, дом священнослужителей, школы, дом вдов, сирот, малоимущих. В 1903 году Михаил Александрович впервые посетил Орел. Его пригласил на открытие сельскохозяйственной выставки губернский предводитель дворянства М. А. Стахович — член Орловского отдела ИППО, когда представлялся царю и его приближенным на курских военных маневрах 1902 года. Объектом особых забот Великого князя стал дворянский пансионат — приют для детей-сирот и «убежище» для престарелых, расположенные в доме на углу улиц Кромской и 3-й Посадской г. Орла. Эти учреждения открывались и содержались в основном на пожертвования Михаила (в документах он назван «главным жертвователем») [1].

16 мая 1909 г. Николай II назначил Михаила Александровича командиром 17 гусарского Черниговского полка расквартированного в городе Орле. В этом же, 1909 г. М.А. Романову было присвоено звание Почетного гражданина города Орла.

Командуя Черниговским полком три года, Великий Князь Михаил Романов показал себя дельным военным командиром среднего звена и с 1910 г. он становится командующим 2-й отдельной кавалерийской бригадой, в которую входил Черниговский полк. Будучи хорошим кавалеристом и прекрасным спортсменом, Великий князь Михаил выиграл еже-

годный приз Стиль-Чез в конных скачках 1910 года. Он руководил учениями 2-й бригады под Калугой, под его руководством Черниговский гусарский полк был удостоен царской благодарности на смотре в Царском Селе в 1911 году. В начале 1911 г. Великий князь Михаил избирается Почетным членом Орловского Православного Петропавловского братства, известного в Орле своей просветительской деятельностью. К М.А. Романову на орловскую землю постоянно приезжали и создавали свои произведения его друзья. В их числе композитор С. В. Рахманинов, живописец С. Ю. Жуковский. В Орел он привозил еще одного своего друга — известного авиатора Сергея Уточкина, на полеты которого над рекой Окой собирались все жители города. Впрочем, самым впечатлительным зрителем был тогдашний семинарист Николай Поликарпов [1].

В 1911 г. закончилась двухлетнее пребывание Михаила в Орле. Он просил разрешения у брата остаться в Орле. Однако после смотра 1911 г. император Николай II перевел Михаила из Орла в Петербург.

23 августа 1914 г. Великий Князь был произведен в чин Генерал-майора с зачислением в Свиту Его Величества и 30 августа убыл на фронт в Галицию, командовать «Туземной», или как её чаще называли в обиходе — «Дикой дивизией». В начале 1916 г. Великий Князь покинул «Дику дивизию» и получил назначение на должность Командира 2-го Кавалерийского корпуса, выведенного к тому времени в резерв войск Юго-Западного фронта.

За успешное командование корпусом в ходе летних боёв 1916 г., Великий Князь Михаил Александрович Высочайшим Повелением от 2 июля был воспроизведён в чин Генерал-Лейтенанта, а 1 сентября 1916 г. — в Генерал-Адъютанты при Особе Его Императорского Величества.

В июне 1916 г. Великий Князь Михаил Александрович был награжден Георгиевским оружием и красным эмалевым крестом Ордена св. Владимира с мечами, однако вскоре после этого в феврале 1917 г. он получил отпуск по болезни, который намеревался провести на своей даче под Гатчиной, где его и застали события Февральской смуты [1].

3 марта 1917 г. во время Февральской революции император Николай II отрёкся от престола, а спустя несколько часов принял решение отречься также и за наследника, цесаревича Алексея, в пользу Михаила Александровича, однако тот после длительных переговоров с представителями Государственной думы объявил, что примет верховную власть только в том случае, если на то будет выражена воля всего народа (посредством Учредительного собрания), и призвал к подчинению Временному правительству.

После революционных событий февраля-марта 1917 г. Михаил был сослан в Гатчину и более не принимал участия в политической жизни страны. С августа 1917 г. находился под домашним арестом. Пришедшие к власти большевики оставили Михаила Александровича в Гатчине вплоть до марта 1918 г., когда было принято решение выслать его в Пермскую губернию. В ночь с 12 на 13 июня 1918 г. Михаил Александрович был похищен и убит группой сотрудников местной ЧК и милиции, что послужило своего рода сигналом к началу убийств представителей семьи Романовых, оставшихся в России.

1 октября 2008 г. Президиум Верховного Суда РФ признал Михаила Александровича Романова жертвой политических репрессий и реабилитировал его вместе с другими представителями императорской фамилии. 30 октября 2009 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации, опираясь, в том числе, на мнение Орловской комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, приняла решение о реабилитации 52 человек из окружения царской семьи, подвергшихся репрессиям после революции, в том числе и М.А. Романова [1].

В Орле имя Великого Князя Михаила Александровича, Почетного гражданина города Орла было отмечено на мемориальной доске на доме, где размещался штаб Черниговского полка на Московской улице, а также на постоянной выставке в администрации г. Орла и в книге «Почетные граждане города Орла». 24 августа 2016 г. по инициативе Орловского отделения ИППО в Орле установлен бюст работы С.А. Щерабкова Великому Князю М.А. Романову перед зданием, где размещался штаб 17-го гусарского Черниговского полка по адресу ул. Московская, д. 29, которым командовал Великий Князь в период своего пребывания в Орле с 1909 по 1911 гг. В торжественной церемонии открытия бюста принял участие председатель ИППО С.В. Степашин. К открытию бюста Орловское отделение ИППО издало книгу «Почётный гражданин города Орла Великий Князь Михаил Александрович Романов» о жизни и пребывании Великого Князя в Орле и в его имени Брасово Севского уезда Орловской губернии. Причислен к лику святых Русской православной церковью за рубежом в 1981 г.

Список использованной литературы:

1. Абакумов С.Н., Ливцов В.А., Полинкин А.М., Гольцова А.В., Фефелов С.В. Почетный гражданин города Орла Великий князь Михаил Александрович Романов. — Орел: издательский дом «ОРЛИК», 2016. — 84 с.;

2. Белинская Н.И. Первый председатель Императорского Православного Палестинского общества Великий князь Сергей Александрович — орловский землевладелец / Запад-Восток: Тургенев — Россия и мир: II Всероссийская научно-практическая конференция (19 апреля 2018 г.) — Орел: Среднерусский институт управления — филиала РАНХиГС. — с. 84–93;
3. Жарков М.А., Ливцов В.А., Лепилин А.В. История Орловской епархии. — Орел: Издательский Дом «Орловская литература и книгоиздательство» («ОРЛИК»). Издатель Александр Воробьев, 2007. — 240 с.;
4. Паломничество Великой княгини Елисаветы Феодоровны в Орловскую и Калужскую губернии в 1899–1916 гг. — Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии при Вознесенском Печерском монастыре, 2012. — 144 с.;
5. Протоиерей А. Миловидов Открытие Орловского отдела Императорского Православного Палестинского Общества / ОЕВ от 13 июня 1899 г, № 23. Отдел неофициальный — с. 882–889;
6. Протоиерей Сахаров В. Пребывание в Орле Их Императорских Высочеств Великого князя Сергея Александровича и Его Августейшей супруги Великой Княгини Елисаветы Феодоровны и посещение ими Кафедрального Петропавловского собора / ОЕВ от 23 мая 1899 г, № 20 — с. 767–778;
7. Рожкова С.Н. Двуглавые орлы Брасовской усадьбы. Из истории имени Великого Князя Михаила Александровича. — Брянск: ГУП «Брянское областное полиграфическое объединение», 2015. — 160 с.;
8. Хроника пребывания Императорских высочеств в Орле / ОЕВ от 23 мая 1899 г, № 20 — с. 784–785.

Д.В. Аронов

**Председатель Первой Государственной думы
С.А. Муромцев: крупнейший общественный
деятель XIX–XX вв.**

Дмитрий Владимирович Аронов
д.и.н., профессор заведующий кафедрой теории
и истории государства и права «Орловского
государственного университета имени И.С. Тургенева»

При обращении к биографии любого заметного политического деятеля дореволюционной России, и Сергей Андреевич Муромцев здесь не является исключением, исследователю необходимо так или иначе ответить на вопрос о том, какую роль он сыграл на определенном этапе политической истории страны, в качестве кого вошел он в историю нашего отечества ?

Есть, конечно же, замечательный пример мудрости китайской тысячелетней методологии связанный с необходимостью оценить место и роль такой ключевой фигуры в истории современного Китая как Мао Цзэдуна. Сущность ответа на этот вопрос состояла в том, что в деятельности любого политика вряд ли могут быть результаты либо положительные, либо отрицательные. Это, ввиду оценочного характера указанных категорий, всегда какая-то комбинация, зачастую меняющаяся по мере трансформации взглядов самого социума, выявления новых фактов и т.д. и т.п. В случае с Мао было принято решение, ставшее официальной формулой оценки его деятельности и повторяющее характеристику Мао Цзэдуном деятельности Сталина (ответ на доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС). 70 % побед и 30 % ошибок.

В отечественной историографической традиции так или иначе подобная градация на настоящий момент не прижилась, поэтому, постараемся избежать попыток процентных или иных дробных оценок положительно и отрицательного в деятельности нашего героя, тем более, как мы отмечали выше, это категории оценочные, основанные как на экспертном мнении, так и на банальном бытовом уровне «а я так вижу». Но так или иначе, обойтись без неких определений, дефиниций невозможно, поэтому по-

пробуем ответить кем же был Сергей Андреевич Муромцев ученым-правоведом, основателем социологической теории права в России, и тем вписавший свое имя на скрижали мировой и отечественной юриспруденции, уникальным адвокатом,[1] совместившим профессорскую кафедру с речью защитника в судебном заседании ? Видным общественным деятелем, чьи первые опыты по написанию конституции начались еще в десятилетнем возрасте, а работа в земстве не прерывалась до последних лет жизни? Университетским профессором, оставившим в памяти своих слушателей уникальным стиль преподавания, переносившего студента в те моменты истории, когда возникали чеканные формулы римского права ? И, конечно же вопрос о том, не затмевают ли все это те семьдесят два дня триумфа российского либерализма, звездный час самого Муромцева — пост председателя Первой Государственной Думы. Кем он прежде всего остался в нашей истории — председателем первого российского парламента или ученым правоведом? [2] Кем останется в памяти потомков? Поиску ответов на эти вопросы посвящены ежегодные Муромцевские чтения, которые, начиная с 2009 г. проводятся в Орле.[3]

В годы Великих реформ Александра II Сергей Муромцев сформировался как общественно активный юноша, интересовавшийся всем новым, что появлялось в жизни страны. В свободное от учебы в гимназии и репетиторства время он старается посетить те судебные процессы в которых во всей своей полноте проявлялся такой институт Судебной реформы 1864 г. как адвокатура. Юный Муромцев жадно следит за выступлениями лучших российских адвокатов, видит то новое, что вошло в жизнь российского политически активного общества. Одновременно он в семейном кругу он впитывал в себя те ценности, носителем которых всегда являлись лучшие представители российского служилого дворянства.

История дворянского рода Муромцевых — это, говоря словами одного литературного героя советских времен, обыкновенная биография в необыкновенное время, традиционная история по своему уникального дворянского рода. Представляя древнее служилое дворянское сословия, предки С.А. Муромцева вместе со страной прошли все этапы ее истории. Они сражались в войнах, начиная с периода становления русского централизованного государства, занимали самые разные должности в сфере государственного управления, но неизменно были, как говорится «на службе государевой».[4]

Это сочетание порыва общества к свободе, к возможности личности проявить себя, с пониманием патриотизма, в самом высоком смысле этого слова, долга в служении перед Отчиной и дало, тот уникальный

сплав интеллекта, верности интересам Отчизны, стремления найти тот оптимально бесконфликтный путь к максимально полной реализации либерального символа веры — прав и свобод человека и неприкосновенности частной собственности.

По окончании юридического факультета Московского императорского университета он начинает свою преподавательскую, а несколько позже и общественно-политическую карьеру деятеля. Для него, как и для всякого ученого, ищущего ответ на вопрос об оптимальном способе преобразований социально-политического строя страны, главным критерием было минимальное отрицательное влияние реформирования на жизнь общества и государства. Сергей Андреевич Муромцев не только отрицал возможность революционных изменений как таковых, но и высказывал серьезные сомнения в том, что пользу приносит кардинальная (одномоментная) масштабная реформа.

Отсюда его изначальное тяготение к принципам охранительного либерализма. Сформулированных еще Б.Н. Чичериным, среди них было и четкое указание на то, что «Сущность охранительного либерализма состоит в примирении начала свободы с началом власти и закона».

Этот теоретический тезис стал руководящим для С.А. Муромцева при подготовке его основных работ в области проектов социально-политического реформирования. Прежде всего речь идет о таком документе 1881 г., как «Записка о внутреннем состоянии России весной 1881 г.»^[5] в котором был сформулирован призыв к исторической власти о сотрудничестве с той частью политического класса России, который стоит на четких позициях государственного служения, стабильности и последовательной трансформации институтов управления, видящий свою цель и предназначение к участию во власти.^[6] Муромцев и его коллеги четко и ясно показывали, что без сотрудничества с политически активной и реформистски настроенной частью общества правительственная политика может идти только одним путем, путем усиления репрессии, карательных функций государства, что может помочь в краткосрочном периоде, но по определению не может продолжаться до бесконечности. Иначе говоря, это было научное обоснование известного выражения, которое, в приписываемой Наполеону (Талейрану) что «Штыками можно сделать всё что угодно; только нельзя на них сидеть».^[7] Одновременно авторы записки демонстрировали, что побороть развивающуюся в обществе антигосударственную деятельность возможно только созданием условий для общественной самодеятельности для политически активной части российского социума. При этом С.А. Муромцев вполне отда-

вал себе отчет, что борьба с радикальными элементами не может ограничиться научной дискуссией или журнальной полемикой. В этом месте уместно вспомнить еще один тезис из трудов Б.Н. Чичерина, который писал о том, что «Либерал, облеченный властью, поневоле бывает принужден делать именно то, против чего он восставал, будучи в оппозиции».

Еще одним материалом, подтверждающим ориентацию С.А. Муромцева на поиск максимально безболезненного для общества способа его преобразований, стал, вышедший из под пера Муромцева и его коллег по либеральному движению проект Основного закона России, подготовленный весной 1906 г.^[8] Применительно к одной из принципиально важных тем политического дискурса начала XX в. следует отметить, что в проекте Россия выступает именно монархией, без каких-либо оговорок, которые были присущи, например, программе конституционно-демократической партии. В последней существовала свобода мнения по вопросу о будущей форме государственного устройства России, монархической или республиканской. Как и прочие материалы либеральных правоведов начала XX в. он был принят достаточно холодно правящими элитами. Однако, правды ради следует сказать, что хотя Основные законы России 23 апреля 1906 г. были основаны на ином видении реформы политического строя страны, но они отчасти восприняли ряд формулировок из текста «муромцевского» проекта.^[9] Однако наиболее масштабным заимствованием официальным законодательством плодов либеральной юридической мысли стало воспроизведение включенных в этот проект Положения и Регламента Государственной Думы, как нижней палаты российского парламента.

Как показывает целевое обращение к проблематике имперской и монархической составляющей идеологии российского охранительного либерализма эти элементы не только не противоречат либеральному символу веры, но во многом следуют из него. Данная проблематика стала предметом специального обсуждения на шестых «Муромцевских чтениях», проходивших в Орле в 2014 г. Их тематика собственно и была сформулирована следующим образом «Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии».^[10] Дискуссия показала, что эти ценности вполне совместимы с мировоззрением той части политического класса, которая стоит на позициях служения народу и отечеству, не пытаясь поставить во главу угла частные политические и местнические интересы.

Таким образом, примеры политико-правовых практик, которые дал нам Сергей Андреевич Муромцев как политики настойчиво подвигают нас к выводу о том, что на протяжении всей своей политической актив-

ности он как ученый занимался поиском механизма способного решить задачу, поставленную Б.Н. Чичериным о совмещении либерального мировоззрения политика с необходимостью принятия решений в области государственного управления так или иначе связанных с применением государственного насилия для достижения общественно значимых целей. Полагаем, что результаты научного поиска С.А. Муромцева показывают, что в конце XIX — начале XX вв. теоретическая мысль российского либерализма в одном из своих направлений подошла к выводу о том, что либерализм не отрицает за государством права на применение насилия при защите значимых для социума общественных отношений, однако отрицает насилие при реализации планов изменения (реформирования) социально-политического строя страны.[11]

Литература:

- Аронов Д.В. Власть и общество в России: поиск компромисса — утопия или реальность (С.А. Муромцев «Записка о политическом состоянии России весной 1880 года») // Современное общество и право. 2013. № 2 (11). С. 3–7.
- Аронов Д.В. От Лазавки до Таврического дворца. Орел, 2010.
- Аронов Д.В., Бухвостова Д.В. Перспективы исследования либерального конституционного законодательства в России // История государства и права. 2008. № 20. С. 7–9.
- В первые дни министерства гр. М.Т. Лорис-Меликова. Записка о политическом состоянии России весной 1880 г. Берлин, 1881.
- Винавер М. Муромцев адвокат и председатель Государственной думы // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911.
- «Время выбрало нас: Путь интеллектуала в политику» IV Муромцевские чтения. Сб. материалов научной конференции. 25–26 октября 2012 г. Орел, 2012.
- Записка, составленная советом из Ковалевского В.И., Ковалевского М.М., Милюкова П.Н., Гессена В.М., Головина Ф.А., Лазаревского Н.И. и Муромцева С.А., представленная государю по поводу выработанного Советом Министров проекта основного и избирательного закона // РГИА Ф. 1622. Оп. 1. Д. 281.
- Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 24–26 сентября 2014 г. Орел Госуниверситет — УНПК. Орел: Издатель Александр Воробьев, 2014.
- История государства и права. 2017. № 19. (Специальный выпуск, посвященный 100-летию революции 1917 г.).
- «Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской Кон-

- ституции». V Муромцевские чтения. Сб. материалов научной конференции. 27–28 сентября 2013 г. Орел, 2013.
- Либералы и революция: Сборник материалов внк. 13–14 октября 2017 г. Орел, 2017.
- Медушевский А.Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 3–23.
- «Муромцевские чтения». Труды II (2014–2017). Орел, 2018.
- «Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законодательстве российского либерализма» Сб. материалов научной конференции. VIII Муромцевские чтения. 8–9 октября 2016 г. Орел, 2016.
- «Орловский мудрец, опередивший время». Сб. научных статей. Орел, 2011.
- Орловские либералы: люди, события, эпоха. Сб. научных статей. Орел, 2010; Сергей Андреевич Муромцев — Председатель Первой Государственной Думы: ученый, политик, педагог. Сб. материалов ВНК. Орел, 2010.
- Политико-правовые практики российского либерализма в начале XX в. Муромцевские чтения. Труды — III (2009–2018). Материалы МНК XI Муромцевские чтения, (11–12 октября 2019 г., г. Орёл) в III ч. Ч. III. Орёл, 2019.
- Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911.
- Российский либерализм и Государственная Дума в начале XX века: материалы МНК XI Муромцевские чтения, (11–12 октября 2019 г., г. Орёл): в III ч. Ч. II. Орёл, 2019.
- Российский либерализм и Государственная Дума. 1906–1917 гг. / материалы МНК. 11–12 октября 2019 г. Ч. I., г. Орёл, 2019.
- Российский либерализм: итоги и перспективы изучения. Сб. материалов ВНК. 28–29 сентября 2018 г. Орел, 2018.
- Российский либерализм: существует ли национальная модель. Круглый стол 28.05.2018 / Фонд Либеральная миссия [Электронный ресурс] // URL: <http://www.liberal.ru/articles/7247>.
- Российский либерализм: теория, программатика, практика, персоналии. Сб. научных статей. Орел, 2009.
- «Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма»: Сб. материалов ВНК. 1–3 октября 2015 г. Орел, 2015.

- [1] См.: Винавер М. Муромцев адвокат и председатель Государственной думы // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911.
- [2] См.: Винавер М. Указ. соч.
- [3] Российский либерализм: теория, грамматика, практика, персоналии. Сборник научных статей. Орёл, 2009; Орловские либералы: люди, события, эпоха. Сб. научных статей. Орёл, 2010; Сергей Андреевич Муромцев — Председатель Первой Государственной Думы: ученый, политик, педагог. Сб. материалов ВНК. Орёл, 2010; «Орловский мудрец, опередивший время». Сб. научных статей. Орёл, 2011; «Время выбрало нас: Путь интеллектуала в политику» IV Муромцевские чтения. Сб. материалов научной конференции. 25–26 октября 2012 г. Орёл, 2012; «Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской Конституции». V Муромцевские чтения. Сб. материалов научной конференции. 27–28 сентября 2013 г. Орёл, 2013; «Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии». Муромцевские чтения: Сб. материалов внк. Орёл, 2014; Муромцевские чтения. Труды. 2009–2013: Сб. научных статей. Орёл, 2014; «Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, грамматике и политико-правовой практике российского либерализма»: Сб. материалов ВНК. 1–3 октября 2015 г. Орёл, 2015; «Нравственные аспекты политической деятельности в теории, грамматике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма» Сб. материалов научной конференции. VIII Муромцевские чтения. 8–9 октября 2016 г. Орёл, 2016; Либералы и революция: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 13–14 октября 2017 г. Орёл, 2017; История государства и права. 2017. № 19. (Специальный выпуск, посвященный 100-летию революции 1917 г.); «Муромцевские чтения». Труды II (2014–2017). Орёл, 2018; Российский либерализм: итоги и перспективы изучения. Сб. материалов ВНК. 28–29 сентября 2018 г. Орёл, 2018; Российский либерализм и Государственная Дума. 1906–1917 гг. / материалы МНК. 11–12 октября 2019 г. Ч. I., г. Орёл, 2019; Российский либерализм и Государственная Дума в начале XX века: материалы МНК XI Муромцевские чтения, (11–12 октября 2019 г., г. Орёл): в III ч. Ч. II / под общей редакцией доктора исторических наук, профессора Д.В. Аронова. Орёл, 2019; Политико-правовые практики российского либерализма в начале XX в. Муромцевские чтения. Труды — III (2009–2018). Материалы МНК XI Муромцевские чтения, (11–12 октября 2019 г., г. Орёл) в III ч. Ч. III. Орёл, 2019.
- [4] См.: Аронов Д.В. От Лазавки до Таврического дворца. Орел, 2010.
- [5] См.: В первые дни министерства гр. М.Т. Лорис-Меликова. Записка о политическом состоянии России весной 1880 г. Берлин, 1881.
- [6] См.: Аронов Д.В. Власть и общество в России: поиск компромисса — утопия или реальность (С.А. Муромцев «Записка о политическом состоянии России весной 1880 года») // Современное общество и право. 2013. № 2 (11). С. 3–7.
- [7] Считается, что исходный вариант это испанская пословица «Штыки годятся для всего (со штыками можно делать все, что угодно), только сидеть на них нельзя», с тем же значением / Афоризмы [Электронный документ] // URL: <http://letter.com.ua/phrase/na-shtyki-mozhno-opiratsia-no-sidet-na-nikh-nelzia/> (Дата обращения: 31.03.2020)
- [8] См.: Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911; Медушевский А.Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 3–23; Аронов Д.В., Бухвостова Д.В. Перспективы исследования либерального конституционного законотворчества в России // История государства и права. 2008. № 20. С. 7–9.
- [9] См.: Записка, составленная советом из Ковалевского В.И., Ковалевского М.М., Милюкова П.Н., Гессена В.М., Головина Ф.А., Лазаревского Н.И. и Муромцева С.А., представленная государю по поводу выработанного Советом Министров проекта основного и избирательного закона // РГИА Ф. 1622. Оп. 1. Д. 281.
- [10] См.: Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 24–26 сентября 2014 г. Орел Госуниверситет — УНПК. Орел: Издатель Александр Воробьев, 2014.
- [11] Российский либерализм: существует ли национальная модель. Круглый стол 28.05.2018 / Фонд Либеральная миссия [Электронный ресурс] // URL: <http://www.liberal.ru/articles/7247> (Дата обращения: 31.03.2020).

Императрица Мария Федоровна: с верой в Россию

Ольга Исаковна Барковец
старший научный сотрудник ГМЗ «Царицыно».

*«Мария была русской — больше, чем все московские колокола»
Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича*

Российская императрица Мария Федоровна пережила своего мужа Александра III на 34 года. Она приехала в Россию в 1866 году, когда ей было 19 лет, 15 лет была женой наследника престола, 13 лет императрицей, в 47 лет стала вдовой и еще целых 23 года была опорой сыну Николаю II. Через 52 года жизни в России, которую она любила не меньше, чем свою родную Данию, Мария Федоровна была вынуждена покинуть свою империю. Ее судьба — пример стойкости и силы, любви и веры, страдания и скорби.

Датская принцесса Дагмар родилась 26 ноября в 1847 году в Копенгагене, в небольшом дворце (Yellow Mansion) в Амалиенборге. Ее родители, принц Христиан Гольштейн-Зондербург-Глюксбургский, будущий король Христиан IX, и принцесса Луиза, называли ее «Минни». Она никогда не блистала красотой, но живая, общительная, неизменно веселая и доброжелательная Дагмар пользовалась всеобщей любовью.

После смерти в 1865 г. ее жениха, наследника русского престола великого князя Николая Александровича, она стала невестой нового наследника — цесаревича Александра Александровича. Подобную матримониальную настойчивость можно объяснить прагматичностью: этот брак был выгоден обеим странам. Датское королевство было заинтересовано в установлении династических связей с Россией, поскольку совсем недавно в результате войны 1864 г. треть страны оказалась под Пруссией и Австрией. Дании был нужен очень мощный и надежный союзник в лице России, которая, естественно, также имела свои политические интересы. В 1860-х годах началось объединение германских государств во-

круг Пруссии. Если бы в состав столь мощного государства вошла и Дания, то немцы смогли бы контролировать входы и выходы из Балтийского моря. В этой ситуации женитьбой наследника российского престола на датской принцессе Россия намеревалась дать Германии понять, что хочет сохранить Данию в качестве независимого государства.

14 сентября (26 сентября по нов. ст.) 1866 г. два датских корабля в сопровождении русской эскадры вошли в гавань Кронштадта. Будущую невестку встречали император Александр II со всей своей семьей. Минни в этот день записала в дневнике: «Никогда я не смогу забыть ту сердечность, с которой меня все принимали. Я не чувствовала себя ни чужой, ни иностранкой, я чувствовала себя равной им, и мне казалось, что то же чувствовали и они ко мне. Как будто я была такой же, как они! Я не могу описать, что происходило во мне, когда я впервые ступила на русскую землю. Я была так взволнована...». (Цит. по кн.: Кудрина Ю. Императрица Мария Федоровна (1847–1928). М., 2001. С. 13–14. Подлинный дневник на датском языке хранится в ГА РФ. (Ф. 642. Оп. 1. Д.8)

13 октября 1866 г. состоялся обряд обручения Марии и Александра. Это было для нее обручением с Россией, ставшей ее второй родиной. Мария была счастлива в браке. Наверное, за последние столетия в России это был первый счастливый брак в истории императорских фамилий. Брак, в котором супруги смогли сохранить любовь, верность и уважение друг к другу на протяжении всей жизни. Муж Минни, тринадцатый император России, царствовал всего тринадцать лет, и все эти годы она была его моральной и духовной опорой.

Общественная деятельность Марии Федоровны как главы Ведомства учреждений императрицы Марии и Российского общества Красного Креста, которыми она руководила с первых лет своего пребывания в России, оставила заметный след в истории страны. Мария Федоровна попечительствовала также женскому Патриотическому обществу, Обществу спасения на водах, Обществу покровительства животным и др. Кроме того, на протяжении многих лет Мария Федоровна являлась шефом ряда армейских полков, в том числе Кавалергардского и Кирасирского.

Через два года после свадьбы, 6 мая 1868 года, в день Иова Многострадального у Александра и Марии родился первенец — будущий император Николай II. В мае 1869 года, второй сын — Александр, умерший через 11 месяцев. В 1871 году у Минни и Александра родился третий сын — Георгий, который проживет всего 28 лет и умрет от туберкулеза; в 1875 и 1882 годах в семье появятся две дочери — Ксения и Ольга. Обе уйдут из жизни вдали от родины в 1960 году. Младший сын Михаил ро-

дился в 1878 году. Мать надеялась, что все ее сыновья будут счастливы так же, как и она. Судьба распорядилась иначе: Минни пережила их всех, но оплакала только Георгия — своего любимого Георгия. На могилы Николая и Михаила она так и не смогла попасть — Россия стала для нее чужой. Да и могил у сыновей не было, а, значит, и не было их гилбелы для сердца матери.

Вступившему на престол в 1894 году ее старшему сыну, 26-летнему Николаю, поначалу очень не хватало советов матери, ее государственного опыта, знания людей. «Я не готов царствовать» — с горечью и страхом перед тяжелым бременем власти произнес он после смерти отца. И лучше всех это понимала его мать — императрица Мария Федоровна. В письме матери королеве Дании Луизе сразу после смерти мужа она писала: «... Бедные дети, они ведь тоже в полном смятении, в особенности милый несчастный Ники, который еще так юн для того, чтобы начинать новую тяжелую жизнь». (цит. по: Сокровища России и императорские дары. Каталог выставки. Копенгаген. 2002. С. 253).

С первого дня царствования сына Мария Федоровна чувствовала «необходимость своего присутствия» для Ники. «В сущности — вспоминала фрейлина жены Николая Анна Вырубова — Мария Федоровна так никогда и не сошла со сцены, продолжая занимать первое место во всех торжественных случаях». (Вырубова А.А. Неопубликованные воспоминания// Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб.1994. С.304). Негласная борьба за влияние на Николая, неосознанно начавшая в 1894 г. между матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, и женой, императрицей Александрой Федоровной, постепенно набирала обороты, перерастая порой в неприязнь, а годы Первой мировой войны — почти в открытое противостояние.

Известие о том, что 2 марта 1917 года Николай подписал отречение от престола, Мария Федоровна получила в Киеве и уже 3 марта прибыла в Могилев. Два часа продолжался ее разговор с сыном. В день расставания с сыном, проводив взглядом увозивший его в неизвестность поезд, Мария Федоровна записала в своем дневнике: «8 /21 марта: «Сегодня один из самых горестных дней моей жизни! Я рассталась с моим любимым Ники!» (Дневники императрицы Марии Федоровны. М. 2005. С. 175–177). Как вспоминал ее лейб-казак Т.К. Ящик, «она очень плакала — больше, чем я когда-либо до и после этого видел, как плачет сильная датская принцесса» (Ящик Т.К. Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб. 2004. С.70).

Когда на следующий день, 9 марта 1917 года, вдовствующая импера-

трица покинула Могилев и вернулась в Киев, все было не так, как прежде: ее никто не встречал, на перроне — множество людей с красными бантами, с дверей вагона поезда сняты царские короны, у дворца — одинокий флагшток без царского штандарта. О том, что она чувствовала в эти дни можно судить по строчкам пронзительного письма, написанного Марией Федоровной греческой королеве Ольге Константиновне: «Сердце переполнено горем и отчаянием. Представь, какие ужасные, не поддающиеся описанию времена нам еще предстоит пережить... Слишком сильные испытания посылает нам Господь, и мы должны нести их с достоинством, без ропота. Но так нелегко терпеть, когда вокруг такая людская злоба и ярость». (ГА РФ. Ф. 686. Оп. 1. Д. 8. Л. 50–52. Цит. по кн.: Кудрина Ю.В. Указ. соч. С. 167–168).

Мария Федоровна долго не поддавалась на уговоры родных уехать из Киева, но когда у нее перед носом хлопнула дверь главного киевского госпиталя, поняла — выхода нет. К тому времени Киевский совет издал приказ о том, что Романовым необходимо покинуть город. Как вспоминал великий князь Александр Михайлович, Марию Федоровну «пришлось почти на руках нести на вокзал. Она боролась до последней минуты, желая остаться и заявляя, что предпочитает, чтобы ее арестовали и бросили в тюрьму». (Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М. 1999. С. 282).

В конце марта 1917 г. вдовствующая императрица вместе с дочерью великой княгиней Ольгой Александровной, ее мужем Николаем Куликовским и зятем великим князем Александром Михайловичем прибыла в Крым. Чуть позже из Петербурга приехала старшая дочь великая княгиня Ксения Александровна с сыновьями, внучка Ирина с мужем князем Феликсом Юсуповым. Основным местом сосредоточения Романовых стало имение великого князя Александра Михайловича Ай-Тодор, в котором оказались его жена Ксения Александровна с шестью детьми, великая княгиня Ольга Александровна с мужем, Николаем Куликовским (там же в августе 1917 г. у них родился сын Тихон) и другие. Перебрались в Крым и другие члены императорской семьи. В имении Чаир жили великий князь Николай Николаевич с женой великой княгиней Анастасией Николаевной; в Дюльбере — великий князь Петр Николаевич, его жена великая княгиня Милица Николаевна и их дети Роман и Марина; в Кореизе — княгиня Ирина и князь Феликс Юсуповы.

Первый месяц был относительно спокойным, разрешались даже прогулки по Ай-Тодору. Но в конце апреля, когда в Ялту пришли два корабля Черноморского дивизиона, ситуация резко изменилась. 17 апреля

1917 года Севастопольскому совету была направлена телеграмма Временного правительства, предписывавшая взять под охрану бывшую царскую семью и сконцентрировать ее в одном или двух имениях. Одним из первых действий красных матросов был домашний обыск Романовых. Для Марии Федоровны этот день остался в памяти навсегда. В 5.30 утра ее разбудил морской офицер. Он заставил пожилую женщину встать с постели, не дав ей даже возможности пройти в туалет. Более того, ей пришлось вставать и одеваться в присутствии прибывшей на подмогу офицеру караульной команды. Никогда еще вдовствующая императрица не испытывала такого унижения. Всего в спальню Марии Федоровны набилось около 12 матросов, которые начали выворачивать ящики ее письменного стола. Во время обыска, продолжавшегося более шести часов, были изъяты письма, документы и ее любимое Евангелие (так она называла книгу для чтения на евангелические сюжеты) на датском языке, подаренное матерью королевой Луизой, которое ей позже все-таки вернули. К счастью, так и незамеченной оказалась шкатулка с ее личными драгоценностями. Когда ей дали протокол и предложили подписать его как «бывшая императрица России», она, не задумываясь, написала «вдова императора Александра III». Великая княгиня Ксения Александровна писала великому князю Николаю Михайловичу: «Если нам все это тяжело и часто все это в нетерпез, то каково бедной Маме! Перед ней просто стыдно... Видишь и сознаешь ее страдание, и бессилена ее утешить, предпринять что-либо. ... Можешь себе представить, что эти уроды до сих пор держат письма Мама и только вернули ей часть ее вещей. И если бы ты только видел, а как невыносимо больно и горько, что творится на фронтах. Это такой позор, который никогда не смоешь, что бы ни случилось! ... Какое преступление со стороны правительства, что оно допустило всю эту шваль — Ленин и Ко — в Россию, да еще дали возможность проникнуть в армию. Как это все дико и непонятно и к чему приведут нашу бедную многострадальную Родину!?» (ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 173. Л. 18–25 об).

Осень 1917 года была для Марии Федоровны тяжелой. Перенесла серьезную болезнь, надолго приковавшую ее к постели, она была еще слаба, но старалась не подавать вида. 26 ноября 1917 года скромно отметили ее 70-летие. «Ее Величество приводит нас всех в восторг тем достоинством, с которым себя держит. Ни одной жалобы на стеснительное, не снисшедшее Ей положение, в каком она пребывает, спокойное и приветливое выражение, одним словом, такая, какую она была всегда...», — писал гофмаршал двора императрицы Марии Федоровны князь Г.Д. Шервашид-

зе великому князю Николаю Михайловичу в Петербург. (ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 431. Л. 15–18).

В октябре 1917 г. к власти в Крыму пришли большевики. Назначенный Временным правительством комиссар по надзору за Романовыми был заменен присланным Севастопольским советом матросом Филиппом Задорожным. По счастливой случайности, он ранее служил в авиационной школе, которую возглавлял великий князь Александр Михайлович. В феврале 1918 г. обстановка еще более накалилась. По решению Севастопольского совета Ф. Задорожный велел всем Романовым собраться в имении Дюльбер, принадлежавшем великому князю Петру Николаевичу, откуда Мария Федоровна вместе с семьей Ольги позже перебралась в Харакс, имение великого князя Георгия Михайловича. Решение Ф. Задорожного, превратившего Дюльбер в настоящую крепость, практически спасло Романовых, поскольку в марте 1918 г. Ялтинский совет потребовал их расстрела. Однако Ф. Задорожный не только категорически отказался выполнять какие-либо несанкционированные Севастопольским советом действия в отношении Романовых, но и неоднократно пресекал налеты на Дюльбер вооруженных отрядов анархистски настроенных сторонников Ялтинского совета.

Когда немецкие войска вошли в Крым, к Марии Федоровне, считавшей, что Германия в тот момент находится в состоянии войны с Россией, прибыл по указанию Вильгельма II германский генерал барон Штольценберг и предложил ей с помощью немецких властей перебраться в Данию, императрица отказалась его принять: «Помощь от врагов России — никогда». (Исчезнувшая Россия. Воспоминания княгини Лидии Леонидовны Васильчиковой. 1886–1919. СПб. 1995. С. 434)

Летом 1918 г. стали появляться первые сообщения о смерти Николая II. Несмотря на противоречивые известия, Мария Федоровна продолжала верить, что ее Ники жив. На следующий день после ночи убийства царской семьи, 17 июля 1918 г., императрица Мария Федоровна принимала прибывшего от Ники «трогательного» человека, который рассказывал о том, как трудно живет семья ее сына в Екатеринбурге. «И никто не в силах помочь им или освободить — только Господь Бог!... Боже, спаси моего бед[ного], несч[астного] Н[ики], помоги ему в его тяжелых испытаниях! (Дневники императрицы Марии Федоровны. М. 2005. С. 239).

26 ноября 1918 года 22 судна Средиземноморской эскадры держав Антанты подошли к Севастополю, ставшему главной базой союзников. 7 апреля 1919 г. вдовствующую императрицу посетил командующий британскими военно-морскими силами в Севастополе адмирал Кальторп.

Он привез письмо от ее сестры вдовствующей королевы Александры и передал готовность английского короля Георга V предоставить Марии Федоровне и ее родным крейсер «Мальборо» для экстренного отъезда. Поначалу она отказалась, и только давление со стороны ее близких и существовавшая угроза возвращения в Крым большевиков, заставили ее дать свое согласие при условии, что она возьмет с собой всех родных и близких.

11 апреля 1919 года, вступив на палубу «Мальборо», императрица навсегда покинула родную землю. С борта английского корабля Мария Федоровна смотрела на знакомый силуэт берега. Сюда она впервые приехала почти 50 лет назад во время своего первого путешествия с мужем. Ее мысли прервало громкое пение российского гимна «Боже, Царя храни». Мимо «Мальборо», стоявшего уже на парах, проходил военный корабль, на котором выстроенные на палубе русские офицеры приветствовали императрицу и отдавали ей честь.

Первой остановкой был английский остров Мальта, где Мария Федоровна пробыла около месяца. 10 мая 1919 года в сопровождении самых близких родственников на английском корабле «Нильсон» Мария Федоровна отправилась в Англию, вдовствующей королевой которой была ее родная сестра Александра. Вскоре в политических кругах Великобритании было сочтено за лучшее, если императрица оставит их страну и устроится в Дании. В конце лета она уехала на родину, где были ее близкие и родные, где стоял дом, в котором она росла, где были похоронены ее отец и мать. Она вернулась в родной дворец Амалиенбург и поселилась в комнатах отца — Христиана IX. Ее племянник Христиан X был не рад той откровенной популярности, которой пользовалась его тетушка среди датчан. Эта ревность со стороны царствующего монарха приводила к мелким стычкам. Так, например, слуга короля однажды попросил от его имени тратить меньше электричества, так как последний счет был слишком велик. Гордая Мария Федоровна не смогла ответить ни чем другим, как приказать своим слугам включить все лампы в ее покоях. В 1920 году она переехала в небольшую виллу Видёр, которую она приобрела вместе с сестрой Александрой в 1907 году, вскоре после смерти отца.

Для многочисленных русских беженцев в Копенгагене Мария Федоровна по-прежнему оставалась императрицей. Ее уважали, ценили, часто обращались за помощью. В 1921 году состоялся общероссийский монархический съезд. Временным блюстителем престола было предложено стать Марии Федоровне. Но она уклонилась от этого предложения, не желая вмешиваться в политические игры. Кроме того, «никто не ви-

дел Ники убитым», а следовательно есть надежда... Она передала 1000 фунтов Н.А. Соколову, следователю, занимавшегося расследованием обстоятельств гибели царской семьи. Но так и не встретилась с ним. В последний момент великая княгиня Ольга прислала в Париж телеграмму с просьбой отменить встречу Н.А. Соколова с вдовствующей императрицей. Слишком тяжело было бы для старой больной женщины услышать страшные обстоятельства убийства сына и его семьи!

В ноябре 1925 года умерла родная сестра, любимая Александра. Для Марии Федоровны это было последней потерей, которая она не пережила. «Она была готова к встрече с Создателем» — написал в воспоминаниях великий князь Александр Михайлович о Марии Федоровне. (Великий князь Александр Михайлович. Указ. соч. С. 471). Она часами сидела с Евангелием, тем самым, подаренным матерью и возвращенном ей после обыска большевиков в Крыму.

13 октября 1928 г. ее не стало... Она скончалась на 81 году жизни на своей вилле Видёр. «Перед смертью императрица завещала лишь временно похоронить себя в Дании. Ее желанием было покоиться рядом с мужем в России, и она взяла с дочерью обещание, что те выполнят ее волю, как только позволят обстоятельства», — вспоминала дочь великого князя Павла Александровича, великая княгиня Мария Павловна, приехавшая на похороны вдовствующей императрицы. (Мария Павловна. Мемуары. М., 2003. С.503).

Гроб с телом был перенесен в русскую церковь Александра Невского в Копенгагене. Чтобы дожидаться съезжавшихся на похороны, их отложили почти на неделю, и все это время в храме дважды в день проходила служба. Маленький, почти детский гроб императрицы, стоял на низком помосте посреди церкви и был покрыт российским государственным и Андреевским флагами. 19 октября состоялось отпевание. На нем присутствовали только русские, а к погребению подошли датская королевская семья, норвежский король, шведский кронпринц и герцог Йоркский. Перед выносом у гроба императрицы встали датский королевский караул в затылок им попарно русские офицеры. В карауле также стояли два оставшихся при императрице казака, разделившее с ней изгнание. За гробом шли почти полсотни коронованных особ. Ее тело было перевезено в расположенный в 20 милях от Копенгагена кафедральный собор в Роскилле, который с X века служил местом упокоения датской королевской семьи. Как писал великий князь Александр Михайлович, «в последний раз за годы земного царствования и впервые после революции оказалась она во главе той процессии, что следует за всеми монархами... В день своей смерти вдов-

ствующая императрица Всероссийская вдруг вернула себе то, что утратила в день отречения сына — центральное место на сцене» (Великий князь Александр Михайлович. Указ. соч. С. 466). Мария Федоровна ушла в мир иной императрицей, несломленной и непобежденной.

... Ушла, чтобы вернуться на свою вторую Родину, и снова стать «во главе процессии», заняв «центральное место на сцене». Произошло это знаменательное событие спустя 140 лет со дня первого приезда датской принцессы в Россию, 87 лет ее изгнания из страны, которую она так горячо любила. Благодаря инициативе общественного деятеля, главы Дома Романовых князя императорской крови Дмитрия Романовича Романова в октябре 2005 года Россия и Дания подписали Меморандум о перезахоронении праха императрицы в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. В конце сентября 2006 года страны начали процедуру перезахоронения императрицы Марии Федоровны. 21 сентября гроб с ее прахом был извлечен из крипты в кафедральном соборе в Роскилле. В течение двух дней к останкам Марии Федоровны был открыт доступ всем желающим. Официально церемония перезахоронения началась 23 сентября с поминального богослужения в соборе в Роскилле, на котором присутствовали Ее Величество королева Дании Маргрете II и другие члены королевской семьи Дании, представители датского правительства и парламента, члены семьи Романовых, иерархи Русской православной церкви и члены правительства Санкт-Петербурга. После завершения поминального богослужения траурный кортеж направился в Копенгаген, проследовал мимо дворца Амалиенбург и собора Святого Александра Невского, который был построен по настоянию Марии Федоровны в ее бытность российской императрицей, и прибыл на причал Лангелиние, где после войсковых почестей останки Марии Федоровны были погружены на датский военный корабль «Эсберн Снаре». По пути кортеж сопровождали кронпринц Фредерик с кронпринцессой Мэри и солдаты королевского гвардейского полка. 26 сентября датский корабль в сопровождении флагманского корабля балтийского флота «Неустршимый», прибыл в порт Кронштадта, где был встречен орудийным салютом с российского корабля «Смольный», давшего 31 залп. Затем гроб с прахом Марии Федоровны был перенесен на борт российского катера «Пограничник», который доставил его на пристань нижнего парка Петергофа. Туда, где в 1866 г. датская принцесса Дагмар впервые вступила на русскую землю. В сопровождении российских и датских военных гроб был доставлен в церковь святого Александра Невского, которую Мария Федоровна часто посещала во время своего пребывания в Петергофе, где митрополит Санкт-Петербургский

и Ладожский Владимир отслужил заупокойную литию. 28 сентября прах российской императрицы был перевезен в Санкт-Петербург, где в Исаакиевском соборе Патриарх Московский и всея Руси Алексий II отслужил панихиду, в которой приняли участие представители семьи Романовых и королевских домов Европы, государственные и общественные деятели. После этого траурная процессия направилась в Петропавловский собор, где прах Марии Федоровны был предан земле, рядом с могилой ее мужа — императора Александра III, как она этого и хотела.

В 1928 году на похоронах императрицы Марии Федоровны ее духовник протоиерей Леонид Колчев произнес следующие слова: «Исключительный жребий выпал на Твою долю. Бог возвел Тебя на самую вершину земного величия, но и там Ты оставалась человеком, удел которого — скорби и страдания. Не спасет от них и корона царская... Много горя и всяких лишений пришлось испытать Тебе на Твоем долголетнем жизненном пути. Слабая телом, но сильная духом, Ты всегда сохраняла мужество, неизменно верила в торжество правды и истины. Этот пример Твоей воодушевляет нас, этот дух Твой хранится и в наших сердцах. Все это служит залогом грядущего возрождения нашей родины».

Нижегородская ярмарка в начале XX в.

Богородицкая Нина Алексеевна

*к.и.н., доцент, член-корреспондент, Общество:
«Нижегородский краевед»*

Аннотация: В статье рассмотрены торговая и общественная жизнь Нижегородской ярмарки в начале XX в. Отмечены все изменения, произошедшие на всероссийском торжище в связи с развитием путей и средств сообщения.

Ключевые слова: Торговля; ярмарка; биржа; банки; купечество.

Bogoroditskaya Nina Alekseevna

Society: "Nizhny Novgorod local historian"

Abstract: This article reviewed the trade and social life of the Nizhny Novgorod fair in the early twentieth century. All the changes that have occurred on the all-Russian market in connection with the development of ways and means of communication are noted.

Keywords: Trade; fair; exchange; banks; merchants.

История Нижегородской ярмарки напрямую связана с историей экономики России в целом и с историей волжской торговли, в частности. Волга с незапамятных времен являлась той магистралью, по которой шел обмен азиатских и европейских товаров. Ее еще называли «путь из варяг в арабы». Известно, что до присоединения Казанского ханства к Московскому княжеству в середине XVI в. торговым центром Волги была ярмарка на Арском поле под Казанью, куда наряду с иранскими и среднеазиатскими купцами ездили и русские купцы. В начале XVII в. торг переместился к Макарьевскому монастырю. Макарьевская ярмарка с 1627 г. становится прямой наследницей торговли на Арском поле. Вначале все ярмарочные доходы шли в пользу монастыря и благодаря во многом им к концу XVII в. был построен уникальный монастырский комплекс, которым мы и сейчас любимся. Еще Никита Зотов, наставник Петра I, бу-

дучи с ним проездом по Волге на Макарьевской ярмарке в 1695 г., сказал: «Это зело великое сходбище, о котором всегда думать надлежит». [8, с. 44]

Эти слова можно понимать только таким образом: от процветания торговли (экономики) напрямую зависит и процветание государства. Этот наказ Никиты Зотова выполнялся Романовыми на всем протяжении существования Макарьевско-Нижегородской ярмарки тем более, что он был в ключе протекционистской экономической политики, взятой правительством на вооружение еще с 1653 г.

В 1700 г. по указу Петра I Макарьевская ярмарка становится государственной, а в 1728 г. по решению Сената Макарьевская ярмарка была включена (по срокам проведения) во всероссийскую цепь ярмарок наряду со Свинской, Кролевецкой и Коренной ярмарками. [12, №5306] Макарьевская ярмарка процветала почти 200 лет и к концу XVIII в. стала самой крупной ярмаркой не только в России, но и в Европе. Вот, что пишет в своих воспоминаниях в 1804 г. лейб-медик императорского двора Г. Реман после посещения Макарьевской ярмарки: «Франкфуртская и Лейпцигская ярмарки по сравнению с Макарьевской ничем не приметные сорища». [13, с. 205]

Большой импульс развитию торговли был дан указом Елизаветы Петровны, дочери Петра I, в 1753 г. об отмене внутренних таможенных границ. В 1804–1810 гг. под руководством известного архитектора А.Д. Захарова строится ярмарочный гостиный комплекс, который в 1816 г. полностью сгорел.

15 февраля 1817 г. по утвержденному Александром I решению Комитета министров Макарьевская ярмарка была перенесена к Нижнему Новгороду. [13, с. 543] На Стрелице Волги и Оки напротив Нижнего Новгорода был выстроен лучший в Европе торговый ярмарочный комплекс. При этом царь Александр I, учитывая экономические интересы России, приостановил капитальный ремонт Зимнего дворца и послал в Нижний Новгород лучшую команду французских инженеров и архитекторов под руководством А.А. Беганкура. Заботу о Нижнем Новгороде и ярмарке проявлял и Николай I. После своего посещения Нижнего Новгорода в 1834 и 1836 гг., чтобы «приспособить город и ярмарку друг другу» для их благоустройства, и прежде всего для укрепления береговой линии рек Оки и Волги, он выделяет кредит в 1 млн. руб., а для его погашения учреждает судебной сбор (с 1911 г. — попудный). [16, д. 2675]

К началу XX в. Нижегородская ярмарка представляла собой целый город европейского типа с замощенными улицами и площадями (улиц было более 30, площадей — 10), бульварами, скверами и садами, освещен-

ными электрическими фонарями. На его территории находилось около семи тысяч магазинов и лавок, театр на 1600 мест, цирк на 1000 мест и ипподром. Ярмарка ежегодно проходила с 15 июля и до 25 августа, ее посещали в общей сложности до двух миллионов человек. Начальниками ярмарки были нижегородские губернаторы, которые опирались на казенную ярмарочную контору. Они следили за соблюдением законов на ярмарке и осуществляли посредничество во взаимоотношениях власти и купечества.

С отменой крепостного права казенные лавки стали продавать и к концу XIX в. все строения гостиного двора находились в частном или общественном владении. Казенной оставалась лишь земля, за аренду которой государство получало 180 тыс. руб. за каждый ярмарочный сезон. У ярмарки появились органы самоуправления — собрание ярмарочных уполномоченных и ярмарочный комитет, которые, согласно правилам 1864 и 1888 гг., могли обращаться в министерство внутренних дел и министерство финансов с ходатайствами не только о нуждах ярмарки, но и всей торговли и промышленности.

В этом плане любопытна докладная записка ярмарочного купечества, поданная в 1887 г. на имя министра финансов. В ней излагалась программа русской торгово-промышленной буржуазии по развитию рынков сбыта в Средней Азии, Иране и на Дальнем Востоке.[17, д.396] Ответом правительства на ходатайство ярмарочного купечества было повышение таможенных пошлин в 1891 г. почти на все ввозимые в Россию товары на 20% в золотой валюте.

Нижегородская ярмарка процветала почти 100 лет и не имела себе равных ни в России, ни в Западной Европе. Привоз товаров на Нижегородскую ярмарку к сер. XIX в. составлял более половины, а в нач. XX в. 1/10 часть всего внутреннего товарооборота и значительную часть годовой производительности всей промышленности России — в сер. XIX в. — 1/2, в нач. XX в. — 1/7 часть. [14; 18, д.1296, с.197–198]

О размерах ярмарки 1870-х гг. образное представление дает А. Милюков в своих путевых записках после ее посещения летом 1873 г.: «Представьте себе петербургский и московский гостиные дворы разбиты в одном месте с прибавкою лесного ряда и толкучего рынка».[9, с.124]

Торговля на Нижегородской ярмарке распадалась на три разряда: отечественные, европейские и азиатские товары. Ведущее положение в ярмарочных торговых оборотах занимала торговля отечественными товарами, которая составляла 73–75% всего привоза. Торговля иностранными товарами после принятия протекционистского тарифа в 1891 г. со-

кратилась с 14 % до 7 %, а затем и до 5% от всего ярмарочного привоза товаров. [10]

На Нижегородской ярмарке были представлены все без исключения товары, производимые в России. Поэтому современники говорили о ней как «о выставке всего, что производится и потребляется в массе русского народа. Иностранцу стоит обойти ярмарку и пристани и он составит полное и верное представление о русской промышленности». [9, с.136]

Расположенная на середине великого волжского торгового пути, Нижегородская ярмарка имела прямые контакты не только со всеми крупными ярмарками России, но и европейскими ярмарками, составляя вместе с ними единую цепь, имеющую важное значение в мировой торговле. Это прежде всего цепь ярмарок: Лейпцигская — Нижегородская — Ирбитская — Тобольская — Иркутская — Тюменская — Кяхтинская, по которой шли всевозможные европейские, российские и азиатские товары. Нижегородская ярмарка в этой цепи осуществляла связующую роль между Европой и Азией. Особенно тесная связь Нижегородской ярмарки была в меховой торговле с Лейпцигской и Ирбитской ярмарками. Если на Ирбитской ярмарке устанавливались мировые цены на невыделанные меха, то на Нижегородской ярмарке — на выделанные дешевые меха, а на Лейпцигской — на дорогие меха.

Огромно было значение Нижегородской ярмарки для торговли с такими восточными странами как: Иран, Афганистан, Китай, Монголия, среднеазиатские ханства (до 90% привоза в Россию). Особенно большое значение в ней имела торговля китайскими товарами, а среди них торговля чаем. Торговые связи с Германией, Францией, Англией, Голландией и др., осуществляемые через Нижегородскую ярмарку, как и с восточными странами, были двухсторонними. Если из стран Западной Европы на Нижегородскую ярмарку поступали промышленные и продовольственные товары, то с Нижегородской ярмарки в страны Запада шли исключительно сырьевые товары: меха, кожи, шерсть, щетина, лен, пенька и др. Противоположную картину мы наблюдаем в торговле с восточными странами. С Востока в Россию шли продовольственные товары (сухофрукты, чай) и сырье (хлопок, шерсть, кожа), а на Восток — российские промышленные товары (ситец, металлические изделия).

Если мы с Вами взглянем в историческую литературу, то обнаружим вполне объективные оценки Нижегородской ярмарки применительно 1850–1880-х годов как всероссийского торжища, сыгравшего значительную роль в экономике России. Известные исследователи Нижегородской ярмарки такие как: А.Н. Зубов[6], В.П. Безобразов[1] называли ее «кар-

маном России», «меновым двором Европы с Азией», «барометром всей промышленной и торговой жизни России», «уставщицей цен». В Путеводителе по Нижнему Новгороду и Нижегородской ярмарке 1896 г. говорилось: «Подобно Ливерпулю, Гамбургу, Лондону, Парижу, Петербургу Нижний уже давно сделался всемирно-историческим пунктом».

Что касается деятельности Нижегородской ярмарки в конце XIX — начале XX вв., в исторической литературе (А.Н.Лаврухин[7], Г.А. Дихтяр[4], П.А. Хромов[15]) утвердилось мнение о падении роли ярмарки в экономике России под влиянием развития сети железных дорог и превращения ее из всероссийской в региональный рынок. При этом главным аргументом для такого мнения приводится факт падения общего привоза товаров на ярмарку (он стабилизируется в размере 190–200 млн. руб.) в связи с «уходом» от нее китайского чая, среднеазиатского хлопка, прекращения привоза европейских товаров. Справедливо ли такое утверждение?

Если мы проанализируем географию торговых связей Нижегородской ярмарки с 1817 по 1914 г., то увидим, что на всем протяжении рассматриваемого периода она, несомненно, имела всероссийский характер, на ней были представлены все крупные экономические районы России.

К середине XIX в. на нее съезжались купцы из 134 уездов 41 губерний страны, то в 1890 г. из 54 губерний, а в 1913 г. — из 61 губерний. [10] Сфера влияния Нижегородской ярмарки увеличивается к 1913 г. по сравнению с серединой XIX в. в 1,5 раза. Она имела прямые связи со всеми крупнейшими торговыми центрами и ярмарками России, собирая ежедневно до 250 тыс. чел., а за весь срок до 2 млн. чел. Русских и иностранных купцов на ярмарке в середине XIX в. было 15 тыс. чел. (из них 700 иностранных подданных). Концентрация и монополизация в торговле, а также превращение Нижегородской ярмарки в конце XIX — нач. XX вв. в своеобразную биржу и выставку-продажу приводят к сокращению численности ярмарочных торгующих. Если в 1870 г. их было 3967, то в 1890 г. — 3652 чел., а в 1910 г. — 2811 чел. [7, с.16] Следуя ярмарочным традициям, купец, чтобы продать товар, должен был его показать на Нижегородской ярмарке и самому приехать на нее, иначе его считали банкротом, с которым нельзя вести торговые дела.

Третья часть всех торговцев были москвичи, которые привозили на ярмарку третью часть всего ярмарочного привоза. Общее количество иностранных фирм, торгующих на Нижегородской ярмарке во второй половине XIX — нач. XX вв. сокращается с 300 фирм до 103 фирм (1914 г.). Напротив, увеличивается число посредников в торговле, так называе-

мых коммивояжеров, среди которых было много польских, швейцарских и немецких евреев. Их насчитывалось в 1914 г. около 1200 чел. [10]

Проверкой на прочность торговых связей Нижегородской ярмарки стала Первая мировая война. Торговые связи слабнут, но не прекращаются. Ни один из традиционных для Нижегородской ярмарки и связанных с ней регионов в это время не исчезает (кроме Германии, Австро-Венгрии). Привоз товаров на ярмарку уменьшился в 2 раза, число торговцев сократилось также в 2 раза. Наибольшие потери Нижегородской ярмарки в привозе из Европы красителей и химических товаров, а в сбыте — льна, шерсти, кожи, пушнины. Однако уже в 1915 г. связи с зарубежным пушным рынком были налажены — был разрешен вывоз пушнины через Архангельск, Одессу и Владивосток в Англию, Швецию и Америку. Война имела некоторые положительные последствия для Нижегородской ярмарки и для экономики России в целом. Потеряв рынок высококачественных немецких изделий, Нижегородская ярмарка вынуждена была налаживать новые торговые связи. Был разрешен ввоз стальных изделий из Швеции, стали расширяться торговые связи с Англией, Францией, Японией, Америкой, Канадой.

Снижение привоза товаров на Нижегородскую ярмарку в конце XIX — начале XX вв. стало показателем упадка ярмарочной формы торговли в целом. Развитие постоянных форм торговли, усовершенствование путей сообщения (железные дороги) и средств связи (почта, телеграф) позволяли получать товар непосредственно на месте спроса, а не ехать за ним на ярмарку. Нижегородская ярмарка устояла в новых условиях.

Заметно выросла роль ярмарки как всероссийской биржи. Характер биржи ей придавали продажа товаров по образцам, выставочная торговля и особенно система банковских расчетов. В начале XX в. банковская сеть на Нижегородской ярмарке насчитывала отделения 13 крупнейших банков России: Государственный, Волжско-Камский, Сибирский торговый и др. с оборотом 350 млн. руб., в 2 раза больше, чем в 1860-гг. у семи действующих на ярмарке банков. [2, с.187] В это время наряду с учетом векселей появляются новые банковские услуги: прием и оплата денежных переводов в разные города, выдача дивиденда по акциям разных банков, оплата вышедших в тираж процентных бумаг, покупка и продажа государственных и частных процентных бумаг и ценностей, открытие подписки на займы, акции и облигации. Биржевой характер торговли на Нижегородской ярмарке усиливался в связи с расширением почтово-телеграфной службы, позволяющей оперативно передавать сведения о ценах и заказах на товары. Так, в 1904 г. в ярмарочном телеграфном от-

делении было принято 57940 телеграмм, касающихся торговых сделок, из них 2,5 тысячи международных. [10]

О всероссийском значении Нижегородской ярмарки в начале XX в. свидетельствует ее превращение в крупный рынок сибирских сырьевых товаров (с 1890 до 1909 г. пушнины — с 8 млн. до 32 млн. руб.; кожаного сырья — с 7,5 млн. до 20,5 млн. руб.; шерсти — с 15 млн. до 19 млн. руб.) и ее роли как места расчета по торговым сделкам, произведенным в других торговых центрах России (сумма банковских и почтовых оборотов доходила до 500 млн. руб. при сумме общего привоза товаров до 190 млн. руб.). [7, с.18] В нач. XX в. усиливается роль Нижегородской ярмарки как складочного места непроданных на ярмарке и транзитных товаров для Москвы.

О высоком статусе Нижегородской ярмарки в экономике России в конце XIX — начале XX вв. свидетельствует также проведение в Н. Новгороде в 1896 г. XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки, которая подвела итоги экономического развития России к концу XIX в. Инициатива проведения выставки в Нижнем Новгороде принадлежала Александру III. Николай II успешно реализовал ее. Из казны выделяются 1 млн. руб. на благоустройство города и на устройство выставки 3 млн. руб. В городе появился электрический трамвай, фуникулеры, новый театр, речной трамвай и др. Николай II посещает выставку и ярмарку. Купцы-железоторговцы искренне благодарят царя за его экономическую политику, направленную на развитие отечественного производства и преподносят царю и царице ценные подарки (серебряное блюдо и золотую корзиночку с ландышами из жемчуга с бриллиантами работы Фаберже). В 1913 г. Николай II посещает Н.Новгород в рамках празднования 300-летия дома Романовых. Памятником его посещения стало здание Государственного банка на ул.Большой Покровской, построенное в неорусском стиле (арх.В.А. Покровский). Он встречается с председателем ярмарочного комитета А.С. Салазкиным и одобряет инициативу купечества о проведении в 1917 г. в Нижнем Новгороде XVII Всероссийской промышленной выставки в связи со столетним юбилеем переноса ярмарки от Макарьева к Нижнему Новгороду. [17, д.674]

Нижегородская ярмарка достаточно широко была вовлечена в сферу мирового рынка и ход торговли на ней во многом зависел от его конъюнктуры. Особенно чувствительно Нижегородская ярмарка реагировала на изменение мировых цен на хлеб, хлопок, красители, курс русского рубля на зарубежных биржах, таможенной политики.

Нижегородская ярмарка в конце XIX — начале XX вв. оставалась ав-

торитетным форумом крупного российского бизнеса, с которым правительственные круги России были вынуждены считаться. Поэтому не случайно в это время обращения министерства торговли и промышленности к ярмарочному комитету в 1911 г. с предложением обсуждения новых торговых договоров России с Германией и Австрией, в 1909 и 1912 гг. с просьбой сообщить данные о российской торговле и промышленности России «с указанием тех мер, которые желательно осуществить с помощью правительства для развития нашей торговли и завязывания торговых сношений с иностранными государствами по тем или другим отраслям нашего отечественного производства». [19, д.306] В 1911 г. в записке Нижегородского ярмарочного комитета по поводу проекта строительства железной дороги Н.Новгород-Екатеринбург отмечалось, что «Нижний Новгород с его ярмаркой является для волжского бассейна распределителем всех товаров, для Сибири — передовым торговым складом Москвы, ее торговым пригородом. Устойчивость всероссийской торговли, весь твердо слаженный ее механизм неисчислимыми и многообразными нитями связаны с Н.Новгородом». [19, д. 1160]

О значительной роли Нижегородской ярмарки в экономической жизни России в начале XX в. свидетельствует также решение межведомственного совещания при Министерстве торговли и промышленности 1909 г. «не вносить коренных изменений в существующую систему сборов с ярмарочных торгующих». [11, с.148] Главным аргументом при принятии этого решения было то, что «Нижегородская ярмарка представляет собой исключительное явление русской жизни, на котором ежегодно происходит подсчет в торговых делах в России и учет производительных сил за истекший год, и которая является показателем покупательной силы страны на каждый будущий год». [5, с.65]

Таким образом, приведенные факты красноречиво опровергают устоявшийся в исторической литературе взгляд на место Нижегородской ярмарки в экономике России в конце XIX–начале XX вв. как регионального рынка. Нижегородская ярмарка развивалась на протяжении всего своего существования в рамках экономического развития России со всеми его взлетами и падениями. Экономика России, пережив очередной промышленный подъем 1909–1913 гг., вышла по общему объему производства промышленной продукции на 4–5 место в мире. Немецкие эксперты перед Первой мировой войной с тревогой писали, что если такими темпами будет развиваться экономика России, то она сможет быть серьезным конкурентом Германии. Успешное развитие экономики России в нач. XX в. в целом и Нижегородской ярмарки, в частности, было обусловлено

экономической стратегией правительства и верховного его управления в лице Николая II, направленной на индустриализацию страны.

Нижегородская ярмарка в XX–XXI вв. переживает новые этапы своего развития, гибко, как и раньше, приспосабливаясь к новым реалиям рыночной экономики.

Примечания

1. Безобразов В.П. Очерки Нижегородской ярмарки. М., 1865.
2. Богородицкая Н.А. Банки на Нижегородской ярмарке в XIX — начале XX вв. // Проблемы и пути развития банковской системы на рубеже двадцатого столетия. Материалы I научно-практической конференции 25 декабря 1998 г. Н.Новгород, 2001.
3. Дедлов В. Вокруг России. СПб., 1895.
4. Дихтяр Г.А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960.
5. Журнал совещания при Министерстве торговли и промышленности. СПб., 1912.
6. Зубов А.Н. Нижегородская ярмарка. М., 1839.
7. Лаврухин А.Н. Нижегородская ярмарка. М., 1925.
8. Макарьевско-Нижегородская ярмарка. Очерки истории. Н.Новгород, 1997.
9. Милюков А.Н. Летнее поездки по России. СПб., 1874.
10. Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1895–1915 гг. М., 1896–1916.
11. Отчет Нижегородской казенной палаты за 1910 год // Доклад Нижегородской земской управы XVII очередному Нижегородскому земскому собранию. Н.Новгород, 1910.
12. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т.IV.
13. Реман Г. Путешествия. Макарьевская ярмонка // Северный архив. 1822. № 9.
14. Россия. 1913 год: статистико-документальный справочник. СПб., 1995.
15. Хромов П.А. Экономическая история СССР: период промышленного и монополистического капитализма. М., 1982.
16. Центральный архив Нижегородской области (далее ЦАНО). Фонд канцелярии нижегородского губернатора. Ф.2. Оп.6.
17. ЦАНО. Фонд Нижегородского ярмарочного биржевого комитета. Ф.491. Оп.288.
18. ЦАНО. Фонд Нижегородской ярмарочной конторы. Ф.489. Оп.287.
19. ЦАНО. Фонд Нижегородского ярмарочного комитета. Ф. 472. Оп.286.

Неуслышанное приветствие (Приветственное слово Николая Второго 27 апреля 1906 года)

Ведерников Владимир Викторович,
*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского
государственного технологического института
(Технического университета)*

История Первой Государственной Думы в последнее время приобрела особую актуальность. Первый русский парламент, казалось, открывал путь для диалога общества и власти, среди депутатов Думы были известные юристы, историки, социологи, общественные деятели. Можно вспомнить имена М.Я. Острогорского, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, Г.Ф. Шершеневича, П. А. Гейдена, Ф.И. Родичева и других. Благодаря бойкоту выборов, в составе Думы почти не оказалось представителей леворадикальных партий, правые радикалы хотя и были представлены в числе думцев, но объединиться в работоспособную фракцию они так и не сумели. Поэтому роль умеренной оппозиции думскому большинству взяла на себя группа графа Гейдена, которая была не менее критично настроена по отношению к правительству, чем ее оппоненты из числа кадетов. Роль лидера, бесспорно, принадлежала фракции конституционных демократов, обладавшей опытом, знаниями, хорошо владевшей парламентской техникой. Благодаря этому, кадеты, составляя примерно третью часть депутатов, тем не менее оказывали решающее влияние на работу Думы. Почему же первый русский парламент просуществовал всего 72 дня, а не 5 лет, отведенных Думе по закону о выборах? Этот вопрос волновал как современников, так и историков. Откликаясь на 20-летнюю годовщину созыва Первой Государственной думы П.Б. Струве писал: « Самый ужасный вопрос, который встает перед всяким, кто пережил русскую историю последних двадцати- двадцати пяти лет может быть сформулирован так: «Могла ли бы какая-нибудь самая радикальная конституция в духе, например, кадетской партии, дарованная исторической властью и соблюдаемая ей самым «лояльным» образом,

могла бы такая конституция в 1905–1906 годах предупредить тот «русский бунт, жестокий и бессмысленный», который произошел в 1917–1918 годах»? Спор о причинах революции стал заметной темой русской эмигрантской публицистики. Наиболее существенным его проявлением стала дискуссия между двумя лидерами кадетской партии П.Н. Милюковым и В.А. Маклаковым. Важно отметить, что спор был не о программе партии — в этом отношении фундаментальные ценности либеральной программы спорящие сомнения не подвергали, — а о тактике. По мнению Маклакова, борьба с самодержавием была оправданной, а тактический союз с революцией необходим, но после провозглашения Манифеста 17 октября и русскому либерализму, и монархии необходим был союз «Соглашение общественности с исторической властью вовсе не означало капитуляции перед нею (...) Общественность не обязана была капитулировать перед властью, но и не могла требовать ее капитуляции перед собой. Соглашение всегда компромисс, то есть взаимность уступок». Опорой же либерализма могли стать «обыватели», «мирное население», которые не хотели ни революции, ни беспорядков, ни разложения государства². Кого подразумевает под этой группой Маклаков совершенно неясно. Но вряд ли это русские рабочие или тем более крестьяне.

С оценкой Маклакова радикально разошелся П.Н. Милюков. В его позиции чувствуется изрядная доля личной обиды, ибо именно он в течение долгих лет определял тактическую линию партии, которая получила столь жесткую оценку его бывшего партийного товарища. Но если рассматривать аргументы по существу, то они сводятся к следующему. На уступки власть шла только под давлением революционного Ахеронта, поэтому тактический союз с радикалами был неизбежен. Уступки, данные властью 17 октября 1905 г., носили половинчатый и неискренний характер, поэтому «самодержавная власть не оставляла другого пути к конституционной монархии, кроме революционного», а так как Николай Второй в глубине души мечтал о реставрации самодержавия, то достижение компромисса с властью было невозможно, а это делало революцию неизбежной. Милюков утверждает: «Противоречие, в котором эта уступка (манифест 17 октября — В.В.) состояла с собственными убеждениями Николая Второго было хорошо известно публике и проверено бесконечными колебаниями царя , в которых верх всегда одерживал

¹ Струве П.Б. Двадцать лет русской революции // Струве П.Б. Дневник политика. М.; Париж, 2004. С. 113–114.

² Маклаков В.А. Первая Государственная дума. — Париж, Б.г., С. 12–13.

Победоносцев»³.

Советская историография, которая в своих оценках шла вслед за В.И. Лениным, считала, что русская «буржуазия» в лице партии кадетов безусловно стремилась к «делке», но «азиатски девственное», по словам В.И. Ленина, самодержавие, не желало идти ни на какие уступки, в результате «кадеты очутились в тисках между реакционным самодержавием и революционным народом»⁴. Следовательно, по Ленину, самодержавие действительно не желало идти на уступки, а дряблая программа российских либералов не соответствовала народным чаяниям. Революция была единственным приемлемым для страны вариантом. Именно потому социал-демократы должны были последовательно бороться не только с самодержавием, но и с российскими либералами. Очевидно, что оценки реформистского потенциала российской монархии совпадают у вождя революционного крыла социал-демократии и у одного из самых последовательных деятелей отечественного либерализма. В последнее время наметилась линия на переоценку потенциальных реформистских возможностей монархии и фигуры Николая Второго⁵. Если не рассматривать явно апологетические работы, то следует отметить прежде всего труды С.В. Куликова. Автор приводит достаточно серьезные аргументы, указывая на то, что царь был готов идти на уступки, а реформы государственного строя, проведенные в 1905–06 гг., в целом вписывались в европейскую политическую модель. К большому сожалению, исследователь подчиняет выводы своих работ умозрительной концепции, которая призвана доказать не только известную гибкость политического курса императора (что, безусловно, справедливо), но и последовательный «либерализм» государя. При этом факты поддержки черносотенного движения, непоследовательность монарха либо игнорируются, либо подвергаются произвольной интерпретации⁶.

³ Милюков П.Н. Либерализм, радикализм и революция: (по поводу критики В.А. Маклакова) // Современные записки. 1935. № 57. С. 294, 309. Он же. Суд над кадетским «либерализмом» // Современные записки. 1930. № 41. С. 347–371.

⁴ Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. — М., 1970. С. 309.

⁵ Анализ современных тенденций в оценке личности последнего императора см.: Фирсов С. Л. Образ последнего русского императора Николая II в современной отечественной исторической литературе // Историческая экспертиза. 2019. № 1. С. 238–270.

⁶ Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке пробле-

Проблема, требующая решения, сложна и многообразна. Я попытаюсь очертить тот круг уступок, на которые готова была пойти власть, точнее, император, к началу работы Первой Думы. Объектом исследования послужит приветственное слово императора 27 апреля 1906 года, сказанное депутатам представительных учреждений, а предметом — реконструкция программы власти.

Следует отметить, что текст выступления императора не привлек должного внимания ни современников, ни историков. Есть филологическая работа, оценивающая частотность слов, анализ структуры предложений приветственной речи⁷, но труды историков мне неизвестны. Исключением является, пожалуй, сочинение В.Я. Маклакова. По его мнению, речь императора « намечала политический курс, совпадавший с давнишней программой либерализма»⁸. Но полноценным академическим сочинением труд Маклакова считать нельзя. История Первой Думы служит оружием для полемики с Милюковым и поэтому страдает известной тенденциозностью.

Историки же, вслед за современниками, фиксировали внимание на контрасте между величественной обстановкой Георгиевского зала Зимнего дворца и пестрой нечиновной толпой народных избранников. Речь государя едва упоминается политической хронике П. Н. Милюкова⁹. Однако именно она позволяет понять как отношение власти к народным представителям, так и программу действий правительства.

В соответствии с Правилами о введении в действие учреждения Государственной думы, первое заседание народного представительства должен был открыть полномочный представитель императора¹⁰. Приветственное слово, а тем более тронная речь процедурой не предусматривалась. Первоначально государь предполагал принять депутатов Думы и членов Государственного совета у себя, «вроде того, как он принима-

мы // Российская история. 2009. № 4; . Он же Николай II и парламентаризм (1906–1917) // Таврические чтения-2008; Он же. Николай II, Дмитрий Трепов и идея ответственного министерства // Таврические чтения. — 2016. Ч. 1. С. 112–127.

⁷ Кузьмина Е.В. Структурный анализ речей Николая II // Язык и текст. 2017. Т.4, № 3. С. 35–52.

⁸ Маклаков В.А. Первая Государственная дума. С. 50.

⁹ Милюков П. Н. Первое заседание // Год борьбы. Публицистическая хроника, 1905–1906. — СПб., 1907. С. 401–403.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. № 26721 СПб., 1908. С. 691.

ет чиновников», но затем по настоянию графа Палена была разработана церемония торжественного приема в Зимнем дворце¹¹. Торжественность момента подчеркивалась государственными регалиями и тем, что к представителям законодательной, исполнительной и судебной власти обращался император. Процедура была запечатлена на киноплёнку. Речь, по словам И.Л. Горемыкина, была составлена императором самостоятельно из нескольких представленных ему проектов¹². Действительно, в фонде коллекций рукописей Царскосельского дворца хранится несколько проектов приветственного слова императора с собственноручными пометками и правой рукой Николая Второго, а также проект, составленный императором¹³. Проанализированы будут только проекты, которые повлияли на текст выступления императора. Поэтому вне поля нашего зрения оставлен анонимный текст, переданный государю Е.В. Богдановичем¹⁴ и вариант, переданный А.А. Половцовым, текст которого сохранился в дневнике сановника¹⁵.

В числе сохранившихся проектов есть рукописный вариант, К.П. Победоносцева, который снискал в глазах либеральной общественности репутацию крайнего реакционера. Его государственная деятельность не требовала публичности. Но свои воззрения К.П. Победоносцев не боялся выражать уже в качестве публициста и журналиста. К коронации Николая Второго был приурочен выпуск «Московского сборника», где парламентаризм обличался как «великая ложь нашего времени», тогда же он демонстративно взял на себя персональную ответственность за провал проекта Лорис-Меликова, заявив, что он по поручению императора Александра III самостоятельно, без всякого участия М.Н. Каткова написал манифест 29 апреля 1881 г. о незыблемости самодержавия¹⁶ Его отставка последовала вслед за изданием манифеста 17 октября 1905 г.¹⁷

Изменились ли его воззрения? Похоже, что нет. В его интерпретации Манифест 17 октября был роковым актом, следствием которого ста-

¹¹ Половцов А.А. Дневник. 1893–1909. СПб., 2014. С. 514. Запись от 30 марта 1906 г.

¹² Половцов А.А. Указ. Соч. С. 520. Запись 27 апр. 1906 г.

¹³ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 517.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 517. Лл. 5–7.

¹⁵ Половцов А.А. Указ. соч.. Запись от 20 апреля 1906 г. С.

¹⁶ Письмо К.П. Победоносцева // Исторический вестник. 1896. № 8. С. 553–554.

¹⁷ О Победоносцеве см.: Полунов А. Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010; Фирсов С. Л. Константин Победоносцев : интеллигент во власти. СПб., 2016.

ло крушение традиционного союза исконных опор России — самодержавия и православия¹⁸ События русской революции рассматривались Победоносцевым как следствие «дьявольского расчета» С.Ю.Витте, который, в качестве орудия политической интриги еще в декабре 1904 года задумал «распустить власть, опозорить ее и объявить свободу». В результате «туча злодеев, безумных маниаков, сбитых с толку мальчишек, развращенных бродяг, — выпущенная из тюрем, из хат, из келий и пр., принялась уничтожать представителей власти повсюду!»¹⁹ День открытия заседаний Первой Государственной Думы он назвал роковым²⁰.

Какой же текст предлагает государю этот рыцарь самодержавия, наиболее популярный персонаж сатирических листков, в изобилии выходивших в России в дни свобод?

Проект обращения констатирует, что прежний государственный строй, хотя и обеспечивал целостность государства, но «ныне в соответствии с развитием жизни государственной и общественной» нуждается в обновлении, предпринятом по инициативе императора. Главное право — участие Думы и Государственного совета «в разрешениях законодательных дел» и это право государь обещает «охранять неколебимо». В обращении к депутатам не исключается возможность конфликтов, но тем не менее «я уверен, — так, в проекте Победоносцева обращается монарх к депутатам, — что при разумном взаимодействии народа и правительства новый законодательный порядок не замедлит укрепиться в согласии с указанными мною его основами»²¹.

Текст более чем примечателен. Во-первых, власть публично обещает «охранять неколебимо» право народа выбирать и право депутатов законодательствовать. Это публичное обещание равносильно конституционной присяге. Во-вторых, в тексте нет упоминания о самодержавии, хотя в тексте Основных законов определение власти как самодержавной сохранялось. Текст рассчитан на поиск сотрудничества, диалога и, вероят-

¹⁸ Победоносцев К.П. — Шереметьеву С.Д. 1906. . 16 июня// Источник. 1996. № 6. С.18.

¹⁹ Победоносцев К.П. — Шереметьеву С.Д. 1906. . 12 июля// Источник. 1996. № 6. С. 20.

²⁰ Победоносцев К.П. — Шереметьеву С.Д. 1906. 27 апреля// Источник. 1996. № 6. С. 15.

²¹ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1 . Д. 517. Лл. 9–10. См. также: ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 518. Лл. 1–3.

но, поэтому не затрагивает наиболее болезненные темы, которые могли бы послужить почвой для конфликта (рабочий и аграрный вопросы, амнистию) и т.д. Разумеется, работа написана по заказу и не отражает всех особенностей политического мировоззрения Победоносцева. Но можно ли этого яркого и талантливому публициста рассматривать только как наемное перо? Думаю, нет. Победоносцев был острым и пронизательным критиком парламентской системы, которой противопоставлял идеальное самодержавие. Но был ли этот идеал реализован в России? Отрицательный ответ очевиден. Это противоречие между «древней сказкой» и удручающей действительностью не было секретом и для автора «Московского сборника», Значит, приходилось покоряться неизбежному.

Но, может быть, причина в другом. Разразившаяся в 1905 году революция, по мнению не только либералов, но и умеренных консерваторов, вроде А.А. Половцова, стала следствием отказа от продолжения великих реформ в царствование Александра Третьего. Главным идеологом реакции считался К.П. Победоносцев.. Но в разговоре с Половцовым, состоявшемся вскоре после отставки обер-прокурора, на горькие упреки собеседника Победоносцев ответил, что он и в глаза не видел проекта Лорис-Меликова²². Возможно теперь, на заре новой исторической эпохи, он не хотел взять на себя ответственность за противодействие конституционному эксперименту, хотя внутренне и был не согласен с ним.

При всем своем консерватизме обер-прокурор понимал неотвратимость перемен, в том числе и эволюции государственного строя, хотя и ярко видел теневую сторону демократии. Своей задачей он считал замедлить наступление неизбежного. По воспоминаниям Е. М.Феоктистова, Победоносцев был убежден, что «никакая страна в мире не в состоянии была избежать коренного переворота и, вероятно, и нас ожидает подобная же участь»²³.

Привычным мотивом писем Победоносцева были его постоянные lamentации на то, что он всеми забыт и никаким влиянием не пользуется. Участие его в подготовке приветственного слова показывает, что и после отставки он сохранял определенное политическое влияние.

Вариант, предложенный Горемыкиным, носит более конфронтационный характер. В тексте подчеркнута инициатива власти в определении характера законодательной деятельности. По инициативе госу-

²² Половцов А.А. Указ. Соч. С.

²³ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991. С. 218–219.

даря предприняты «коренные преобразования», по его повелению разработаны проекты законов, вносимые на рассмотрение палат. Включено резкое осуждение революционеров, которые «нанесли России тяжкие раны». Слово должно было предостеречь депутатов от неосмотрительного реформирования государственных учреждений, «которые изданы и издаются исключительно для развития благосостояния страны в обширном значении этого слова, то есть для развития религиозного, нравственного, умственного и материального благосостояния»²⁴. Исключено и какое-либо упоминание о торжественном обещании. В письме императору Горемыкин сообщал, что проект этот составлен им по прямому указанию императора в сотрудничестве с Победоносцевым²⁵. В чем именно заключалось это сотрудничество неясно. Несколько фраз в тексте действительно заимствованы из проекта Победоносцева. И только. В соответствии с Основными государственными законами, изданными накануне созыва Думы, власть императора определялась как власть самодержавная²⁶. Но даже в этом более конфронтационном тексте нет упоминания о самодержавии.

Еще более конфронтационный характер носит текст, сохранившийся в фондах Совета министров. Он и тематически и текстуально перекликается с проектом Горемыкина. Текст предостерегал депутатов от нарушения «правил для деятельности выборных от народа» и указывал, что «всякое отклонение от них приведет к замешательствам, могущим затормозить проведение в жизнь предложенных преобразований»²⁷. Иными словами, забронированными от пересмотра объявлялись не только Основные законы, но и Учреждение Государственной думы, а «выборным от народа» (таким громоздким термином заменялось иностранное слово, депутат, намекавшее на парламентаризм) предлагалось прежде всего сосредоточиться на обсуждении правительственных законопроектов. Но и здесь не упоминается о самодержавии, а государь подтверждал «незыблемость» своих предначертаний, ставя, их осуществление.

На разработку текста приветственного слова влияние оказал документ, который мы обозначим как «проект В.И. Ковалевского», сохранив-

²⁴ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 517. Лл. 10–12.

²⁵ Горемыкин И.Л. — Николаю Второму. 1906. 23 апреля // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 517. Л. 12.

²⁶ Полное собрание законов Собрание 3-ье. Т. XXVI. № 27805. СПб., 1909. С. 457.

²⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 48. Лл. 1–2.

шийся в двух вариантах. Один из вариантов, сохранившийся в архиве графа С.Ю. Витте, был опубликован в журнале «Красный архив»²⁸, машинописная его редакция с пометами императора сохранилась в фонде Царскосельского дворца²⁹.

«Проект Ковалевского» был передан императору дворцовым комендантом Д.Ф. Треповым. пометы, сделанные Ковалевским: «У меня была предположена полная амнистия», «У меня было: предоставление права петиций» вроде бы подтверждают его авторство. Однако Витте, в архиве которого сохранился текст, в мемуарах уточняет, что текст Ковалевского был составлен «при участии столпов партии народной свободы, тех же деятелей, которые таким же путем представили критику основных законов»³⁰. Записка с критикой проекта Основных законов была составлена М.М. Ковалевским, П. Н. Милюковым, И.В.Гессеном, Ф. Головиным, Н.И. Лазаревским и С.А. Муромцевым. Ни один из упомянутых деятелей, оставивших мемуары (И.В. Гессен, Ф.А. Головин, М.М. Ковалевский) своего участия в составлении приветственного слова не подтвердил, но и не опроверг. Конечно, такого опровержения не следовало ожидать от скончавшегося в 1916 году до обнародования текста, Ковалевского, но молчание Гессена и Милюкова, — а они писали мемуары в 1930-е годы, — выглядит, по меньшей мере, странным.

Д.Ф. Трепов, скончавшийся в сентябре 1906 года, мемуаров не оставил. Но, как свидетельствует его деятельность и в 1905, и в 1906 годах, он предпринимал активный зондаж, чтобы вступить в диалог с деятелями либеральной оппозиции. Осенью 1905 года в качестве посредника для переговоров выступил английский либеральный журналист В. Стэд³¹, в июне 1906 года состоялись переговоры Милюкова с дворцовым комендантом, предметом которых был вопрос об отставке кабинета и формировании нового правительства из состава партии кадетов. В канун созыва Думы вполне естественным было бы получить пожелания той партии, кандидаты которой выиграли выборную кампанию в крупных городах.

Думаю, что «забывчивость» Милюкова вполне объяснима. Основа

²⁸ Проект тронной речи // Красный архив. 1925. № 11/12. С. 142–143. См.: РГИА. Ф. 1622 (Витте С.Ю.). Оп. 1. Д. 284.

²⁹ ГА РФ ф. 543. Оп. 1. Д. 517. Лл. 1–3.

³⁰ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 305, 360

³¹ Куликов С.В. К истории создания законодательной Государственной думы. Николай II, У.Т.Стэд и манифест 17 октября 1905 г. // Таврические чтения 2012 СПб., 2013. С. 19–62.

его концепции в полемике с Маклаковым — это утверждение о ригидности самодержавной власти. Но с какой же целью тогда вести эти переговоры, да еще и с такой одиозной персоной, как дворцовый комендант, если уступок все равно не добьешься? Да и сами эти переговоры на фоне непримиримой борьбы с властью, которую декларировали кадеты, выглядят уж очень двусмысленно. Думаю, что все эти соображения и заставили Милюкова, а возможно, и И. Гессена прибегнуть к фигуре умолчания. Впрочем, для нас важно, что проект выражал позицию либеральных кругов (не мнение же В.И. Ковалевского интересовало Трепова и императора). Его содержание, как я попытаюсь доказать, в общем отражало ту тактическую линию, которая получила одобрение Третьего съезда партии кадетов, состоявшегося 21–25 апреля 1906 года.

Наиболее интересен «проект В.И. Ковалевского», который был составлен к 25 апреля 1906 г. при участии представителей либеральной оппозиции. Он дошел до нас в двух редакциях: редакции, опубликованной в журнале «Красный архив», и машинописном тексте, хранящемся в архиве, который был использован государем при работе над тронной речью. При этом мы не знаем первоначального текста, который, судя по пометкам В.И. Ковалевского, подвергся переработке и смягчению.

Прежде всего обращает внимание, что обращение к депутатам носит наименование тронной речи. Тронная речь — это процедура, характерная для конституционных монархий. Выступая перед палатами, монарх излагает программу правительства. Такой программный характер и носит «проект Ковалевского». Назовем ключевые моменты. В первоначальном варианте стояло провозглашение амнистии, но затем это положение подверглось корректировке. Прощение получали все, кто стал жертвой административных преследований, но только после полного успокоения страны, которое возможно лишь при совместной работе депутатов и правительства, будут отменены положение об усиленной и чрезвычайной охране и дарована всеобщая амнистия.

Монарх провозглашал принцип политической ответственности власти перед депутатами и переход к всеобщему избирательному праву. Расширились финансовые права Думы, так как бюджет подлежал «общим началам законодательного обсуждения». Это требовало коренного пересмотра бюджетных правил 8 марта 1906 года.

Следующим пунктом программы провозглашалась разработка законов, обеспечивающих гражданские и политические права: неприкосновенность личности, свобода совести, слова и печати, собраний и сою-

зов. В первоначальном проекте было предусмотрено и право петиций³².

Социальные реформы предусматривали улучшение «в положении и быте» крестьян и рабочих. Их конкретное наполнение, очевидно, зависело от работы депутатов, но в проекте содержалось упоминание, что именно верховная власть 45 лет назад провозгласила крестьянское освобождение, открыв, таким образом, эру социальных реформ.

Текст «проекта Ковалевского» составлялся в дни работы третьего съезда партии кадетов. Делегаты, приехавшие из провинции, были воодушевлены победой на первых парламентских выборах, победой, впрочем, сомнительной, так как фракция имела примерно 1/3 часть голосов. Но иллюзии делегатов были вполне объяснимы. Безусловная победа в крупных городах казалась залогом кадетской гегемонии в Думе. Более трезвую позицию занимал лидер партии Милюков, осознававший, что роль партии парламентского большинства, которая претендует на министерские портфели, отличается от роли лидеров радикальной оппозиции. «Речь» писала, противопоставляя доктринерство второго съезда реальной политике третьего: «Какую огромную роль на этом (втором — В.В.) съезде играли отвлеченные лозунги теоретизирующей политической мысли: «учредительное собрание... бойкот внутри Думы... органическая и неорганическая работа». И какую ничтожную роль играют эти лозунги теперь, когда партия, пройдя через тяжелый искус избирательной кампании, окунувшись в реальную действительность, прониклась живым настроением широких народных масс»³³.

Полагаю, что все же изменение тактики было связано не столько настроением избирателей (в таком случае она бы шла по пути радикализации), а с тем, что лидер партии понимал необходимость компромисса с действующей властью. Альтернативой компромиссу была только революционная борьба, безусловно для кадетов неприемлемая. В докладе на партийном съезде (а он был сделан до обнародования Основных законов) Милюков призвал партию считаться с существованием Государственного совета и заняться разработкой тех законов, которые не противоречили прерогативам Думы: реформа избирательного права, гражданские и политические права граждан, а также аграрный и рабочий вопросы. Что касается амнистии, то она, признавал лидер кадетов, была прерогативой монарха и могла стать поводом для конфликта, но этот вопрос необходимо было поднять во имя «удовлетворения общественной сове-

³² Проект тронной речи. // Красный архив. 1925 № 11/12 С.143.

³³ Решенная задача// Речь. 1906. 23 апреля. № 56.

сти»³⁴. Что касается ответственного перед Думой министерства, то докладчик считал его делом ближайшего будущего, так как правительство вынуждено будет искать компромисс с Думой, которая пользуется широкой народной поддержкой. Шагом на пути к созданию ответственного министерства он считал отставку кабинета графа С.Ю. Витте. «Удалил министерство и отказавшись от проведения «основных законов», Верховная власть показала этим, что конфликт между Думой и правительством считается опасным и нежелательным»³⁵. Министерство же Горемыкина Милюков считал чисто «техническим», переходным к полноценному парламентскому министерству. «Горемыкину поставлена задача, — писала «Речь», — образовать переходное деловое министерство, спокойно выслушать решения и желания Думы и затем уступить свое место новым людям, которые должны провести новые принципы в нашу политическую и хозяйственную жизнь»³⁶.

Все эти пункты вошли в «проект Ковалевского», что не оставляет сомнений, в том, что он исходил из кадетских кругов. Возможно, контакты с Д.Ф. Треповым к моменту работы съезда были в самом разгаре, так как в докладе Милюкова неоднократно упоминается «тронная речь», ответом на которую станет думский адрес³⁷. При этом первое упоминание о возможном выступлении императора (в виде неподтвержденного слуха) появилось в печати только 22 апреля³⁸, а официальное обнародование церемонии приема депутатов Думы и членов Государственного совета последовало 25 апреля³⁹.

Редакция «проекта Ковалевского», которую использовал император в работе над текстом приветственного слова, подверглась изменению. В новой редакции исключено дарование ответственного министерства и реформирование бюджетных правил. Когда и кем был переработан текст неясно. Ковалевский, который передал Витте первый вариант, вероятно, об изменениях не знал. В таком случае, можно предположить, смягченный вариант — результат работы Д.Ф. Трепова после консультаций с государем. Были ли эти изменения согласованы с авторами перво-

³⁴ Милюков П.Н. О тактике партии в Государственной думе// Протоколы Третьего общеимперского делегатского съезда Партии народной свободы (конституционно-демократической) СПб., 1906. С. 17.

³⁵ Там же. С. 15.

³⁶ Речь. 1906. 23 апреля. № 56.

³⁷ Там же. С. 16.

³⁸ Речь. 1906. 22 апреля. № 55.

³⁹ Речь. 1906. 25 апреля. № 57.

начального текста, сказать невозможно.

Этот машинописный текст, в свою очередь, содержит следы работы Николая Второго. Государь вычеркнул пункты об амнистии даже за административные нарушения и о необходимости пересмотра положений об усиленной и чрезвычайной охране. Из текста был исключен пункт о жертвах и страданиях народа в годы русско-японской войны, вероятно, воспоминания о минувшей войне были слишком тяжелы, да и в тексте просьба к депутатам передать подданным «сердечную благодарность» выглядела как публичное покаяние. Итак, амнистию и ответственное министерство верховная власть безусловно отвергала⁴⁰.

Окончательный вариант выработал сам государь. Сохранился собственноручно написанный им вариант приветствия, которое и было озвучено во время торжественного приема депутатов Государственной Думы.

Текст написан самостоятельно, с минимальным количеством исправлений. Источником власти является Божий промысел, который и побудил государя призвать к законодательной работе «выборных от народа» (не депутатов!) Вообще народ в тексте фигурирует не как источник власти, а как объект попечения (развитие его просвещения, благосостояния, что сделает народ счастливым, лежит на обязанности совместной работы власти и выборных). Общая цель и государя, и выборных — попечение и служение Отечеству, Родине. Любовь к Родине — та общая ценность, которая должна объединить и депутатов, и государя. Новый строй — это, скорее, не конституционная монархия, а идеальная самодержавно-монархическая государственность. И неслучайно жанр выступления, как его определил сам монарх, это не тронная речь, а приветственное слово. Дума — не парламент, а, скорее, прообраз Земского собора 1613 года, куда население посылало «лучших, крепких и разумных людей». Думаю, что именно поэтому государь приветствовал думцев как «лучших людей», хотя и был осведомлен о том, что в их среде довольно много представителей оппозиции.

Отчеты губернаторов о ходе выборов рисовали тревожную, но далеко не безнадежную картину выборов. Если свести эти данные в единую таблицу, то получатся следующие результаты

Распределение депутатов Государственной думы по фракциям в со-

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 517. Лл. 1–3.

ответствии с отчетами губернаторов о ходе выборов⁴¹

Партии и группы, фигурирующие в отчетах губернаторов	Число депутатов
Правые	66
Кадеты	131 ⁴²
Левые	49
Автономисты	38
Беспартийные	80
И того	364

Итак, кадеты были преобладающей фракцией, но не обладали парламентским большинством. Значительная часть, в основе своей крестьянское население, не принадлежала ни к каким партиям. Вероятно, поэтому только крестьяне, а не крестьяне и рабочие, как в «проекте Ковалевского», удостоились особого внимания в приветственном слове. При этом первоначально говорилось о нуждах народных, а затем Николай Второй уточнил, что необходимо выяснить нужды «столь близкого моему сердцу крестьянства».

Государь обещал «охранять непоколебимыми установления», им дарованные. Это обещание попало в текст из проекта К.П. Победоносцева. Очевидно, что речь шла не только о Манифесте 17 октября, но и об изданных Основных законах, которые пересмотру не подлежали. В этом контексте «охранительный» характер приобретала фраза, заимствованная из «проекта Ковалевского» «для духовного величия и благоденствия народа необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права». Из «проекта Ковалевского» была заимствована и фраза: «Да исполнятся горячие мои желания видеть народ мой счастливым и передать сыну моему в наследие государство крепкое, благоустроенное и просвещенное». Вероятно, эти слова перекликались с общим настроением императора. А.Ф. Кони, присутствовавший на торжественном приеме в Зимнем дворце, в этом месте речи услышал «нотки тревожной нежности»⁴³. Но фра-

⁴¹ РГИА Ф. 1276. Оп. 2. Д. 9а .

⁴² Нет отчетов о выборах в Москве и СПб. Но оглушительная победа в обеих столицах кадетов секретом не была. Поэтому мы учли в таблице и результаты выборов в этих двух городах

⁴³ Кони А.Ф. Открытие I Государственной думы// Кони А.Ф. Избранное. М., 1989. С. . 103

за «проекта Ковалевского» была отредактирована. В «проекте Ковалевского» говорилось: « да исполнятся горячие мои желания *с помощью Божию* видеть народ мой...» Отмеченные курсивом слова были изъяты из окончательного текста. В чем был смысл этой правки не вполне ясно. Быть может, государь желал указать, что обеспечение благоденствия народа — это задача, изначально возложенная на него Провидением и поэтому не нуждается в повторном упоминании?

Подводя итоги, можно сказать, что все без исключения проекты не рассматривали возможность возврата к дореформенным порядкам, к управлению без содействия законодательной Думы и реформированного Государственного совета. Император рассматривал новый строй, скорее, как восстановление идеального самодержавия, где выборные от народа и император совместно заботятся о народном благе. При этом сам термин «самодержавие» в речи не использовался, дабы не вызывать ненужной конфронтации с частью депутатского корпуса. О том, что такая конфронтация была возможна, говорит следующий факт. Накануне созыва Думы объединенное заседание фракции трудовиков и кадетов обсуждало вопрос о том, подписывать ли торжественное обещание депутатов, в котором говорилось о том, что депутат будет исполнять свои обязанности, храня верность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому». После долгих прений было решено подписать обещание, опубликовав в газетах заявление, что под словом «самодержец» не подразумевается неограниченный монарх.⁴⁴

Таким образом, монарх искал возможность наладить диалог с Думой. Так, может быть, прав Маклаков, который увидел во вступительном слове давнишнюю программу русского либерализма? И да и нет. До начала массового движения либералы постоянно противопоставляли «истинное самодержавие» абсолютной власти бюрократии. Царь должен был созвать народное представительство, чтобы избавить себя от «средостения» и узнать истинные пользы и нужды народа. В этом смысле речь действительно представляет давнишнюю программу либералов, актуальную для эпохи до начала 1905 года. Император готов был к сотрудничеству, но пределы этого сотрудничества определялись, по его мнению, Основными государственными законами, а амнистия безусловно исключалась. Кадеты же стали заложниками своей победы. Для них важна была поддержка общественных групп, стоявших левее. Без трудовиков они не составляли парламентского большинства, следовательно, не могли отказаться от амни-

⁴⁴ Винавер М.М. Конфликты в Первой думе. СПб., 1907. С. 8–13.

стии. И «красная черта» была преодолена в первый же день работы Думы, когда, в нарушение регламента, И.И. Петрункевич, взяв слово, поставил вопрос о всеобщей амнистии, а С.А. Муромцев в приветственном слове, сказанном после избрания председателем Думы, назвал государя конституционным монархом, а права Думы, по его словам, вытекали не из Основных законов, а из «самой природы народного представительства»⁴⁵.

⁴⁵ Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. Т. 1. СПб., 1906. С.3.

Гайда Ф. А.

Николай II и конституционная монархия в России (1906–1914)

Гайда Федор Александрович
*доктор исторических наук, доцент,
Московского Государственного университета имени М.В.
Ломоносова — МГУ, Россия, г. Москва*

Аннотация: Статья посвящена политическому положению монарха в рамках российской конституционной системы, сложившейся в 1905–1907 гг., его взаимодействию с правительством и парламентом. Автор приходит к выводу, что Николай II пытался сохранять сложившийся баланс сил, вмешиваясь в разрешение конфликтов только по инициативе участвовавших сторон. Политический курс выработывался на правительственном уровне, правительственные лидеры оказывали решающее влияние на кадровые решения.

Ключевые слова: Николай II; Совет министров; Государственная дума; Государственный совет; П.А. Столыпин.

Nicholas II and the constitutional monarchy in Russia (1906–1914)

Gayda Fyodor
*habilitated doctor,
associate professor in Lomonosov Moscow State University —
MSU, Moscow, Russia*

Abstract: The article is devoted to the political situation of the monarch in the framework of the Russian constitutional system that developed in 1905–1907. The practices of interaction between the tsar, government and parliament are examined. The author concludes that Nicholas II was trying to keep the balance of forces, he resolves the conflicts only on the initiative of the participating parties. Political course elaborated at the government level, the government leaders had a decisive influence on personnel decisions.

Keywords: Nicholas II; The Council of Ministers; The State Duma; The State Council; P.A. Stolypin.

Проблема политического положения монарха в рамках созданной в 1905–1907 гг. конституционной системы сохраняет свою научную актуальность. В историографии существуют разнообразные точки зрения. В.С. Дякин считал, что Николай II отрицал правопремьеров на формулирование какого-либо курса, что парализовало деятельность объединенного правительства[1]. М.Ф. Флоринский отмечал, что политическое поведение царя было более ситуативным и зависело от конкретных условий взаимоотношений с правительством[2, с. 352–359]. Разумеется, многое зависело как от юридического статуса монарха, так и от реальной расстановки сил между царем, премьером, министрами, законодательными палатами.

В ходе преобразований 1905–1906 гг. в России была создана дуалистическая политическая система, которая предполагала сочетание власти самодержавного монарха с законодательным парламентом. Верховной властью были изданы манифесты 17 октября 1905 г. и 3 июня 1907 г., утверждены Основные государственные законы (ОГЗ), согласно которым император сохранял свой суверенитет и учредительные права, таким образом по-прежнему оставаясь «самодержавным». В третьем июньском манифесте отмечалось: «Значительная часть состава второй Государственной думы не оправдала ожиданий наших. <...> Изменения в порядке выборов не могут быть проведены обычным законодательным путем через ту Государственную думу, состав коей признан нами неудовлетворительным, вследствие несовершенства самого способа избирания ее членов. Только власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической власти русского Царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым». Премьер-министр П.А. Столыпин, который и был автором текста манифеста, пояснял его положения III Думе: «Историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценным достоянием русской государственности, так единственно эта власть и эта воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды»[3, с. 102].

Монарх имел право назначения до половины членов Государственного совета (ст. 100 ОГЗ), что смягчало потенциальный конфликт властей и локализовало его в рамках законодательных палат. Безусловно, это создавало почву для противостояния Государственного совета и Думы. Но стоит отметить, что назначенные монархом члены палаты отнюдь не всегда занимали правые позиции. На май 1906 г. члены Государственного совета по назначению (всего — 98 человек) распределились

по двум группам: около 50 — в правой, 42 — в центре (остальные — министры, внепартийные или отсутствовавшие). В дальнейшем численность правых особенно не менялась (на апрель 1914 г. — 43 члена; с 1911 г. также существовал правый центр, в апреле 1914 г. в него входили 3 члена по назначению). Группа центра сокращалась быстрее и в апреле 1914 г. составила уже 23 члена, однако в 1910 г. возник близкий к ней кружок внепартийного объединения (на апрель 1914 г. в него входили 8 членов по назначению). Общая численность правых в довоенный период никогда не превышала 40 %. Представители правых были недовольны происходившими ежегодно назначениями и считали свои позиции в Государственном совете слабыми [4, с. 124, 126–131, 136–139, 153, 163–168, 249; 5, с. 127–128, 147, 178–179].

В соответствии с ОГЗ император определял сроки парламентских сессий и при необходимости принимал чрезвычайные указы, которые носили временный характер и впоследствии поступали в палаты или теряли силу (ст. 87). При этом с начала работы Государственной думы III созыва (ноябрь 1907 г.) существенные изменения в сроках и длительности парламентских сессий не происходили вплоть до начала Первой мировой войны. Регулярное применение чрезвычайно-указного законодательства также началось лишь в военных обстоятельствах [6, с. 271]. Ранее своим правом Николай II воспользовался в марте 1911 г., при разрешении наиболее серьезного правительственного кризиса столыпинского времени, причем такое вмешательство было инициировано премьером. В период «министерской забастовки» мая — ноября 1913 г., связанной с отказом министров от посещения Думы после брошенного премьеру В.Н. Кокцову обвинения в коррупции, никакого вмешательства царя в конфликт не произошло, поскольку ни одна из сторон такое вмешательство не инициировала[7, с. 192–202].

Совет министров имел статус высшего административного органа и его полномочия полностью вытекали из прерогатив монарха. Министры были формально независимы друг от друга в ведомственных вопросах, но все сколько-нибудь значимые решения, поскольку они касались других ведомств, вынуждены были выносить на совместные заседания. Исключение составляли министры военной, морской, иностранных дел и императорского двора[8, с. 80–92]. Полномочия премьера определялись Положением о Совете министров и формально сводились лишь к координации политики министров. При этом крайне важной была степень неформального влияния премьера, которая прямо зависела от его взаимоотношений с императором и министрами.

Политические взгляды Николая II были вполне консервативными. Сохранились машинописные выдержки из текстов В.П. Мещерского, в которых царь лично подчеркнул ряд важных мест: «Как в себе не зажига́й конституционализма, ему в России мешает сама Россия, ибо с первых дней конституции начнется конец единодержавия. Оно требует самодержавия, а конец самодержавия есть конец России. <...> Доколе царская власть — не декларативная и не зависящая от партийных страстей, от активной ненависти лжепатриотов и от самодовольной глупости людей, а самодержавная, доколе царь есть защита народа и оплот и хранитель государственного строя, и народ есть защита царя. <...> Если допущена будет у нас, в подражание Европе, полная безответственность за каждое слово с трибуны Думы, то 1905 год в этой мутной среде, с прибавкою сотен тысяч рабочих, повторится в исполинских размерах, и народ будет жертвою и козлицем отпущения, а рабочие пушечным мясом, и, как в 1905 году, все провокаторы интеллигенты и писаки спрячутся. <...> Чем больше Дума отдыхает, тем больше от нее отдыхают Россия и русская жизнь. <...> Только тогда правительство будет прочно и сильно, как власть и как нравственный авторитет, когда в его политике будет отсутствовать какой бы то ни было признак ухаживания за его политической партией, ибо только тогда оно будет для всех самостоятельной силою...»[9, л. 1–1 об.]. После смерти Мещерского Николай II сказал представителю правой группы в Государственном совете гр. С.Д. Шереметеву: «При всех недостатках Мещерского он иногда остро говорил, что другие не могли»[10, л. 170].

Тем не менее, после 1905 г. монарх практически не выступал самостоятельными внутриполитическими инициативами, которые расходились бы с общей правительственной политикой. Такие инициативы, конечно, можно было осуществлять путем соответствующей кадровой политики. При правительственных назначениях царь обычно действовал двояко. Самый распространенный вариант предполагал инициирование того или иного кандидата со стороны премьер-министра (гр. С.Ю. Витте, И.Л. Горемыкина, П.А. Столыпина, В.Н. Коковцова) или неформального правительственного лидера (с января 1914 г. таковым был стоявший за спиной И.Л. Горемыкина А.В. Кривошеин). При этом назначение самого премьер-министра могло быть инерционным, если рассматривалось как сугубо временное (Горемыкин в 1906 г., Коковцов в 1911 г.), а в противном случае определялось его предшественником (Столыпин) или неформальным правительственным лидером (назначение Горемыкина в 1914 г. по инициативе Кривошеина). В иных случаях кадровое решение прини-

малось по инициативе самого Николая II. В первую очередь это касалось военного и морского ведомств. Это также произошло в отношении МВД, когда на пост его главы был назначен Н.А. Маклаков (1912 г.), и Св. Синода (В.К. Саблер, май 1911 г.). Отставки обычно осуществлялись с целью поддержания единства действий правительства, как правило они также инициировались премьер-министрами. Обычное решение об отставке соответствовало желанию самого высокопоставленного чиновника. Исключением стала отставка В.Н. Коковцова в январе 1914 г., которая вытекала из «министерской забастовки» и была связана со стремлением наладить более тесные отношения с Думой.

Ряд эпизодов кадровой политики стоит рассмотреть отдельно. Усиление политического влияния Столыпина выразилось как раз в этом вопросе. Как отмечали современники, министр народного просвещения Л.А. Кассо и министр иностранных дел С.Д. Сазонов в сентябре 1910 г. были назначены «по телеграфу», без предварительного представления монарху[11, с. 490]. В марте 1911 г. после провала в Государственном совете законопроекта о западном земстве премьер-министр подал в отставку. Тем не менее, Николай II выступил против, поскольку преемника Столыпину не было[12, с. 491–492]. В царском дневнике сохранилась такая запись: «Утром принял Столыпина, кот[орый] в субботу просился уйти; уломал его не без труда остаться»[13, с. 559]. Законопроект был проведен в чрезвычайном порядке. После смерти Столыпина царь предложил премьеру Коковцову две кандидатуры на ключевой пост министра внутренних дел: А.Н. Хвостова и Н.А. Маклакова (оба губернатора имели отличную аттестацию от прежнего главы правительства). Коковцов отверг обоих[14, с. 417–492]. После приема рекомендованного самим премьером А.А. Макарова Николай II написал Коковцову: «Своею двухчасовою беседою с Макаровым я остался весьма доволен. С его назначением у меня отлегло от сердца. Это как раз тот человек, который нужен на посту мин. внутр. дел в данную минуту»[15, л. 4–5]. Отставка Макарова в декабре 1912 г. была связана с целым рядом внутриполитических провалов[16, с. 71–73]. Новым главой МВД был все же назначен Н.А. Маклаков. Царскому благоволению не мешало даже негативное отношение Маклакова к личности Г.Е. Распутина[17, л. 671]. По-видимому, в будущем молодой министр должен был получить и премьерский пост, повторив тем самым судьбу Столыпина. В личных письмах монарх использовал по отношению к нему обращение «друг мой, Николай Алексеевич»[18, с. 184–185], однако политические инициативы Маклакова не получили поддержки большинства министров, что закрыло

перед ним дальнейшую карьерную перспективу [19, с. 196–203].

Император практически никогда напрямую не вмешивался в действия законодательной власти. Исключения касались лишь оборонной и церковной сферы, которые по закону находились в непосредственной сфере монаршего ведения (ст. 65 и 96 ОГЗ), хотя их финансирование и зависело от парламента. В апреле 1909 г. царь подписал рескрипт по поводу законопроекта о штатах Морского генерального штаба. Николай II выступил на стороне Государственного совета против Думы [1, с. 91–107]. В мае 1911 г. монархом был утвержден прошедший обе палаты законопроект о правах лиц, снявших с себя духовный сан [20, с. 382]. За весь период 1906–1914 гг. это были единственные законопроекты, прошедшие обе палаты, none получившие царского утверждения.

Прямое взаимодействие монарха с Думой происходило обычно посредством аудиенции ее председателя. А.И. Гучков, занявший в марте 1910 г. этот пост, попытался использовать аудиенции для усиления своего собственного влияния как лидера октябристов. Первоначально ему удалось установить с монархом доверительные отношения, но в ноябре того же года произошел скандал: Гучков разгласил сообщенные ему конфиденциально подробности свидания Николая II с кайзером, чем вызвал монарший гнев [21, с. 80–82]. Позднее царь просил военного министра В.А. Сухомлинова передать Гучкову, что считает его «подлецом» [22, с. 110]. С новым председателем М.В. Родзянко император сел себя гораздо осторожнее. Вскоре после избрания IV Думы Родзянко пожаловался царю на административное давление во время выборной кампании. Монарх возразил: «Но ведь вмешательство правительства в выборы производится везде, даже в республиканских странах». В ответ думский председатель резко раскритиковал использование в качестве инструмента давления духовенства и процитировал слова из речи оппозиционного депутата-кадета В.А. Маклакова (родного брата будущего министра внутренних дел), в которой тот обвинял обер-прокурора В.К. Саблера, что он «стадо Христово — обратил в избирательное стадо». Царь на это улыбнулся и сказал, что в данном случае согласен с депутатом [23, с. 17–23].

Через полгода, 2 мая 1913 г., Николай II вынужден был написать премьеру Коковцову следующее письмо: «Владимир Николаевич, несвоевременное рассмотрение бюджета Государственной думой ставит меня лично в весьма неудобное положение в смысле почти полной невозможности оказывать людям денежную помощь. В нынешнем 1913 году это положение стало совсем критическим. В редких случаях приходится выдавать

крупные суммы, чтобы выручать людей из беды. Между тем мои свободные остатки у Танеева и у бар. Будберга иссякают. Поэтому прошу вас прислать мне в субботу триста тысяч рублей из фонда на предусмотренные сметами надобности, показав их поступившими на известное мне употребление. Уважающий вас Николай» [24, л. 10–11]. Накануне открытия новой думской сессии осенью того же года министр внутренних дел Маклаков в частном письме царю обвинял Думу в провоцировании революционных настроений и предложил ввести ее в «законное русло крепкой рукой». В случае дальнейшей явной непокорности министр советовал роспуск палаты, введение повышенной чрезвычайной охраны в столице и подавление предполагавшихся беспорядков [18, с. 185–187]. В ответ царь писал, что «приятно поражен» подобным предложением, поскольку сам хотел его инициировать: «Лично думаю, что такая речь мин. внутр. дел своей неожиданностью разрядит атмосферу и заставит г-на Родзянко и его присных закусить языки». При этом монарх добавлял, что одного отпуска было бы недостаточно. Николай II поделился с министром проектом, навеянным кн. Мещерским [25, с. 13]: «Также считаю необходимым и благовременным немедленно обсудить в Совете министров мою давнишнюю мысль об изменении статьи учреждения Госуд. думы, в силу которой если Дума не согласится с изменениями Госуд. совета и не утвердит проекта, то законопроект уничтожается. Это — при отсутствии у нас конституции — есть полная бессмыслица! Представление на выбор и утверждение государя мнений и большинства и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, и притом в русском духе» [18, с. 183–184]. Однако еще накануне написания царского письма Совет министров отверг проект Маклакова, согласившись лишь с возможным роспуском и новыми выборами [26, с. 411–412]. После этого министр внутренних дел предложил монарху самому инициировать реформу законодательного порядка [18, с. 187–188]. Царь на подобную прямую инициативу не пошел. На соответствующем правительственном журнале монарх оставил резолюцию: «Согласен. Срок созыва новой Г. Думы должен быть значительно отдален» [26, с. 411]. Далее дело не пошло.

В июне 1914 г. император выступил посредником между законодательными палатами по вопросу о введении городского самоуправления в Польше. Была поддержана либеральная позиция Думы, предполагавшая использование польского языка при функционировании органов местного самоуправления [27]. Затем в Думе была оглашена высочайшая телеграмма с удовольствием за состоявшееся одобрение сверхсметных

ассигнований для Военного министерства [28, стб. 923] (подобных шагов со стороны царя ранее не предпринималось [29, с. 26]). Всего через месяц на чрезвычайном совещании министров под председательством монарха, посвященном военной угрозе, Николаем II был поставлен вопрос о роспуске Думы и превращении ее в законосовещательный орган. Все министры, кроме Маклакова, резко возражали. Министр юстиции И.Г. Щегловитов заявил, что считал бы себя изменником, если бы поддержал такую меру в столь грозных обстоятельствах. После этих слов царь произнес: «Этого совершенно достаточно. Очевидно, вопрос надо оставить» [30, с. 438; 31, с. 133–134].

Таким образом, несмотря на личные консервативные взгляды Николая II и его приверженность прежнему доконституционному правлению, император соблюдал тот политический баланс, который сложился после революции 1905–1907 гг. и связанных с ней изменений государственного строя. Этот баланс предполагал поддержание единства правительства, которое достигалось за счет поддержки премьера и его курса со стороны монарха и Государственного совета. Значимые политические инициативы должны были исходить из самого Совета министров: при этом в 1907 г. инициированный премьером государственный переворот был реализован, а соответствующие предложения 1913 и 1914 гг. не воплотились в жизнь именно из-за отсутствия поддержки в правительстве. Монарх выступал посредником в конфликте властей или во внутривластных столкновениях только в тех случаях, когда его просили о подобном посредничестве. Кадровые решения (за исключением военного и морского министерств) обычно принимались самим императором только тогда, когда в этом возникала особая нужда. Как правило, подобные вопросы решались по инициативе премьера. Подобный порядок практически исключал значимую роль придворного окружения Николая II при принятии крупных государственных решений. В России постепенно формировалась конституционно-монархическая традиция.

Список литературы:

1. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. — Л.: Наука, 1978. — 248 с.
2. Флоринский М.Ф. Николай II и кабинет П. А. Столыпина (К истории взаимоотношений) // Отечественная история и историческая мысль в России

ХІХ-ХХ веков. Сб. статей к 75-летию А.Н. Цамутали. — СПб.: Нестор-История, 2007. — С. 352–359.

3. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / Предисл. К.Ф. Шацкило, сост., коммент. Ю.Г. Фельштинского. — М.: Молодая гвардия, 1991. — 411 с.
4. Бородин А.П. Государственный совет России (1906–1917). — Киров: б. и., 1999. — 368 с.
5. Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. — М.: РОССПЭН, 2006. — 376 с.
6. Дякин В.С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914 гг.). // Вспомогательные исторические дисциплины. — Т. 7. — Л., 1976.
7. Гайда Ф.А. «Министерская забастовка» 1913 г.: IV Государственная дума и формирование «Нового курса» правительства // Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7 декабря 2010 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. — СПб.: Астерион, 2011. — С. 192–202.
8. Флоринский М.Ф. Институт всеподданнейших докладов членов Российского правительства (1905–1914 гг.) // Политическая история России начала XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: Сборник научных трудов / Ред.-сост. Б.Д. Гальперина, А.Б. Николаев. — СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. — С. 80–92.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 987.
10. Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5060.
11. Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. — М.: Новости, 1990. — 604 с.
12. П.А. Столыпин. Грани таланта политика. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 623 с.
13. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. / Отв. ред. С. В. Мироненко. — М.: РОССПЭН, 2013. — Т. 2. — Ч. 1. — 824 с.
14. Коковцов В.Н. Из моего прошлого: воспоминания, 1903–1919 гг.: в 2 кн. — М.: Наука, 1992. — Кн. 1. — 446 с.
15. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 966. Оп. 2. Д. 11.
16. Коковцов В.Н. Из моего прошлого: воспоминания, 1903–1919 гг.: в 2 кн. — М.: Наука, 1992. — Кн. 2. — 457 с.
17. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 562.
18. Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания.

- Мемуары. — Минск: Харвест, 2003. — 368 с.
19. Гайда Ф.А. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков: политическая карьера русского Поляняка // Русский сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов и др. — Т. XI. — М.: Модест Колеров, 2012. — С. 174–207.
 20. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). — М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2002. — 624 с.
 21. Савич Н.В. Воспоминания. — СПб.: «Logos»; Дюссельдорф: «Голубой всадник», 1993. — 496 с.
 22. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916. — Т. 1. — М.: Высший военный редакционный совет, 1924. — 240 с.
 23. Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. — 1999. — № 3.
 24. РГИА. Ф. 966. Оп. 2. Д. 11.
 25. Дневник // Гражданин. — 1912. — № 21.
 26. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М.: “Российская политическая энциклопедия” (РОССПЭН), 2005. — 552 с.
 27. Речь, 11 июня 1914 г.
 28. Государственная дума. Созыв IV. Сессия II. Стенографические отчеты. — Ч. V. — СПб., 1914.
 29. Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. — 2000. — № 2.
 30. Падение царского режима: в 7 т. / ред. П.Е. Щеголев. — Т. 2. — Л.: Государственное издательство, 1925. — 440 с.
- Падение царского режима: в 7 т. / ред. П.Е. Щеголев. — Т. 3. — Л.: Государственное издательство, 1925. — 507 с.

Социальный состав населения Орловской губернии по Первой переписи населения 1897 г.: официальные цифры и реальность

Гулярян Артем Борисович
*кандидат исторических наук, доцент,
ФБГОУ ВО «Орловский государственный аграрный
университет имени Н.В. Парихина» - РФ, г.Орел*

Аннотация. В 1897 г. в Российской империи была проведена Первая всеобщая перепись населения. Она призвана была дать руководству государства представление о положении дел стране. Но перепись проводили согласно официальным, принятым государством критериям оценки социальной принадлежности, которые, в условиях развернувшейся в стране капиталистической модернизацией, не совпадали с реальным социальным делением. В статье на большом статистическом материале выявлены противоречия данных первой переписи населения друг с другом и с земской статистикой на примере Орловской губернии

Ключевые слова: первая перепись населения; статистические материалы; сословное деление; национальность; религиозная принадлежность; классы; занятость населения; изменение социального состава.

Social composition of the population of Orel province according to the First census of 1897: official figures and reality

Gularyan Artem
*PhD in history, Assistant Professor in Orel State Agriculture
University named after N.V. Parahin - Russia, Orel*

Annotation. In 1897, the first General population census was conducted in the Russian Empire. It was intended to give the leadership of the state an idea of the state of Affairs in the country. However, the census was conducted according to official criteria adopted by the state for assessing social belonging, which, in the context of the capitalist modernization unfolding in the country, did not coincide with the actual social division. The article reveals contradictions between the data of the first population census with each other and with the Zemstvo statistics on the example of the Orel province using a large statistical material

Keywords: first census of the population; statistical materials; estates division; nationality; religious affiliation; classes; employment of the population; change in social composition.

Выбранная в качестве объекта исследования Орловская губерния являлась крупным административно-территориальным образованием европейской части Российской империи и включала в себя современную Орловскую (но без Новосильского района), Брянскую области и Елецкий район Липецкой. На этой территории по данным «Обзора Орловской губернии» к 1 января 1894 г. проживало 2 172 029 человек. В городах насчитывалось 242 633 жителя, в сельской местности проживало 1 929 396 человек [6, с.21–22]. Первая всеобщая перепись населения 1897 г. приводит немного другие цифры: всего проживающих в губернии — 2 033 798 человек, в сельской местности — 1 789 740 (88% населения), в городах — 244 008 человек (12% населения) [10, с.6][1].

В рассматриваемое время Россия переживала эпоху капиталистической модернизации, которую иногда называют «индустриализацией С.Ю.Витте». Прокладывались новые железные дороги, создавались акционерные общества, строились крупные промышленные предприятия. Не стала исключением и Орловская губерния, пронизанная целой сетью железных дорог, имевшая крупные промышленные предприятия в своих западных уездах, прежде всего в Брянском. Такие подвижки в экономике должны были сопровождаться изменениями в социальной структуре общества. Возникает вопрос — насколько данные Первой всеобщей переписи населения отражают эти изменения. И насколько вообще критерии определения социального положения, заложенные в анкеты переписи, могли отобразить эти изменения?

По данным Первой переписи большинство населения губернии составляли крестьяне — 90,31%. На втором месте оказались мещане - 7,12%, на третьем - священнослужители - 0,68%, на четвертом - почетные гражд-

дане[2] — 0,46% населения. Далее следовали дворяне потомственные - 0,44%, дворяне личные и чиновники не из дворян - 0,43% и купцы - 0,31% населения. Еще 0,05% приходилось на иностранных подданных и инородцев [10, с.11]. Таким образом, данные первой переписи свидетельствуют о том, что в конце XIX в., период модернизации социум Орловской губернии сохранял структуру традиционного феодального сословного общества. Основную массу населения составляло крестьянство. Другие сословия по численности уступали крестьянам, как минимум, на порядок (мещане) или два порядка (дворяне и купцы).

Таблица № 1.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Сословие и состояние	Всего в губернии (%)	В городах (%)
Дворяне потомственные	0,44	2,31
Дворяне личные и чиновники не из дворян	0,43	2,93
Лица духовного звания	0,68	1,72
Почетные граждане	0,46	2,03
Купцы	0,31	2,19
Мещане	7,12	42,93
Крестьяне	90,31	45,18
Иностранцы	0,03	0,14
Прочие	0,02	0,57

Данные приводятся по: [1, с.238]

Однако этот вывод можно сделать с серьезной оговоркой: статистика царской России ориентировалась на официальную сословную принадлежность человека, игнорируя при этом его собственную самоидентификацию. То есть учитывались паспортные данные и род занятий (хотя ниже будет показано, что даже этот критерий мог противоречить сословной принадлежности). Тем более не учитывали опросные листы начавшийся в старых сословиях процесс дифференциации и выделения новых социальных групп.

Однородной Орловская губерния была и по своему национальному составу: 99 % населения было русским. На втором месте, как не покажется это странным, стояли евреи, дальше шли украинцы и поляки (потомки высланных из Польши повстанцев 1863 г.). Пятое место занимали белорусы. Однако, в процентном отношении эти национальные группы делили между собой десятые доли оставшегося процента:

Таблица № 2.
НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Народности	Количество человек	В процентах
Великоросов	2 014 127	99,03
Евреев	6 113	0,30
Украинцев	4 174	0,21
Белоруссов	2 984	0,14
Поляков	3 984	0,16
Латышей	1 406	0,02
Немцев	339	0,07
Циган	322	0,02
Татар	371	0,02
Прочие	540	0,03

Данные приводятся по: [1, с.237]

Аналогичные выводы можно сделать из цифр, касающихся религиозных взглядов населения. Доминируют прихожане Русской православной церкви и примирившиеся с официальной церковью старообрядцы-единоверцы. На втором месте лица иудейского вероисповедания, на третьем — старообрядцы раскольников. Причем, если в городах иудеи стоят на втором месте, то в сельской местности они отодвигаются на третье, а на второе выдвигаются старообрядцы-раскольники (Орловщина официально считалась одним из центров старообрядчества и нескольких сект — хлыстов и скопцов)

Таблица № 3
РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НАСЕЛЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Вероисповедание	Всего в губернии (%)	В городах (%)	В уездах (%)
Православные и единоверцы	99,11	95,80	99,56
Иудеи	0,31	2,06	0,07
Старообрядцы	0,26	0,19	0,28
Католики	0,20	1,34	0,04
Протестанты	0,09	0,43	0,04
Мусульмане	0,01	0,13	0,01

Данные приводятся по: [1, с.237]

Но уже статистика, характеризующая профессиональный состав занятых в губернии, существенно отличается от цифр официального сословного деления (если принимать под сословием социальную группу с закрепленным за ней видом деятельности).

Таблица № 4.
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ И ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Сферы деятельности	Мужчины (%)	Женщины (%)	Всего (%)
Сельское хозяйство	78,23	81,24	79,79
Промышленность	9,01	6,69	7,81
Транспорт и связь	1,62	1,16	1,38
Торговля	3,02	2,64	2,83
Чинovníчья служба	1,82	1,81	1,82
Свободные профессии	0,07	0,05	0,06
Вооруженные силы	1,30	0,09	0,67
Прислуга и поденщики	2,89	3,42	3,16
Живущие на личные средства	1,53	2,35	1,95
Неопределенных занятий	0,51	0,55	0,53

Данные приводятся по: [1, с.238]

Таблица показывает следующее распределение по сферам занятости: на первом месте земледельцы, на втором - промышленные рабочие, потом прислуга и поденщики, работники торговли (по-видимому, здесь имеются в виду как приказчики частных и казенных лавок, так и мелкие розничные торговцы, иначе невозможно объяснить довольно высокий процент женщин), на пятом - работники транспорта и связи. Общее число трудящихся равно 94,97 % населения Орловской губернии. Их хозяева отнесены к категории живущих на личные средства. Вместе с чиновниками (к которым отнесены, по всей видимости, не только государственные служащие, но и служащие земств, городов, руководство самостоятельных общественных организаций, иначе снова невозможно объяснить высокий процент женщин) и лицами свободных профессий они составляют 3,83 % населения губернии. Отдельно стоят военнoслужащие и лица без определенных занятий. В Орловской губернии была расквартирована 36 пехотная дивизия в составе четырех полков — 141го

Можайского и 142-го Звенигородского в Орле и 143-го Дорогобужского и 144-го Каширского в Брянске; а также 2-я кавалерийская бригада в составе 17-го Черниговского и 18-го Нежинского полков (на момент 1897 г. еще драгунских). Службу в этих подразделениях проходили уроженцы самых разных регионов Российской империи, и установленные законом ограничения не позволяли им взаимодействовать с местным населением (даже в офицерские собрания вход штатским людям был ограничен). Лица без определённых занятий — это, скорее всего, люмпены и маргиналы.

Таким образом, сельскохозяйственным трудом занималось 79,8 % жителей губернии (то есть округленно 80 %) в то время, как к крестьянскому сословию относилось 90,3 % населения. То есть, даже по данным Первой всеобщей переписи населения 10 % крестьян не занимались земледелием, а трудились в других сферах хозяйства.

Данные таблицы помогают также выделить крестьянское население, занятое отхожими промыслами. По разнице между занятыми в сельском хозяйстве женщинами и мужчинами, если предположить, что женщины вели хозяйство в то время как мужья уходили на заработки (в основном, в южные губернии страны). Если наши предположения верны, то около 3 % трудоспособного мужского населения деревни занималось отхожими промыслами. Это говорит о возросшей в конце XIX в. социальной мобильности в русском обществе. Впрочем, нельзя отвергать и другого возможного объяснения: приведенные выше данные могут свидетельствовать о том, что уже в это время женщины жили дольше мужчин. Тогда выявленные 3 % — это вдовы, похоронившие мужей.

Стоит остановиться более подробно на положении крестьянского населения. Для этого придется привлечь дополнительные данные помимо статистических данных Первой переписи населения. Глубокий анализ положения сельского хозяйства Орловщины содержится в статьях И.Д.Ковальченко и Л.Д.Бородкина, посвященных методам многомерного количественного анализа в историческом исследовании [3, с.59–95]. Разработанная ими методика позволяет оценить общий уровень развития и интенсивность производства, основные черты земельных отношений, особенности аграрной эволюции. Проанализировав хозяйство 50 губерний Европейской России, исследователи предложили схему их типологического районирования. Орловскую губернию они отнесли к среднечерноземному типу аграрного производства. Этот тип хозяйства характеризуется широким развитием земледелия и самым низким уровнем продуктивного животноводства. Среднечерноземные губернии харак-

теризуются также самыми низкими размерами крестьянских наделов и наиболее высокими ценами на землю, а также арендной платы за нее. Поэтому беднейших хозяйств здесь было больше, чем зажиточных. [3, с.78]. Что же касается типа поземельных отношений, исследователи отнесли Орловскую губернию к внутреннеземледельческому типу, основанному на смешанном, помещичье-крестьянском хозяйстве [3, с.83, 91].

Крестьянские хозяйства Орловской губернии не справлялись с выплатой выкупных платежей. Ежегодно крестьяне были обязаны уплатить около 3 000 000 рублей выкупных платежей и 182 000 рублей поземельного налога [7, с.4]. Сложным положением орловских крестьян беззастенчиво пользовались торговые маклеры, которые разъезжали по деревням перед праздником Рождества и покупали зерно на треть или пятую часть ниже установленной на бирже цены [8]. Орловская губернская земская управа констатировала в своем докладе «Об упадке благосостояния крестьян Орловской губернии» 1876 г.: «Хозяйство большинства крестьян стоит на такой ступени экономического развития, что без постороннего заработка довольно одного плохого урожая, что б разорить крестьянина» [5, с.6].

Тем не менее, именно в это время в крестьянском сословии начинается дифференциация на сельских богатеев и «голытьбу», из которых с течением времени должны были образоваться новые классы сельской буржуазии и сельского пролетариата. Зажиточных крестьян Орловской губернии можно было условно разделить на два типа. Первый тип — «опомещичившийся» крестьянин, купивший или снявший на длительный срок в аренду большой участок земли и сделавший его рентабельным за счет его интенсивной эксплуатации и применения машин и механизмов. Второй тип - богатеющий на ростовщичестве и посреднических операциях на рынке. В условиях зоны так называемого рискованного земледелия второй тип — тип «кулака-миroeда» был преобладающим.

Земские деятели так описывали в своем отчете фигуру деревенского кулака: «Имея главной целью нажить деньги, не связанный с ними никакими преданиями, не неся на себе никакой нравственной ответственности, увертываясь от ответственности по суду, обставляя свое грабительство разными неустойками со стороны крестьян, и, зная при этом лучше всех всю жизнь, все слабости и средства крестьян, кулак умышленно держит его своим должником, чтобы постоянно высасывать его средства» [5, с.7].

Неудивительно поэтому, что к началу XX в. 20 % надельной земли принадлежало зажиточным крестьянам, составившим 12 % крестьян-

ских дворов. В тоже время 39,4 % крестьянских хозяйств имели по 3,5 десятин надельной земли [9, с.8] (в то время как для ведения устойчивого хозяйства требовалось не менее шести). Тем не менее, процесс образования новых классов в русской деревне из-за сдерживающих факторов (таких, как крестьянская община) протекал медленно и не был завершен к революции 1917 г.

Статистические данные, приведенные в Таблицах № 1 и 3, подтверждают, что города более пестры по своему социальному составу, чем прилегающая к ним сельская округа: если население сельских местностей Орловской губернии было по своему социальному составу почти однородным, то в городах наблюдалась сильная социальная дифференциация населения. Процессы социальной мобильности усиливают эту пестроту, превращают город в механизм создания новых классов и групп населения. Здесь жили рабочие, торговцы и привилегированные сословия. По числу жителей города губернии можно выстроить в следующем порядке: Орел (69 735 жителей), Елец (46 956 жителей), Брянск (24 781 житель), Болхов (21 446 жителей) Ливны (20 448 жителей); далее шли Карачев (15 493 жителя), Мценск (9 823 жителя), Севск (9 298 жителей), Малоархангельск (7 785 жителей), Трубчевск (7 416 жителей) и Кромы (5 586 жителей). Самым маленьким городом губернии был Дмитровск (5 291 житель) [10, с.7]

Орел и крупные уездные города превращались в важные железнодорожные и промышленные центры. Сеть железных дорог была построена в Орле к 1870 г., в Ельце — к 1896 г., в Брянске - к 1904 г. [1, с.32] Самые крупные промышленные предприятия губернии концентрировались в Брянском уезде. Это Брянский рельсопрокатный завод в поселке Бежица, Брянский арсенал в самом городе и предприятия Мальцовского акционерного общества. Они превращались в крупные комбинаты, владеющие источниками сырья и топлива, и участвовали в разделе квот внутри русских монополий.

Так, Брянский рельсопрокатный завод был акционером трех синдикатов одновременно: «Продамет», «Продуголь» и «Продвагон». Проблема выживания предприятия в новых условиях монополистического капитализма привели руководство акционерного общества «Брянский завод» к необходимости приобретения собственной топливно-сырьевой базы. Для этого был выкуплен контрольный пакет акций в Криворожско-Донском бассейне. Это позволило Бежецкому рельсопрокатному заводу не только выживать, но вместе с пятью другими крупными предприятиями играть ведущую роль в распределении квот синдиката

«Продамет». Кроме того, акционерное общество «Брянский завод» имело представительство в правлении Азово-Донским банком, который, в свою очередь, являлся крупным держателем акций рельсового завода и финансировал его [11, с. 32, 33, 40, 299].

Крупный консорциум предприятий представлял собой Мальцовское акционерное общество, выступившее одним из инициаторов создания стекольного синдиката, а в 1916 году превратившееся в крупный военно-промышленный трест [4, с.87]. А Брянский арсенал, выпускавший орудия и боеприпасы, вошел в синдикат «Снарядсоюз» [3].

На этих заводах работали тысячи рабочих. Первая всеобщая перепись населения Российской империи выявила очень характерную для процесса модернизации деталь: преобладание в крупных промышленных городах в возрастной группе населения от 20 до 35 лет мужчин над женщинами [10, с.11]. Это явление является системным индикатором процесса образования городской агломерации: быстро растущие промышленные предприятия отбирали рабочие руки у сельского хозяйства.

Но вчерашние крестьяне, вставшие к станкам, продолжали оставаться крестьянами и в своем менталитете, и в государственных документах.

Традиционный крестьянский менталитет хорошо прослеживается в действиях рабочих рельсопрокатного завода во время так называемого «Бежицкого бунта» в 1898 г. Причиной событий послужило ухудшение экономического положения рабочих: владельцы предприятия переложили издержки по реконструкции предприятия на плечи трудящихся. Поводом для выступления рабочих послужило неосторожное убийство 12 июня 1898 года сторожем завода Реутом пятилетнего мальчика и неграмотные, грубые действия пристава Квитницкого, который попытался разогнать рабочих вместо того, чтобы их успокоить. Вышедшая из-под контроля толпа двигалась по поселку Бежица, громя пивные, лавки, магазины. Пострадал и сам завод: были разбиты многие станки и механизмы.

Современники отмечали стихийный и спонтанный характер этого выступления. Сознательное отношение к происходящим событиям отсутствовало, впрочем, как и революционные лозунги. По своему паттерну поведения «Бежицкий бунт» был идентичен разгрому крестьянами помещичьей усадьбы, а протестные действия рабочих были столь же инстинктивны, как и действия крестьян, разрушающих хозяйское добро. Недаром в последствии многие революционеры отзывались о событиях 1898 года отрицательно.

В подтверждение сказанного можно привести цитату из воспоминаний старого социал-демократа, рабочего Васильева («Митрича»): «Сам

бунт свалился, как снег на голову. Отсутствие сил, неопытность ставили сознательных товарищей в положение простых зрителей событий. Напрасно некоторые товарищи пытались даже остановить движение, поняв невозможность руководить; такие попытки встретили резко отрицательное отношение со стороны взбунтовавшейся массы рабочих, и, соответственно, ни к чему не привели. Бунт шел под лозунгом: «Разрушай и жги». Героями дня, ставшими во главе событий, оказались люди, которые менее всего отдавали себе отчет в происходящем. На гребне волны всплыл совершенно случайный элемент, и не мечтавший об организованном классовом движении» [2, с.22].

Крестьянами взбунтовавшиеся брянские рабочие оставались и для окружного суда, который рассматривал их дело.

Приведенные факты показывают, что в конце XIX в. во всех сословиях русского общества, в первую очередь в основном, государственно-образующем сословии крестьянства начались процессы дифференциации. Одновременно ускорился процесс складывания новых социальных групп, характерных для нового, капиталистического общества. Но Первая всеобщая перепись населения 1897 г. не отобразила этих процессов в силу того, что организаторы этой переписи держались за официально существующую систему определения социальной принадлежности по чинам и сословиям, а также потому, что начавшийся процесс образования новых классов пролетариата и буржуазии протекал крайне медленно и не успела завершиться к 1917 г.

Список литературы.

1. Гуларян А.Б. Общественно-политическая жизнь Орловской губернии в конце XIX начале XX века. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. - Орел, 2006.
2. Из прошлого. Революционная борьба рабочих Брянской губернии. 1896–1917 гг. Выпуск 1. - Брянск, Истпарт, 1924.
3. Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX–XX веков. - История СССР. - 1979. - № 1.
4. Лившин Я.И. Монополии в экономике России. - М.: 1961.
5. Об упадке благосостояния крестьян Орловской губернии. Доклад Орловской губернской земской управы. - Орел, Типография князя Оболенского, 1876.
6. Обзор Орловской губернии за 1894 год. - Орел, 1894.
7. Обзор Орловской губернии за 1901 год. — Орел, 1901.

8. Орловский вестник. - 1903. - 19 февр.
9. Очерки истории Орловской партийной организации. - Тула. 1967.
10. Первая всеобщая перепись населения в Российской империи в 1897 году. - Т. XII.
11. Цуперник А.Л. Синдикат «Продамет». - М.: 1959.

- [1] В приведенных данных местной и центральной статистики имеется расхождение. В работе автор опирался на данные Первой переписи, поскольку они более репрезентативны.
- [2] Звание почетного гражданина (личное и потомственное) было введено Николаем I по Манифесту 10 апреля 1832 года.
- [3] Это монополистическое объединение, производящее боеприпасы, было образовано в 1909 г., хотя частные соглашения о квотировании производства существовали с 1902 г.

Ресурсы Президентской библиотеки по истории России конца XIX — начала XX в. Личные фонды государственных и общественных деятелей

Ключевые слова: Президентская библиотека, Российский государственный исторический архив, К. П. Победоносцев, С. Ю. Витте, Д. И. Иловайский, Д. А. Толстой.

Президентская библиотека, отметившая в 2019 г. десятилетний юбилей, функционирует как общегосударственное электронное хранилище цифровых копий документов, аудио- и видеозаписей, фотографий и других материалов по различным областям гуманитарного знания. На данный момент ее электронный фонд составляют более 800 тысяч отсканированных документов, которые вошли в четыре тематические коллекции: «Российский народ», «Территория России», «Русский язык», «Государственная власть».

Часть материалов из фонда Президентской библиотеки посвящена государственным и общественным деятелям конца XIX — начала XX в. Эти документы представлены четырьмя полностью оцифрованными фондами Российского государственного исторического архива (РГИА):

1. Фонд 1574. Победоносцев Константин Петрович.
2. Фонд 1622. Витте Сергей Юльевич.
3. Фонд 1636. Иловайский Дмитрий Иванович.
4. Фонд 1664. Толстой Дмитрий Андреевич, граф.

Фонд 1574. Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), обер-прокурор Синода, член Государственного совета.

Фонд посвящен К. П. Победоносцеву — юристу, публицисту, профессору Московского университета (1860–1865), преподавателю законоведения великим князьям Николаю, Александру и Владимиру Александровичам, сенатору (с 1868 г.), члену Государственного совета (с 1872 г.), обер-прокурору Святейшего Правительствующего Синода (1880–1905).

В фонде, содержащем 441 единицу хранения, представлены дневни-

ки и личные документы К. П. Победоносцева: указы, грамоты, приказы, адреса, документы о назначении на должности, награждении, избрании его членом различных обществ, юбилеях, рукописи, а также записки, статьи и проекты разных лиц, присланные обер-прокурору. Помимо этого, фонд включает материалы, связанные со служебной деятельностью К. П. Победоносцева, например его всеподданнейший отчет о положении раскольников, письма ему разных лиц по вопросам управления церковью, переписку с духовными и светскими лицами: И. С. Аксаковым, Н. Н. Миклухо-Маклаем, С. А. Толстой и др. Личность обер-прокурора также предстает в воспоминаниях его супруги Е. А. Победоносцевой (урожденной Энгельгардт).

Фонд 1574 включает две описи дел:

- 1) опись 1 (1841–1929) — личные материалы Константина Петровича Победоносцева и его родственников;
- 2) опись 2 (1848–1905) — материалы о прохождении службы и Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода.

Помимо государственной и преподавательской деятельности К. П. Победоносцев известен как переводчик. К примеру, в переводе стихотворения немецкого поэта Фридриха фон Заллета «Старые листья» он предстает лириком, философски осмысляющим русскую действительность:

Не быть тебе творцом, когда тебя ведет
К прошедшему одно лишь гордое презренье.
Дух — создал старое: лишь в *старом* он найдет
Основу твердую для *нового* творенья.

Век будут истинны — пророки и закон,
В черте единой — вечный смысл таится,
И в новой истине лишь то должно открыться,
В чем был издревле смысл глубокий заложен.

В фонде 1574 хранится стихотворение, которое К. П. Победоносцев посвятил своей жене¹.

Представляет интерес письмо, которое обер-прокурор направил 2 февраля 1903 г. С. Ю. Витте. Написан документ каллиграфическим мелким почерком (как и все документы, которые составлял К. П. Победонос-

¹ РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 3.

цев). В конце он называет Сергея Юльевича «искренне преданным»². Подобное обращение может свидетельствовать об уважительном отношении двух государственных деятелей друг к другу.

В свою очередь С. Ю. Витте написал Победоносцеву 25 писем о разных аспектах политической жизни: по поводу писем агента Министерства финансов за границей И. Ф. Циона (прилагается письмо последнего К. П. Победоносцеву о финансовой системе в России), о церковной реформе, воинской повинности студентов, заселении раскольниками местности, прилегающей к Китайско-Восточной железной дороге, распространении земских учреждений в России, комитетах трезвости, войне с Японией, внутривластной обстановке в России в 1905 г., новых льготах дворянству, кредитах на содержание императорского двора, по поводу увольнения С. Ю. Витте с поста министра финансов и др. (прилагаются копии писем, их описание, предисловие и примечания, составленные К. Я. Здравомысловым); отношение С. Ю. Витте К. П. Победоносцеву по поводу учреждения и заседаний Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (прилагаются записки о влиянии на производительность земледельческого труда в России чрезмерного числа нерабочих, прогульных дней).

В этих письмах он называет Константина Петровича «душевноуважаемым», «многочитаемым».

Интерес для нас представляет письмо П. А. Столыпина С. Ю. Витте по поводу пасквильной статьи о жене последнего, напечатанной газетами «Русское знамя» и «Русская земля», а при нем справка Петербургского комитета по делам печати о возможности возбуждения судебного преследования против газет, опубликовавших статью³. Столыпин ссылается в нем на статью 281 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. Становится понятно, что в публикации затрагиваются вопросы чести и достоинства человека, облеченного государственной властью.

Фонд 1622. Витте, гр. Сергей Юльевич (1849–1915), министр путей сообщения, министр финансов, председатель Комитета министров, председатель Совета министров.

Русский государственный деятель граф Сергей Юльевич Витте занимал пост министра путей сообщения (с февраля по август 1892 г.), министра финансов (1892–1903), председателя Комитета министров (1903–1906) и Совета министров (1905–1906), с 1903 г. входил в Государственный совет.

² Там же. Оп. 2. Д. 29.

³ Ф. 1622. Оп. 1. Д. 377.

Фонд 1622 содержит в себе 1029 единиц хранения: проекты, доклады, записки и другие документы о революционном движении в России в конце XIX — начале XX в.; о разработке Манифеста 17 октября 1905 г.; об издании основных законов Российской империи; о Русско-японской войне и заключении Портсмутского мирного договора; об отношениях России с Китаем и Кореей; о политике России на Ближнем Востоке и в Маньчжурии; о строительстве Сибирской железной дороги и порта Дальний; о заключении заграничного займа 1906 г., а также личные документы С. Ю. Витте и переписку его с женой, переписку его дочери о продаже документов отца.

Фонд 1636. Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920), профессор истории Московского университета, редактор-издатель газеты «Кремль».

Д. И. Иловайский — историк, тайный советник, адъютант Московского университета (1860), автор многочисленных школьных учебников по истории, издатель и редактор газеты «Кремль» (1897–1916).

В фонд вошло 429 единиц хранения: копии постановлений Сената и Московского депутатского собрания о внесении рода Иловайских в дворянскую родословную книгу; гранки статей и письма в редакцию газеты «Кремль»; лекции и черновые записки Д. И. Иловайского; отзывы разных лиц о его работах; проект описи экспонатов Русского военно-исторического музея; переводы статей из иностранных газет; имущественно-хозяйственные документы, а также личные документы Д. И. Иловайского и его родственников: переписка А. А. Иловайской (второй жены), С. Д. Иловайского (сына), Н. Д. Иловайской (дочери), в том числе письма М. И. Цветаевой Н. Д. Иловайской, фотографии.

Заслуживает внимания духовное завещание Дмитрия Иловайского, которое датируется 1914 г.⁴ Все денежные средства он завещает жене, которая должна часть отдать дочери, внуку и внучке Дмитрия Ивановича. Жена же историка наследует все авторские права на его сочинения и недвижимое имущество.

Фонд 1664. Толстой Дмитрий Андреевич, граф (1823–1889), министр народного просвещения, министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов, член Государственного совета.

Граф Д. А. Толстой в разное время занимал должности вице-директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий (1851–1853), директора Канцелярии Морского министерства (1853–1860), сенатора (с 1862 г.), обер-прокурора Синода (1865–1880), являлся членом Главного

⁴ Ф. 1636. Оп. 1. Д. 3.

правления училищ, министром народного просвещения (1866–1880), членом Государственного совета (1880) и министром внутренних дел (1880–1889).

Фонд 1664 содержит в себе 245 единиц хранения. Это материалы о прохождении государственной службы Д. А. Толстого в 1843–1887 гг., представления министерств в Государственный совет и постановления департаментов, записки и реестр по делам Государственного совета (1864–1888), приказы Сената и описи дел по Московскому сенатскому разрядному архиву (1730–1833), печатные записки по разным вопросам, статистический сборник Министерства путей сообщения (1885), документы по имени Д. А. Толстого в Рязанской губернии: приходо-расходные ведомости, ревизские сказки, подворные и рекрутские описи, донесения и предписания по деревням (1850–1885), журнал работ по имению Песочня (1909–1910), а также переписка.

Интересным документом последнего периода жизни Д. А. Толстого является шифрованная телеграмма полковника Пузанова, в которой он говорит о здоровье графа: «Надежда на выздоровление есть, но ручаться ни за что нельзя»⁵. Александр III положительно характеризует графа: «Преданный благородный человек и сотрудник»⁶. Получается, что документ, относящийся к болезни графа, датируется июлем 1888 г., а умер он в апреле 1889 г.

Таким образом, в электронное хранилище Президентской библиотеки вошли 2144 оцифрованных документа из фонда Российского государственного исторического архива, которые посвящены государственным деятелям и общественным деятелям конца XIX — начала XX в. Материалы различные по сохранности, объему, написаны чернилами, карандашом или представлены в печатном виде. Эти документы требуют дальнейшего осмысления, профессионального введения их в научный оборот и детального изучения.

Использованная литература

1. РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 3. Стихотворение К. П. Победоносцева, посвященное Екатерине Энгельгардт. 1857. 27 авг.
2. РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 29. То же Витте С. Ю. по поводу нового закона о пен-

⁵ Ф. 1664. Оп. 1. Д. 173.

⁶ Там же.

сиях. Копия писарская. 1903. 2 февр.

3. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 377. Письмо Столыпина П. А., председателя Совета министров, Витте С. Ю. по поводу пасквильной статьи о жене последнего («Гр. Витте и провокация»), напечатанной газетами «Русская земля» и «Русское знамя», с приложением справки Петербургского комитета по делам печати о возможности возбуждения судебного преследования против газет, опубликовавших указ. статью. 1909. 11 февр.
4. РГИА. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 3. Духовное завещание Д. И. Иловайского. 1914. 15 окт.
5. РГИА. Ф. 1664. Оп. 1. Д. 173. Телеграммы Александра II, имп. Марии Федоровны и полк. Пузанова о болезни и смерти Толстого Д. А. [1888].

Ливцов В. А., Богатырев Р. А.

Михаил Федотович Каменский — полководец пяти императоров.

Ливцов Виктор Анатольевич

*доктор исторических наук, профессор,
Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС,
Российская Федерация, г. Орёл*

Богатырев Роман Автандилович

*Аспирант кафедры социологии и информационных
технологий, Среднерусский институт управления —
филиал РАНХиГС,
Российская Федерация, г. Орёл.*

Аннотация. Полководческий талант российских военачальников прославил их в отечественной и мировой истории. Немногим из них удалось отдавать долг своей Родине при разных правителях. В данной статье рассматривается военная карьера Михаила Федотовича Каменского, который проходил военную службу на разных должностях и в разных званиях при пяти правителях Российской Империи.

Ключевые слова: полководцы, Российская Империя, Каменский, русско-турецкие войны, Крым.

Mikhail Fedotovitch Kamensky — commander of the five emperors.

Livtsov Victor Anatolyevich

*Doctor of Historical Sciences, Professor,
Central Russian Institute of Management — RANEPA branch,
Russian Federation, Oryol*

Bogatyrev Roman Avtandilovich

*Graduate student of the Department of Sociology and
Information Technology,
Central Russian Institute of Management — RANEPA branch,
Russian Federation, Oryol.*

Abstract. The military talent of Russian military leaders glorified them in Russian and world history. Few of them managed to repay their homeland under various rulers. This article discusses the military career of Mikhail Fedotovitch Kamensky, who served in various positions and ranks under the five rulers of the Russian Empire.

Keywords: generals, Russian Empire, Kamensky, Russian-Turkish wars, Crimea.

Глубина и сила полководческих талантов российских военачальников многие века вызывала восхищение у всего мира. Начиная со времен правления династии Рюриковичей и заканчивая временем правления династии Романовых, мы можем выделить целую плеяду талантливых полководцев. Жизнь многих из них была напрямую связана с одним царем или императором, во время правления которого они и совершали свои военные подвиги. Лишь немногим посчастливилось нести службу у целого ряда правителей.

Начавший свою военную карьеру в середине 18 века, во времена правления Елизаветы Петровны, Михаил Федотович Каменский на всю жизнь остался связан с военной службой. В 1751 году будущий военачальник поступает на обучение в один из кадетских корпусов Российской Империи — Сухопутный Кадетский корпус. Закончив его в 1756 году в звании поручика Михаил Федотович направляется на службу в ведомство канцелярии строений. Его недолгая карьера в этом ведомстве заканчивается переводом в артиллерию на новую должность — унтер-шалмейстер.

С этого момента Каменский становится участником всех военных конфликтов, которые вела Российская империя. Будучи талантливым и сметливым человеком, Михаил Федотович часто направляется на обучение, изучая военное дело в других странах.

Рвение и талант Каменского оценивались его командирами — в 1758 году он получает очередное звание, на этот раз Михаил Федотович производится в капитаны артиллерии. Но служба в артиллерийских частях не доставляет Каменскому должного удовлетворения, он ищет себя на полях сражений. Поэтому, ссылаясь на ряд профессиональных артиллеристских травм, включающих, например, частую головную боль, Михаил Федотович Каменский подает прошение о переводе. В 1762 году, уже при императоре Петре III Каменского переводят на службу в полевые пехотные полки с повышением звания до майора.

Талант Каменского на новой стезе не остается незамеченным: в марте того же года граф П.А. Румянцев переводит Михаила Федотовича под своё командование. Так 24-летний Каменский повышается в долж-

ности до генерал-лейтенанта.

Достаточно короткий период правления императора Петра III закончился, но новая правительница России — Екатерина II тоже заметила талант молодого военачальника. Своим указом она назначает Михаила Федотовича Каменского на должность военного атташе в Пруссии. Основной задачей Михаила Федотовича на новой должности являлось ознакомление с системой подготовки войск и возможностью применения подобного опыта в российской армии. На это ему давалось два месяца. Это назначение говорит о невероятном доверии, которое было оказано молодому генералу.

Через год Каменский получает звание генерал-майора и производится в бригадиры. Все это происходит перед началом одной из русско-турецких войн, которые полостью раскрыли всему миру полководческий талант Михаила Федотовича Каменского.

Нельзя переоценить значение любой из битв, в которых сотнями гибли русские солдаты, но часть этих битв, действительно, являются ключевыми в рамках исторических событий нашего государства. Одной их таких битв является сражение при Козлуджи (1774) [6, с.200].

Дорога к Козлуджи была единственной возможностью подойти вплотную ставке турецкого визиря — крепости Шумла. Войска Российской империи, состоящие из 24 000 солдат и офицеров, которые находились под командованием таких именитых полководцев, как А.В. Суворов и М.Ф. Каменский, должны были одержать верх над 40-тысячной армией Османской империи.

Русская армия, без устали, штурмовала занятые турками высоты, но армия Османской империи постоянно отражала удары противниками, используя рельеф местности: узкое пространство не позволяло ни одной из армий полостью развернуть свои порядки. Сражение, длившееся более восьми часов все же закончилось триумфом русской армии: после взятия одной из высот в тылу у турецкого войска, пехотные полки под командованием Каменского и отряды А.В. Суворова обрушились на противника со всех сторон. Отступающая армия Османской империи бросила свою артиллерию и обозы, пытаясь сократить свои потери, но они все равно в шесть превысили потери русской армии. Через несколько дней, остатки турецкой армии, блокированные в крепости Шумла капитулировали.

Михаил Федотович, желая сохранить в памяти эту блистательную победу велел перелить трофейную турецкую пушку в колокол для церкви в своей усадьбе Сабурово. [3].

Триумф русской армии при Козлуджи вынудил Османскую импе-

рию пойти на переговоры и подписать мирный договор, заключенный всего через месяц после этого решающего сражения. Условия Кючук-Кайнарджийского договора вынуждали Османскую империю отказаться от протектората над Крымским ханством, что привело, в дальнейшем, к присоединению Крымского полуострова и всех его крепостей к Российской империи в 1783 году.

Пожелавшая отпраздновать подписание Кючук-Кайнарджийского договора Екатерина II велела создать на Ходынском поле ряд увеселительных павильонов, представляющих всем территорию военных действия последней русско-турецкой войны. Здесь же были представлены уменьшенные копии турецких крепостей и фортов.

По распоряжению и благоволению императрицы ряду российских военачальников, включая Михаила Федотовича Каменского, для увековечения исторической победы над Османской империей, было разрешено устроить в своих имениях крепости в турецком стиле, большинство из которых, к сожалению, не сохранились до нашего времени. Лишь одно из подобных фортификационных сооружений дошло до нашего времени — Сабуровская крепость, имение Михаила Федотовича Каменского, которое располагается неподалеку от города Орёл. Эту крепость можно считать одним из самых величественных памятников присоединению Крыма к Российской империи на всей территории нашего государства.

Помимо полководческого таланта Михаила Федотовича отличало настоящее благородство русского дворянина, которое проявлялось им даже на войне. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. русские части, находившиеся под командованием Каменского были атакованы войском Крымского ханства. Возглавлял эту армию сын хана Мехмет-Гирей. Сражение закончилось блистательной победой русского оружия, а вражеская армия лишилась своего командира и артиллерии.

После сражения Михаил Федотович приказал найти на поле битвы тело Мехмет-Гирея и передать его крымчакам. В письме хану он отметил, что делает это как отец, деги которого тоже могут быть убиты на поле боя. и передать противнику останки военачальника.

Правда сам Михаил Федотович, обладая дерзким нравом, к концу войны попадает в опалу и отправляется к себе в поместье, получив возможность начать работы по возведению мемориальных каменных построек в усадьбе, которую он, переименовывает в свою честь в Каменское [5].

В 1784 году получил чин генерал-аншефа. Вследствие нерасположения князя Потёмкина оставил армию, тем более что и сама императрица находила, что Каменский ни к чему не годен (*un personnage le plus ennuyant*

du monde). Позднее Потёмкин вернул его в армию, «дабы не говорили, что вытесняет репутацию имеющего».

В начале новой русско-турецкой войны получил в командование 2-й корпус в армии Румянцева, однако начал интригу против последнего, высказывая чрезмерную угодливость Потёмкину, интрига получила огласку, и Каменский был отстранён от должности. В 1788 году назначен командиром 4-й дивизии («Запасной корпус») армии Румянцева. 19 декабря разбил турок при Гангуре. В 1789 году пожалован орденом Святого Владимира 1-й степени. В том же году, после объединения армий Румянцева и Потёмкина под командованием последнего, Каменский, не получив никакого назначения в армии Потёмкина, уехал в отпуск. Назначенный незадолго до кончины Потёмкина, последовавшей 5 октября 1791 г., в его подчинение, Каменский допустил, по словам Екатерины, «странные поступки». Буквально над телом усопшего он, оставшийся старшим среди генералов, собрал военный совет и объявил о принятии на себя обязанностей главнокомандующего. Однако через несколько дней в главную квартиру прибыл генерал-аншеф М.В. Каховский, которому Потёмкин успел письменно передать свои полномочия. Возникший между генералами конфликт разрешила Екатерина, которая нашла действия Каменского произвольными и несовместимыми с законом и возможностью продолжения военной службы. В частных письмах ее оценки были еще более резкими: «Сумасшедший Каменский шалит, собрание генералов ради суждения, кому командовать, доказывает безрассудность собирателя, и после сего поступка уже к нему доверенность иметь едва ли возможно». Празднование вскоре заключенного Ясского мира прошло без попавшего в опалу военачальника.

Император Павел, проявляя благосклонное отношение к генералу, разделявшему его политические и военные симпатии, в 1796 г. назначил Каменского начальником Финляндской дивизии с производством в генералы от инфантерии, затем буквально осыпал его наградами — орденом святого Андрея Первозванного, графским титулом и чином генерал-фельдмаршала. Но вскоре своенравный Павел совершенно охладил к нему, и Михаил Федотович вновь удалился в свое имение.

При Александре I Каменский получил пост генерал-губернатора Петербурга (1802 г.), однако отсутствие деловитости и такта привели его к быстрой отставке с этой должности. Последний раз его привлекли к военной деятельности в 1806 г., когда по инициативе Аракчеева фельдмаршал был назначен главнокомандующим русской армией в войне антифранцузской коалиции против Наполеона. Отправляясь в армию, Каменский обещал

привезти Бонапарта в Петербург в клетке, но уже по пути стал жаловаться на недомогания и старческую немощь. Приняв командование, 68-летний фельдмаршал начал производить непонятные для войск маневры и движения. Наполеон, удивляясь хитроумным, хаотичным действиям Каменского, шутил, что этот военачальник является для него самым опасным, ибо планы всех здравомыслящих людей можно предвидеть, а планы Каменского предвидеть невозможно. Уже через неделю пребывания в войсках главнокомандующий совсем потерял рассудок, стал звать солдат быстрее отступать в Россию, обещал стать впереди бегущих.

Престарелый Державин одой приветствовал «оставший меч Екатерины, булат, одержанный в боях». Однако, по выражению Вигеля, «последний меч Екатерины слишком долго лежал в ножнах и оттого позаржавел».

Больной старик сам чувствовал свою неспособность, но не имел мужества отказаться от назначения. Прибыв 7 декабря «в три часа по полуночи» в штаб армии, расположенный в Пултуске, он увидел печальное состояние армии и, совсем растерявшись, 14 декабря отдал приказ об отступлении. Сдав командование генералу Беннигсену, ссылаясь на болезнь, отбыл в Остроленку. Александр I осудил действия Каменского, однако из-за уважения к его чину и возрасту решил не предавать его суду.

За свои воинские заслуги он был пожалован всеми российскими орденами, получил звание генерал-фельдмаршала и титул графа.

Последние годы жизни граф жил в своей орловской усадьбе. Сабуровская крепость, напоминая огромную театральную декорацию, видимо служила фоном и для игры самодеятельных крепостных актёров графа. Любовь к театру появилась у будущего фельдмаршала в юности. Ещё во время учебы в Шляхетском корпусе он познакомился с учившимся там основателем русского театра Ф.Г. Волковым. В этот же период молодой М.Ф. Каменский дружит и с семьей знаменитого драматурга Сумарокова, руководившего самодеятельным театром при корпусе. М.Ф. Каменский несомненно принимал участие в спектаклях этого театра.

Однако живший в усадьбе Михаил Федотович Каменский погиб не от рук турок, на войнах с которыми он проявлял свой полководческий талант, а был убит ударом топора одним из своих дворовых людей во время прогулки на экипаже [7, с.440]. Убийство графа вызвало широкий общественный резонанс: место преступления было отмечено каменным валуном в 300 пудов, а по делу об убийстве Михаила Федотовича в Сибирь было отправлено 300 крепостных и служилых людей.

Стихотворные строки о М.Ф. Каменском мы встречаем у Г.Р. Державина, Г. Ржевского и В.А. Озерова. В прозе XIX в. к судьбам М.Ф. Камен-

ского и его детей обращались такие деятели русской литературы, как И.С. Тургенев в рассказе «Стучит», Л.Н. Толстой в «Войне и мире», И.А. Бунин в очерке «Из Орловской старины», Н.С. Лесков в повестях «Тупейный художник» и «Очарованный странник», поэт и партизан в войне 1812 года Д.В. Давыдов в своих «Записках партизана».

Михаил Федотович Каменский является ярким примером русского военачальника, положившего всю свою жизнь за Веру, Царя и Отечество. Будучи участником практически всех крупных войн в период правления пяти императоров династии Романовых, начиная с середины 18 века и заканчивая временем Наполеоновских кампаний, Михаил Федотович стал образцом полководца-патриота, преумножившего славу России.

Список литературы.

1. ГАОО. Ф. 458. Оп. 1, Д. 12.
2. ГАОО. Ф. 6. Д. 1652.
3. ГАОО. Ф. 98. Оп. 1, Д. 217.
4. ГАОО. Ф. 98. Оп. 2, Д. 114
5. ЦГАДА. Ф. 1326. Оп. 2, Ч.1., Д. 170.
6. Дубасов И. И. К биографии фельдмаршала графа М. Ф. Каменского // Исторический вестник, 1880. — Т. 2. — № 5. — С. 199–204.
7. Гейсман П. А. Каменский 1-й, Сергей Михайлович // Русский биографический словарь : в 25 томах. — СПб., 1897. — Т. 8: Ибак — Ключарев. — С. 439–442.

Экономическое развитие и хозяйственные перспективы России по материалам журнала «Русское обозрение» (1889–1892 гг.)

Медоваров Максим Викторович
кандидат исторических наук, доцент,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению публикаций, посвященных экономическому развитию России в 1889–1892 гг., на страницах консервативного журнала «Русское обозрение». Проанализированы взгляды влиятельных авторов-экономистов и их роль в изменении экономической политики России.

Ключевые слова: «Русское обозрение», экономическое обозрение, протекционизм в России, голод 1891–1892 гг., Д.Н. Цертелев, Л.Н. Воронов, А.С. Ермолов, Л.А. Тихомиров, И.А. Вышнеградский, министерство земледелия

Economical Development and Prospects of Russia According to the Materials of “Russkoe Obozrenie” Journal in 1889–1892

Medovarov Maxim Viktorovich
Candidate of Historical Sciences,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Abstract. The article is devoted to the consideration of publications devoted to the economic development of Russia in 1889–1892 on the pages of the conservative journal “Russkoe Obozrenie” (“Russian Review”). The views of influential authors-economists and their role in changing the economic policy of Russia are analyzed.

Keywords: “Russkoe Obozrenie”, economic review, protectionism in Russia, famine of 1891–1892, Prince Dmitry Tsertelev, Leonid Voronov, Alexey S. Ermolov, Lev Tikhomirov, Ivan Vyshnegradsky, ministry of agriculture

Обсуждение проблем экономического развития России на страницах отечественной прессы конца XIX в. относится к числу недостаточно изученных исторических сюжетов. Вместе с тем в некоторых случаях журнальные статьи имели непосредственное влияние на те или иные экономические и финансовые меры правительства. В этой связи особый интерес представляет журнал «Русское обозрение», издававшийся на средства фабриканта Д.И. Морозова (в дальнейшем — при государственной поддержке) и в лице своих редакторов и авторов тесно связанный с элитой Российской империи. В данной статье мы ограничимся в своем анализе первым периодом существования журнала, когда его редакторами был сначала князь Д.Н. Цертелев (с января 1890 фактически до мая 1892 гг.) и затем — до сентября 1892 г. — Н.М. Боборыкин. Завершение данного периода совпало с назначением С.Ю. Витте на пост министра финансов, что стало верхним хронологическим пределом нашего исследования.

У истоков «Русского обозрения» стоял такой верный помощник Цертелева, как выдающийся экономист Л.Н. Воронов. Именно он на высочайшем профессиональном уровне вел рубрику «Экономическое обозрение» в каждом номере журнала вплоть до июня 1892 г., после чего она попала в руки к другому, анонимному и поверхностному автору. Наряду с «Экономическим обозрением» Воронова, принципиальное значение имело относительно регулярное появление на страницах «Русского обозрения» цикла статей А.С. Ермолова «Сельскохозяйственные вопросы». Именно эти статьи сделали его известным всей России, что, в конце концов, привело к назначению Ермолова товарищем министра финансов (при Витте), а с 1894 г. — первым министром земледелия России. Тезис о необходимости создания такого министерства систематически проводился в «Русском обозрении» с самого начала.

Кроме того, в команду авторов-экономистов «Русского обозрения» входили известный помещик-хозяйственник К.Ф. Головин, а также А.А. Борзенко, Е.К. Нелидов, Ф.А. Духовецкий и (в «боборыкинский» период) Н. Чубаров [1; 18; 20; 21; 22; 24; 25]. За исключением Головина, специально писавшего о крестьянском и помещичьем землевладении [14; 15], остальные авторы сосредоточивались в основном на рецензировании различных книг по экономике, в том числе трудов Ермолова и Воронова.

Тематика экономических статей в «Русском обозрении» была самой разнообразной и затрагивала всевозможные аспекты развития промышленности, сельского хозяйства, торговли, финансов и кредита как в России, так и во всем мире. Среди мировых проблем особое внимание уделялось систематическому долговременному падению цен на серебро

и на продукты земледелия в конце XIX в., а также росту производства зерновых в США, Аргентине, Австралии и повальному переходу всех стран мира (кроме Британской империи) к протекционизму. Финансовый кризис 1890 г. в Южной Америке и его последствия рассматривались с точки зрения интересов России [4, с. 422–433].

При анализе экономического и хозяйственного развития Российской империи авторы «Русского обозрения» систематически на протяжении рассматриваемых нами трех лет проводили одни и те же мысли и требования. Рассмотрим их подробнее.

По отношению к промышленности журнал постоянно сетовал на отставание российской индустрии от западных стран, требовал модернизации производства и рынков сбыта. «Русское обозрение» стояло на позициях поддержки расширения крупных капиталистических предприятий, фабрик, отказа от народнических иллюзий о поддержке мелкого кустарного производства — но при условии улучшения социальных гарантий рабочим и государственном регулировании условий труда. Наиболее яркое отражение эти идеи нашли в знаковой статье Л.А. Тихомирова «Нужна ли нам фабрика?» [23]

Л.Н. Воронов, Е.К. Нелидов, А.А. Борзенко сурово осуждали управление экономикой России со времен Александра II вплоть до министерства Н.Х. Бунге. Они давали высокую оценку деятельности И.А. Вышнеградского на посту министра финансов России (1887–1892 гг.) [5, с. 420–421; 27, с. 777; 28, с. 400–404], прежде всего, за его протекционистский курс, который авторы «Русского обозрения» считали в целом продуманным и систематичным, пришедшим на смену бессистемно, хаотично формировавшимся тарифам предыдущего периода [3, с. 873–879; 4, с. 433–441; 6, с. 914–915; 7, с. 873–875; 11]. Убеждение в необходимости протекционизма в разумных пределах для всех государств высказывал и такой ведущий идеолог «Русского обозрения», как В.А. Грингмут [17]. В то же время по ряду частных вопросов, особенно связанных с российским экспортом в балканские и азиатские страны, журнал критиковал недостаточную эффективность действий правительства по защите интересов отечественных купцов за рубежом [2, с. 423–427; 26, с. 320–324; 27, с. 780–781; 28, с. 415]. Среднюю Азию, Персию, Турцию, Сербию и Румынию «Русское обозрение» считало приоритетными рынками для сбыта продуктов российской промышленности.

Высокую оценку давал журнал мерам Вышнеградского по конверсии иностранных и внутренних займов в пониженные ставки, что позволяло делать бюджет профицитным. «Русское обозрение» опасалось

резкого повышения курса рубля и с осторожностью относилось к проектам денежной реформы, категорически отвергало проект «Русского вестника» по девальвации бумажного рубля и переходу на серебряный стандарт. В условиях роста значения золотого стандарта повсюду, кроме США, Воронов полагал, что де-факто рубль уже зависит от мирового курса цен на золото, и не учитывать этого нельзя. Неизменно тщательно на страницах «Русского обозрения» анализировался государственный бюджет и его исполнение в 1889–1892 гг., часто — в сравнении с предыдущим периодом.

Поскольку до 90% русского экспорта в рассматриваемый период составляли продукты сельского хозяйства, особенно зерновые, «Русское обозрение» уделяло приоритетное внимание аграрному развитию страны. Даже до наступления голода 1891 г. журнал пристально следил за урожаем в каждой губернии и уезде европейской части Российской империи, а также в других странах. После наступления голода «Русское обозрение» поддержало самые энергичные меры по борьбе с ним, включая запрет вывоза хлеба из страны и законы о борьбе со спекулянтами [9, с. 871–875; 10, с. 449–455; 13, с. 876–882, 887]. Журнал не был склонен оправдывать правительство или преуменьшать масштабы бедствия. Напротив, на его страницах разоблачалась некомпетентность как центральных ведомств, так и земств и железных дорог на местах. «Русское обозрение» поддерживало раздачу продовольственных ссуд крестьянам (наряду с организацией для них сезонных работ) и смягчении сборов податей при условии дальнейшего возврата ссуд и недоимок натурой.

Журнал неизменно стоял на позиции требования национализации железных дорог России, и голод стал дополнительным поводом настаивать на этом. Вместе с тем, авторы «Русского обозрения» призывали извлечь уроки сначала из хронических проблем сельского хозяйства страны, а после начала голода 1891–1892 гг. — из его последствий. В обоих случаях речь шла о том, что отнюдь не малоземелье стало причиной бедствия, а климатические изменения, плохая агротехника и отсутствие запасов хлеба впрок [7, с. 852–865; 8, с. 379].

А.С. Ермолов, Л.Н. Воронов и другие авторы, публиковавшие отчеты о сельскохозяйственных съездах разного уровня, подчеркивали, что за последние полвека от массовой вырубki лесов наиболее сильно пострадал черноземный Центр России, а также Средняя и Нижняя Волга. Следствием обезлесения и распашки оврагов стали засухи, песчаные бури, заболевания растений, а главное — хронический недостаток влаги в почве. В рамках государственной борьбы с изменением климата и ланд-

шафта «Русское обозрение» предлагало меры по сохранению влаги в реках и ручьях, высадке деревьев, изменению технологии и календаря пахоты и посевов применительно к местным условиям, развитие сети метеорологических и почвоведческих станций [19]. Публицисты были убеждены, что ни переселение крестьян в азиатскую часть России, ни возможный раздел общинных земель здесь ничем не помогут. Они советовали лишь предпринять меры к сохранению минимальных неделимых крестьянских наделов и дворов и к переселению части крестьян в города на промышленные заработки [16; 12, с. 381–383].

В то же время авторы-экономисты, особенно Воронов и Ермолов, полагали, что Россия экспортирует хлеб «не от избытка, а от скудости, хищнически истощая естественные богатства страны» [10, с. 464–466]. Поэтому при одинаково плохом урожае в других странах голод все-таки не начинался, поскольку у крестьян или фермеров были накопленные ранее запасы, а в России, где даже земства не имели возможности завести централизованные хлебные магазины без участия полиции, крестьяне не запаслись впрок ничем. Наряду с мерами по улучшению хлебной торговли (организация элеваторов, куда бы ссыпался хлеб разных производителей в «обезличенной» форме) и с предложениями по переходу на более засухоустойчивые культуры (рожь, горох и особенно кукуруза) «Русское обозрение» ставило вопрос в принципиально иной плоскости — вопрос о том, что Россия должна перестать быть страной, зависимой от хлебного вывоза как такового, и стать страной развитой промышленности и скотоводства.

А.С. Ермолов полагал, что общемировой тренд снижения цен на продукты земледелия сохранится надолго, поэтому Россия должна приложить усилия и стать экспортером товаров животного происхождения: живого скота, мяса, рыбы, молочных продуктов, яиц, щетины, отчасти меда, воска, чешуи и т. д. [16; 11, с. 902–904]. Это требовало структурной перестройки всей российской экономики и резкого повышения качества производимых в России марок животноводческих продуктов. В конечном счете, именно в такой структурной перестройке авторы «Русского обозрения» видели ключ к обеспечению достаточного уровня благосостояния всех рядовых россиян, включая крестьян. Ради этого они и требовали серьезного государственного вмешательства и протекционистской политики на всех уровнях и во всех отраслях. В конечном счете, журнал стал возлагать большие надежды на Витте и его новую команду [28, с. 404–408].

После смены редакции «Русского обозрения» (с октября 1892 по 1898

гг. редактором был А.А. Александров) из журнала ушли почти все авторы, ранее писавшие на экономические темы: Воронов, Ермолов, Борзенко, Нелидов, Чубаров, Духовецкий. Продолжили сотрудничество с новой редакцией лишь Головин и Тихомиров; к ним добавились такие новые публицисты — экономисты и финансисты, как К.С. Красильников, В.П. Панаев, С.А. Минутко, А.И. Елишев, И.Т. Тарасов, А.Ф. Замков и другие. Их отношение к реформам Витте вскоре станет более критичным, но данный сюжет уже выходит за рамки рассмотренного периода и темы.

Список литературы

1. Борзенко А.А. [Рец.:] Свободная торговля и покровительственная система в России. Доклад Московскому отделению общества для содействия русской промышленности и торговле. Л. В[оронов]. М., 1891 // Русское обозрение. 1891. №5. С. 460–462.
2. Воронов Л.Н. Экономическое обозрение // Русское обозрение. 1890. №7. С. 406–432.
3. Воронов Л.Н. Экономическое обозрение // Русское обозрение. 1890. №8. С. 865–880.
4. Воронов Л.Н. Экономическое обозрение // Русское обозрение. 1890. №11. С. 422–444.
5. Воронов Л.Н. Экономическое обозрение // Русское обозрение. 1891. №1. С. 417–433.
6. Воронов Л.Н. Экономическое обозрение // Русское обозрение. 1891. № 4. С. 900–915.
7. Воронов Л.Н. Экономическое обозрение // Русское обозрение. 1891. №8. С. 852–875.
8. Воронов Л.Н. Экономическое обозрение // Русское обозрение. 1891. №9. С. 378–397.
9. Воронов Л.Н. Экономическое обозрение // Русское обозрение. 1891. №10. С. 862–875.
10. Воронов Л.Н. Экономическое обозрение // Русское обозрение. 1891. №11. С. 446–466.
11. Воронов Л.Н. Экономическое обозрение // Русское обозрение. 1891. №12. С. 883–904.
12. Воронов Л.Н. Экономическое обозрение // Русское обозрение. 1892. №3. С. 367–383.

13. Воронов Л.Н. Экономическое обозрение // Русское обозрение. 1892. №4. С. 876–887.
14. Головин К.Ф. О семейных участках. По поводу статьи К.П. Победоносцева // Русское обозрение. 1890. №5. С. 280–299; №6. С. 540–558.
15. Головин К.Ф. Перелом в русской деревне // Русское обозрение. 1890. №1. С. 275–316; №2. С. 624–650.
16. Головин К.Ф. Чему учит нас голод? // Русское обозрение. 1892. №2. С. 638–659.
17. Грингмут В.А. Текущие вопросы международной политики. VII. Лазуревые фантазии // Русское обозрение. 1890. №11. С. 387–401.
18. Духовецкий Ф.А. [Рец.:] Н.С. Терский. Питейные сборы и акцизная система в России. СПб., 1890 // Русское обозрение. 1890. №5. С. 442–444.
19. Ермолов А.С. Сельскохозяйственные вопросы // Русское обозрение. 1890. №6. С. 616–670; №8. С. 531–572; №11. С. 163–199; РО. 1891. №10. С. 656–691; 1892. №1. С. 159–212.
20. Нелидов Е.К. Беседы о торговле зерном. Сочинение аббата Галиани // Русское обозрение. 1891. №9. С. 445–450.
21. Нелидов Е.К. Государственный банк. Исследования его устройства, экономического и финансового значения. Власия Судейкина. Пб., 1891 // Русское обозрение. 1892. №2. С. 934–946.
22. Нелидов Е.К. [Рец.:] Иванюков И. Основные положения теории экономической политики. 3-е изд. М., 1891 // Русское обозрение. 1891. № 11. С. 481–488.
23. Тихомиров Л.А. Нужна ли нам фабрика? // Русское обозрение. 1891. №1. С. 286–309.
24. Чубаров Н. По поводу прочитанного. Opaetlabora! Труды Императорского Московского общества сельского хозяйства // Русское обозрение. 1892. №9. С. 457–486.
25. Чубаров Н. Современные хозяйственные вопросы. Издание Д.И. В-ва. СПб., 1892 // Русское обозрение. 1892. №7. С. 359–364.
26. Экономическое обозрение // Русское обозрение. 1892. №7. С. 311–324.
27. Экономическое обозрение // Русское обозрение. 1892. №8. С. 768–786.
28. Экономическое обозрение // Русское обозрение. 1892. №9. С. 400–415.

Россия и мир — внешняя политика и безопасность империи в конце XIX — начале XX веков

Ревякин Александр Васильевич
д.и.н. профессор МГИМО

Внешняя политика и безопасность подобны двум сторонам одной медали. Главной целью внешней политики любого суверенного государства является его безопасность. А от того, насколько эта цель достигнута, судят о результативности внешней политики.

Внешняя безопасность, которая и является предметом настоящей статьи, — сложное явление. Она включает много составляющих. Так много, что мы и перечислить их не беремся. Затруднительно даже очертить круг явлений, которые относятся к области внешней безопасности. По непредсказуемому стечению обстоятельств любая мелочь может приобрести критическое значение.

В статье мы остановимся лишь на некоторых предпосылках и факторах внешней безопасности России, носивших объективный характер, т.е. не зависевших от личных предпочтений людей, которые руководили внешней политикой и дипломатией.

Разные это были люди по темпераменту, способностям, склонностям — как самодержцы Александр II и III, Николай II, так и восьмеро министров от А.Н. Горчакова до С.Д. Сазонова включительно. Разным у них было видение конкретных задач, стоявших перед внешней политикой России. Отсюда впечатление неразберихи и сумятицы, царившей в правящих кругах. И.С. Рыбачёнок так отзываясь об этой ситуации: «Полнейшее разномыслие среди лиц, причастных к выработке ответственных решений, с одной стороны, и несоответствие ключевой фигуры — царя как главы государства тем задачам, которые стояли перед империей... с другой, порождали постоянные шатания, разброс средств и т.д.»¹ Меж-

¹ Рыбачёнок И.С. Коренные интересы России в представлениях ее государственных деятелей, дипломатов и военных в конце XIX — начале XX века //

ду тем в долгосрочной перспективе внешнеполитический курс России не был лишен последовательности, а отвечавшие за него люди — настойчивости в достижении поставленных целей. Да и сами эти цели формулировались отнюдь не произвольно, а исходя прежде всего из возможностей и потребностей государства.

В.А. Емец, исследуя механизм принятия внешнеполитических решений в России на рубеже столетий, установил, что на его функционирование влияли подходы, свойственные разным группам правительственной бюрократии. Одну из них он именуется «бескомпромиссными консерваторами», представителями старой «военно-феодалной тенденции во внешней политике России», другую — либеральными консерваторами². Судя по характеристике, которую В.А. Емец дает группе либеральных консерваторов, ее представители заслуживают и другого определения — государственники, т.е. люди, превыше всего ставящие интересы государства (конечно — в меру своих представлений об этом). Историк признает, что сторонники старого подхода пользовались большим влиянием в правительственных кругах. В самом начале XX столетия им даже удалось подчинить своему влиянию дальневосточную политику России. Но В.А. Емец дает понять, что командные высоты в правительстве всё же занимали их оппоненты, деятели новой формации. Историк приводит данные, свидетельствующие о высокой степени «солидарности правящей бюрократии в понимании государственных интересов по кардинальным проблемам внешней политики»³. То обстоятельство, что на рубеже XIX–XX вв. к управлению страной пришли люди с развитыми государственным чутьем и чувством ответственности за свои деяния, и дает право говорить не о внешней политике Александра или Николая, не о дипломатии А.П. Извольского или С.Д. Сазонова, а о *русской* внешней политике и *русской* дипломатии.

История учит, что роль и влияние государства в международных делах — величины переменные. Впервые Россия добилась ведущей роли в европейской политике на волне победы над наполеоновской Францией

Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI — начало XX века: к столетию академика А.Л. Нарочницкого. М.: Наука, 2007. С. 303.

² История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Международные отношения, 1997. С. 51.

³ Там же. С. 56–57.

в начале XIX в. Затем она постепенно начала сдавать позиции. А в конце Первой мировой войны и во время революции 1917 г. страна, можно сказать, рухнула в пропасть и на некоторое время с ней почти перестали считаться на международной арене. Но затем Россия, уже как Советский Союз, восстановила силы, а в результате победы в Великой Отечественной войне вернула себе лидирующую роль — теперь в мировой политике.

В конце XIX — начале XX столетий Россия занимала в мире далеко не на самое видное место. Реализации честолюбивых планов ее правящих кругов мешала относительно слабая экономика. По уровню экономического, прежде всего промышленного развития она отставала от основных держав, где раньше началась промышленная революция, а стало быть, и получила развитие машинная индустрия — основа могущества современного государства. Россия бесспорно развивалась, но долгое время медленнее своих основных международных партнеров и соперников. Рубеж в 1–2% среднегодового экономического роста другие развитые страны уверенно перешагнули еще в первые десятилетия XIX в., Россия же — только в его последние десятилетия⁴. Причем, основной вклад в национальный доход вносила не промышленность, а сельское хозяйство. Накануне Первой мировой войны Россия была крупнейшим производителем сельскохозяйственных товаров в Европе, но по выпуску промышленной продукции среди крупных стран уступала даже Австро-Венгрии. Зато ускорение темпа экономического роста в начале XX в. в среднем до 3,3% в год давало возможность в обозримом будущем наверстать упущенное. Как утверждает американский историк П. Грегори, в указанный период «по среднему темпу экономического роста Россия выдерживает сравнение с другими странами... Российская экономика росла так

⁴ Разумеется, речь идет о приблизительных оценках, основанных на фрагментарных сведениях об экономическом развитии отдельных регионов и отраслей, поскольку во многих странах до конца XIX в. еще просто не существовало надежной общенациональной статистики. Исследователи приводят данные, которые расходятся в деталях, но в основном подтверждают гипотезу о том, что разные страны развивались крайне неравномерно, но что в долгосрочной перспективе именно промышленная революция и индустриализация были причиной ускорения экономического роста. См.: Кембрижская экономическая история Европы нового и новейшего времени / Под ред. С. Бродбери и К. О'Рурка. Т. 1–2. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. Т. 1. С. 238–240; Там же. Т. 2. С. 54–64; *An Economic History of Europe: From Expansion to Development* // Ed. by A. Di Vittorio. L.; N.Y.: Routledge, 2006. P. 135–137 и др.

же быстро или даже быстрее, чем британская, германская, норвежская и итальянская», хотя и уступала по этому показателю экономике США, Японии и некоторых других стран⁵.

Относительно медленно осуществлялись в России реформы, направленные на вовлечение более широких слоев населения в управление государством. Например, в отличие от западноевропейских государств, где парламентаризм стал нормой политической жизни еще в первой половине XIX в., в России парламентские учреждения возникли лишь в начале XX в. Почему об этом важно напомнить? Да потому что от того, насколько граждане причастны к управлению государством, напрямую зависит прочность политической системы общества.

Слабая экономика в сочетании с управленческой рутинной, которая была отчасти связана с традициями самодержавия, привели к ряду чувствительных внешнеполитических неудач. Самые известные среди них — поражение в Крымской войне в 1856 г., пересмотр Берлинским конгрессом в неблагоприятную для России сторону итогов войны 1877–1878 гг. с Турцией, поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг., последствия Боснийского кризиса 1908 г., прозванного «дипломатической Цусимой». И.С. Рыбачёнок в одной из своих недавних публикаций не без оснований утверждает: «Россия как субъект международных отношений всё больше проигрывала своим соперникам и конкурентам...»⁶

Тем не менее в конце XIX — начале XX вв. Россия, несмотря на трудности своего развития, по-прежнему воспринималась современниками как одно из самых могущественных государств мира, от действий которого подчас решающим образом зависела международная политика.

Такого мнения придерживались прежде всего сами россияне. Ведущие политические и общественные деятели могли спорить между собой о том, «каковы должны быть границы Великой России, достигла ли она пределов своего расширения или нуждается в приращении новых территорий», «в каких направлениях следует вести активную внешнюю политику: Европа, Ближний, Средний, Дальний Восток», какой «должна быть славянская политика» и т.д.⁷ Но при всех разногласиях они исходи-

⁵ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003. С. 25.

⁶ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М.: РОССПЭН, 2012. С. 566.

⁷ Кострикова Е.Г. Русские политики, публицисты и общественные деятели о геополитических интересах России в начале XX в. // Геополитические фак-

ли из того, что Россия занимает в мире непоколебимо прочные позиции.

Что касается внутреннего устройства России, то споры в обществе вызывал главным образом вопрос о том, что больше отвечает благу страны — сохранение самодержавия или его превращение в парламентскую монархию? Многочисленные национальные движения в Прибалтике, на Украине, в Закавказье и других провинциях империи вполне довольствовались лозунгом автономии, выступая в поддержку единой российской государственности⁸. Лишь политические маргиналы, каковыми являлись революционеры крайнего толка, делали ставку на ниспровержение основ государственного строя России. Историк и этнолог В.А. Тишков с полным основанием утверждает: «Распад Российской империи в 1917–1918 гг. не был предопределен до мировой войны. Именно тяготы войны привели к краху прежних режимов во всех континентальных империях Европы, а приход к власти большевиков резко усилил центробежные тенденции на имперских окраинах»⁹. В подавляющем большинстве современники и представить себе не могли, что в скором времени монархия в России падет, а огромное государство развалится на части.

Могущество Российской империи не подвергалось сомнению и далеко за ее пределами — как иначе объяснить то обстоятельство, что правительства иностранных государств наперебой добивались ее расположения? Известно, что на протяжении ряда лет Германия пыталась спасти Союз трех императоров, оформленный соглашениями 1873 г. Зато не было предела радости французов, когда Россия поставила на нем крест и заключила с Францией в 1891–1893 г. сначала консультативный договор, а затем и военную конвенцию, направленную против Германии. Спешила перевернуть страницу в отношениях с Россией и Япония. Уже в 1907 г., т.е. всего лишь через два года после окончания русско-японской войны, между обеими странами был заключен взаимовыгодный договор о сохранении статус-кво на Дальнем Востоке. Два других соглашения, подписанные в 1910 и 1912 гг., подтверждали и развивали его положения.

торы во внешней политике России: вторая половина XVI — начало XX века: к столетию академика А.Л. Нарочницкого. М.: Наука, 2007. С. 311.

⁸ В.С. Дякин предостерегает от отождествления лозунгов национально-культурной и территориальной автономии, полагая, что за последним незримо «стояло стремление к полной государственной независимости // Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). Спб.: ЛИСС, 1998. С. 36–37, 44.

⁹ Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. С. 190

Одновременно решительный шаг к преодолению разногласий с Россией сделала Великобритания, ее давний геополитический соперник в Азии. В 1907 г. оба государства заключили соглашение о разграничении сфер своего влияния на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. В 1911 г. Россия договорилась с Италией о взаимном признании своих интересов на Балканах и Ближнем Востоке.

Примечательно, что иностранные правительства стремились к сближению с Россией иногда вопреки общественному мнению своих стран. Причины недоброжелательного отношения к ней за рубежом были разными. Большое значение имели межгосударственные споры и противоречия по тому или иному конкретному вопросу, на которые публика реагировала подчас весьма эмоционально. Разумеется, играли роль также давние, исторические споры и обиды. В Западной Европе и в Северной Америке на них накладывалось представление о неизбывной реакционности русского самодержавия, которое якобы представляло перманентную угрозу парламентскому и либеральному строю западных государств.

Спору нет, в первой половине XIX в. Россия действительно противодействовала революционному и демократическому движению в европейских странах — примеров тому немало. Но иногда подобная русофобия граничила с расизмом, а именно с домыслами в том, что русские и православные христиане в целом якобы застряли где-то на более низкой ступени цивилизационного развития по сравнению с западно-христианскими народами. В предисловии к переводу на русский язык книги американского историка и культуролога Л. Вульфа, посвященной стереотипам восприятия Восточной Европы, отечественный исследователь А.И. Миллер так характеризует «доминирующий дискурс» на Западе: «... Нельзя не признать, что среди стран Восточной Европы России была отведена в нем особая роль. В контексте геополитического соперничества мотив российской «восточноевропейскости», то есть недоцивилизованности, сочетался с мотивом угрозы, образом «варвара у ворот». Описание соперника как варвара, недоевропейца можно встретить в разные моменты истории и у французов в их отношении к англичанам, и у англичан в их отношении к немцам, но применительно к русским этот образ использовался на редкость настойчиво всеми их противниками»¹⁰.

Действительно, правительствам и общественному мнению зарубеж-

¹⁰ Миллер А. [Предисловие] // Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 9.

ных стран Россия представлялась зачастую неудобным, трудным партнером — уж очень она отличалась от них в политическом, идеологическом и историческом отношении. Тем не менее фактом остается, что самые сильные и влиятельные из них стремились привлечь ее на свою сторону, ибо, по общему мнению, внешнеполитические выгоды от тесного с ней сотрудничества в целях обеспечения собственной безопасности заведомо перевешивали многие другие трудности и неудобства.

Одно из явных преимуществ России, которое страшило ее недругов, но зато привлекало друзей и которое мы хотели бы отметить в первую очередь, заключается в ее уникальном географическом положении. Она не просто обладала (и обладает в настоящее время) огромной территорией, несопоставимой с размером других, даже самых крупных государств мира. Она компактно располагалась в двух частях света, причем занимала (и поныне занимает) ту стратегически важную часть Евразии, которую британский географ и основоположник геополитики Х. Макиндер именно в начале XX в. определил как «хартленд», т.е. сердцевину или средоточие земли. Это, пояснял он, «огромнейшая естественная крепость на земле», защищенная непреодолимым «поясом пустынь и пустошей», который протянулся от Сахары через Иран, Тибет, Монголию и Восточную Сибирь до Аляски и Канады. По степени важности с хартлендом сопоставимы лишь земли, омываемые водами северной части Атлантического океана (или Средиземного океана, по определению ученого). Оба региона он признавал «двумя взаимно соотношенными явлениями почти равной значимости» и образно сравнивал их с архимедовой точкой опоры, с помощью которой античный философ намеревался перевернуть мир. По мысли Макиндера, кто контролирует хартленд, тот управляет пространствами, лежащими за пределами его защитного пояса — Великим океаном (как он называл в совокупности Тихий, Индийский и южную часть Атлантического океанов), а также «землями, отдающими ему свою речную влагу (азиатскими муссонными краями, Австралией, Южной Америкой и Африкой к югу от Сахары)»¹¹. Оценки британского ученого, может быть, и выглядят преувеличенными, но с общим ходом его рассуждений трудно не согласиться. Образно выражаясь, любая страна в союзе с Россией могла чувствовать себя «как за каменной стеной». Вопрос заключался лишь в том, насколько такие союзы нужны были самой России и была ли она к ним готова.

¹¹ Макиндер Х. Круглая земля и обретения мира // Космополис. Зима 2006/2007. № 2(16) С. 61–62.

Россия смогла обеспечить себе столь выгодное географическое положение не в последнюю очередь благодаря целеустремленной внешней политике русских государей. Вероятно, каждый из них мог бы довольствоваться тем, чем владел, ибо лучшее — враг хорошего. Но они ставили перед собой и решали неординарные задачи, связанные сначала с воссоединением западных и южных русских земель, затем с завоеванием выхода к Балтийскому и Черному морям, с присоединением Сибири, дальневосточных территорий и Средней Азии. Их стараниями за два-три столетия Московское княжество превратилось в мировую империю.

Протяженной территорией трудно управлять, еще труднее ее защищать. Но из крупных приобретений пришлое Россия к началу XX в. не смогла удержать лишь Аляску с прилегающими островами. Прислушаемся к мнению Н.И. Никитина, специалиста по истории освоения Сибири и Дальнего Востока: «...Российские владения в Новом Свете были практически беззащитны перед лицом военной активности более сильных держав. В исторической перспективе явно прослеживалась неизбежность утраты Аляски, поэтому правительство Александра II сочло за благо продать ее США...»¹². Зато Сибирь, Средняя Азия и Дальний Восток тем временем были надежно связаны с европейской частью страны железнодорожным сообщением. Благодаря этому большая территория перестала быть уязвимым местом империи, а, наоборот, превратилась в существенный фактор ее безопасности. Снова сошлюсь на выводы упомянутого историка: «В ходе продвижения в глубины Азии Россия укрепила свое стратегическое положение..., повысила свой авторитет и вес на международной арене... За Россией были закреплены богатейшие природные ресурсы, без обладания которыми она не выстояла бы в годы тяжелейших испытаний... и вряд ли может сохраниться как суверенное государство в будущем»¹³.

К началу XX в. Россия была одной из немногих стран, даже единственной, которую хотя и можно было победить в войне с ограниченными целями, наподобие Крымской или русско-японской, но завоевать которую, т.е. подвергнуть продолжительной военной оккупации, было практически невозможно. У потенциального противника, будь то от-

¹² Никитин Н.И. Формирование восточных границ России (конец XVI — начало XX вв.) // Формирование территории Российского государства XV — начало XX в. (границы и геополитика) / Отв. ред. Е.П. Кудрявцева. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2015. С. 215.

¹³ Там же. С. 241.

дельно взятая держава или военная коалиция, не хватило бы для этого ресурсов. Разумеется, большая протяженность сухопутных и морских границ являлась для империи фактором риска. Но и опасность враждебного окружения была скорее мнимой, чем реальной, поскольку граничавшие с Россией страны и народы объединяло между собой только то, что им выпало быть ее соседями.

Другая причина заинтересованности зарубежных стран в сотрудничестве с Россией, на которой мы хотели бы остановиться подробнее, связана с особенностями международного порядка в XIX в. В общих чертах он сложился еще по завершении Наполеоновских войн. Накануне Венского конгресса 1814–1815 гг. четыре главные союзные державы — Россия, Пруссия, Австрия и Великобритания — договорились, что право решения вопросов политического устройства Европы будет принадлежать только им, тогда как остальные страны получат лишь возможность высказывать свои пожелания¹⁴. В дипломатической переписке и литературе этот клуб избранных получил название «европейского концерта», или «концерта великих держав». Со временем в его состав вошли Франция и объединенная Италия (место Пруссии перешло к объединенной Германии). Особый статус этих государств был закреплен как в международных договорах, так и в дипломатическом протоколе. Великие державы обменивались между собой чрезвычайными и полномочными послами, тогда как остальные государства — только посланниками.

Важно подчеркнуть, что Россия в конце XIX — начале XX в. не просто «претендовала на великодержавие», как о том можно прочитать у некоторых авторов. Она действительно являлась великой державой и ее международный статус ни у кого из государственных деятелей той эпохи не вызывал сомнения. Особенность положения России заключалась в том, что после неудачи в Крымской войне она на два-три десятилетия оказалась в тени более сильных и влиятельных держав. И с тех пор она действительно прилагала большие усилия, чтобы вернуть себе место на авансцене европейской политики.

Эта цель, несомненно, стоила затраченных усилий. Статусные великие державы играли ведущую роль в международной политике. Все вместе они составляли своего рода ареопаг, высшую судебную инстанцию Европы, которая на протяжении столетия ведала разрешением споров и конфликтов между отдельными странами. Их коллективные решения

¹⁴ Зак Л.А. Монархи против народов: дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи. М.: Международные отношения, 1966. С. 53.

автоматически становились нормой международного права, обязательной для исполнения остальными членами международного сообщества. Соответственно, отменить или пересмотреть эти решения могли тоже только сами великие державы¹⁵. Они активно пользовались этим преимуществом в собственных интересах, в том числе и для поддержки тех стран, которых считали своими друзьями и клиентами. К помощи России в разное время прибегали не только мелкие немецкие княжества или итальянские государства, но и некоторые великие державы — Франция, Австрия, Пруссия. В особенности же Россия опекала православные народы Балканского полуострова. Во многом, если не в решающей мере, благодаря ее усилиям Греция, Сербия, Черногория, Болгария и Румыния добились независимости.

Изначально предполагалось, что великие державы сосредоточатся на миротворческой деятельности, пресекая конфликты между европейскими странами. Но в середине XIX в. они сами перессорились и подняли оружие друг против друга: сначала вспыхнула Крымская война, за которой последовали итало-франко-австрийская, австро-прусская и наконец франко-прусская войны. Из-за острых противоречий механизм европейского концерта на некоторое время перестал работать. Но никому тогда и в голову не могло прийти, что великую державу, будь то Россия или кто-либо еще, под каким бы то ни было предлогом можно лишить ее особого статуса. Примечательно, что завершение Крымской войны было оформлено в 1856 г. решением Парижского конгресса. Мирный договор с Россией подписали все великие державы, в том числе Австрия и Пруссия, не участвовавшие в войне. Пересмотра Парижского мира (отмены его военных статей) Россия добилась в 1871 г. также с согласия великих держав. С этой целью в разгар франко-прусской войны в Лондоне была созвана соответствующего уровня конференция, на которую даже Франция и Пруссия прислали своих представителей. Она и приняла искомое решение.

С точки зрения международного права Россия вела себя безукоризненно и в сложной международной обстановке, возникшей после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Стороны конфликта заключили тог-

¹⁵ В 1866 г. Россия осудила заявление прусского правительства о роспуске Германского союза, сославшись на то, что «он был создан международными договорами 1815 г. и не может быть упразднен одной державой». См.: Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX в. за объединение Германии «сверху». М.: Госполитиздат, 1960. С. 113.

да Сан-Стефанский мирный договор, который вполне соответствовал как освободительным целям России, так и масштабу ее победы. Но Австрия и Великобритания, опасавшиеся русского влияния на Балканах, отказались его признать. Демонстрируя выдержку и благоразумие, Россия согласилась передать вопрос о мире с Турцией на усмотрение великих держав. Собрался Берлинский конгресс, который в итоге подготовил новую, компромиссную версию мирного договора (т.н. Берлинский трактат). Своими подписями его скрепили представители не только России и Турции, но и других великих держав. Решения Берлинского конгресса вызвали в России взрыв возмущения славянофильской общественности. Насколько была оправдана эта эмоциональная реакция? Очевидно, лишь отчасти. В одном из своих последних, итоговых трудов В.Н. Виноградов писал: «Россия на [Берлинском] конгрессе похоронила всё, что оставалось вредного и унижительного от Парижского мира 1856 года, вернула себе Южную Бессарабию, округлила свои владения в Закавказье за счет Карса, Ардагана и Батума»¹⁶. Согласимся — неплохой результат.

Щепетильность русского правительства в вопросах международного права нередко удивляла зарубежных государственных деятелей. В частности, Бисмарк язвительно отзывался о действиях русской дипломатии, направленной на отмену военных статей Парижского мира 1856 г.: «Если бы она была смысленнее, то совершенно разорвала бы Парижский трактат»¹⁷. Сам Бисмарк считал эти положения, ограничивавшие право России на военную деятельность в Черном море, «самыми неудачными постановлениями Парижского мира» и «для великой державы невыносимым унижением»¹⁸. Политический подтекст его замечаний понятен, учитывая, что ни сама Пруссия, ни выступавшее в союзе с ней Сардинское королевство — инициаторы войн за объединение Германии и Италии — даже не помышляли о том, чтобы по примеру России представить на утверждение великих держав подписанные ими мирные договоры. С предложениями о созыве с этой целью международного конгресса к ним неоднократно обращались правительства России и Франции, но всякий раз безуспешно по причине, как подчеркивал В.Н. Вино-

¹⁶ Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М.: Индрик, 2010. С. 419.

¹⁷ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1903. С. 79.

¹⁸ Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. 2. М.: ОГИЗ; Гос. соц.-эк. изд-во, 1940. С. 99.

градов, «полного раздора между предполагаемыми участниками»¹⁹. Правовой цинизм руководителей Германии и Италии в долгосрочной перспективе дорого обошелся обоим государствам.

Миролюбивая внешняя политика и приверженность международному праву, без сомнения, укрепили авторитет России. Отсюда успех двух «конференций мира», направленных на обуздание гонки вооружений, которые состоялись по инициативе Николая II в Гааге в 1899 и 1907 гг. Их созыв отвечал настроениям и пожеланиям широкой общественности, обеспокоенной ростом милитаризма и многочисленными угрозами миру. С конференциями русское правительство связывало также решение ряда внешнеполитических задач. Среди них И.С. Рыбачёнок, специально изучавшая этот вопрос, отмечает «создание стабильной и благоприятной для России международной обстановки в Европе», «формирование образа империи как носительницы идеи мира и справедливости», а также сокращение или хотя бы «замораживание» военных бюджетов основных держав²⁰. В конференции 1899 г. приняли участие 26 государств — вся Европа (особый статус получила Болгария, еще находившаяся в то время в номинальной зависимости от Османской империи, а интересы Черногории представляла российская делегация), значительная часть Азии в лице делегатов Японии, Китая, Сиам, Персии и Османской империи, а также частично Америка — США и Мексика. Прислали свои делегации все приглашенные на нее государства, кроме Бразилии. Еще более представительный характер носила конференция 1907 г., главным образом, благодаря интересу, который проявили к ней страны Латинской Америки, — в ней приняли участие 44 государства. И хотя главная цель этих конференций — ограничение вооружений — не была достигнута, они внесли вклад в гуманизацию способов ведения войны, а также в совершенствование правовых механизмов предотвращения вооруженных конфликтов. В частности, решениями конференций была образована Постоянная палата Третейского суда, правомочная рассматривать международные споры, а также разработаны принципы ее деятельности.

Выход России из политической тени, ее возвращение на авансцену европейской политики Германия и Австро-Венгрия восприняли как угрозу своим интересам. В 1879 г. они подписали оборонительный договор,

¹⁹ Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М.: Наука, 2005. С. 124, 155, 174.

²⁰ Рыбачёнок И.С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М.: РОССПЭН, 2005. С. 20.

к которому в 1882 г. во многом по тактическим соображениям присоединилась Италия. Возник Тройственный союз, направленный одновременно против Франции и России, которые с тех пор стали все чаще подвергаться дипломатическому давлению и даже военному шантажу со стороны Германии и Австро-Венгрии. Участвовавшие в конце XIX — начале XX вв. международные кризисы как на Балканах, так и в Северной Африке были звеньями одной цепи.

Тройственный союз оказал разрушительное воздействие на европейский концерт как форму равноправного и уважительного сотрудничества великих держав. Этот союз противоречил обычаям европейской дипломатии XIX в., согласно которым великие державы в мирное время не заключали военные союзы друг против друга. Предполагалось, что все они должны были совместно заботиться о поддержании мира и безопасности. Фактически Бисмарк воспользовался Тройственным союзом, чтобы обеспечить Германии политическое преобладание в Европе. Таким образом, в конце XIX в. Россия, а вместе с ней и другие великие державы столкнулись с угрозой снижения своей роли и авторитета в международных делах.

Негативным тенденциям Россия сумела противостоять, заключив в начале 90-х годов XIX в. оборонительный союз с Францией. Это был своего рода симметричный ответ на недружественную политику Германии и Австро-Венгрии. В тексте русско-французской конвенции прямо говорилось, что взаимные обязательства будут сохранять силу лишь до тех пор, пока существует Тройственный союз. На Берлин и Вену это действовало как отрезвляющий душ. Исследователи установили, что русско-французский союз предотвратил дальнейшее усиление международной напряженности и даже способствовал «значительному улучшению» отношений России с Центральными державами²¹. В 1897 г. Россия заключила с Австро-Венгрией выгодное для себя соглашение о поддержании статус-кво на Балканах, которую в научной литературе часто называют «русско-австрийским согласием».

Русско-французский союз явился катализатором важной перегруппировки сил на международной арене, в результате которой было восстановлено «европейское равновесие», нарушенное ранее созданием Тройственного союза. Слабое звено последнего, Италия, уже в скором времени подписала сначала с Францией, а затем и с Россией тайные соглаше-

²¹ Bartlett C.J. *Peace, War and the European Powers, 1814–1914*. L.: Macmillan Press LTD, 1996. P. 121.

ния, которые обесценивали ее обязательства по отношению к Германии и Австро-Венгрии. Благодаря союзу с Францией голос России в «европейском концерте» зазвучал с удвоенной силой. Прошли те времена, когда ей приходилось держать ответ перед другими великими державами за свои действия или тем более просить их об отпущении грехов. Вместе с ними на равных она снова определяла международную повестку дня.

Череда международных кризисов заставила Россию и Францию не только теснее сплотить свои ряды, но и по-новому расставить акценты в своей внешней политике. В 1896 г. на острове Крит, принадлежавшем Османской империи, вспыхнуло восстание христианского населения. Восставших активно поддержала Греция, правительство которой мечтало о воссоединении всех старинных греческих земель в одно государство. Разразилась греко-турецкая война, способная дестабилизировать весь Ближний Восток. Под предлогом защиты мирного населения от насилия как с одной, так и с другой стороны, великие державы вмешались в этот конфликт. Их мотивы зачастую не имели ничего общего с декларируемыми целями. «В это время великие державы, — отмечает О.В. Соколовская, — были заняты переделом других регионов мира и были чрезвычайно заинтересованы в сохранении спокойствия на Ближнем Востоке»²². Поначалу они выступали единым фронтом: направили к берегам Крита Соединенные морские силы и установили контроль над основными населенными пунктами острова. Координировал операцию Совет адмиралов, который в марте 1897 г. взял в свои руки управление островом и объявил о его автономии. Но затем среди держав усилились разногласия. В споре между греками и турками симпатии России, Франции, Великобритании и «примкнувшей к ним» Италии склонялись на сторону первых, а Германии и Австро-Венгрии — вторых. В 1898 г. немецкий и австро-венгерский военные отряды были отозваны с острова, получившего затем статус автономного государства во главе с верховным комиссаром, «который управляет под покровительством четырех держав — Великобритании, Франции, Италии и России»²³.

Взрывоопасная обстановка в «пороховом погребе Европы», чреватая прямым столкновением между двумя группировками великих держав, побудила Россию и Францию в 1899 г. уточнить свои союзные обязательства. Во-первых, они отказались от привязки военной конвенции 1893 г.

²² Соколовская О.В. *Россия на Крите: Из истории первой миротворческой операции XX века*. М.: Индрик, 2006. С. 23.

²³ Там же. С. 62.

к Тройственному союзу. Русско-французский союз фактически становился бессрочным. И, во-вторых, целью военной конвенции отныне объявлялось поддержание не только «всеобщего мира», но и «равновесия европейских сил»²⁴. Как считает авторитетный французский историк, эта формула означала, что Франция выражала готовность поддержать политику России на Балканах в том случае, если бы Австро-Венгрия попыталась нарушить там статус-кво, и что в ответ она рассчитывала на поддержку России в вопросе об Эльзасе и Лотарингии²⁵. Вместе с тем внесенные в договор поправки свидетельствовали о желании обеих держав придать своему союзу значение и некой стабилизирующей силы в международных отношениях.

В новом качестве русско-французский союз проявил себя в связи с очередным витком обострения противоречий обеих держав с Великобританией. Яблоком раздора, как обычно, были страны и территории, расположенные далеко за пределами Европы. Присоединение Средней Азии к России Лондон воспринимал как прямую угрозу британским владениям в Индии, а действия французов в Африке и Юго-Восточной Азии — как грубое вторжение в сферу своих колониальных интересов. На рубеже столетий противоречия приобрели столь острый характер, что вполне могли вылиться в вооруженный конфликт одной из союзных держав с Великобританией. Поэтому они сочли за благо заранее договориться о мерах противодействия. 19 июня (2 июля) 1900 г. начальники генеральных штабов России и Франции подписали протокол, в котором впервые зафиксировали взаимные обязательства в случае войны не только с Германией и Австро-Венгрией, но и с Великобританией. Согласно этому документу, если бы Великобритания напала на Россию, то Франция развернула бы на побережье Ла-Манша группировку войск численностью 100–150 тыс., угрожая вторжением на Британские острова. А если бы нападению подверглась Франция, то Россия сосредоточила бы на границе с Афганистаном 300–350 тыс. солдат и предприняла бы военную демонстрацию в Туркестане, угрожая границам Индии²⁶. В следующем году эти договоренности между русскими и французскими военными были

²⁴ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы... С. 64.

²⁵ Renouvin P. Le XIXe siècle : II. De 1871 à 1914. L'apogée de l'Europe // Histoire des relations internationales / Sous la dir. de P. Renouvin. Volume III. T. 6. P. : Hachette, 1994. P. 163.

²⁶ Рыбачёнок И.С. Закат великой державы... С. 69.

одобрены правительствами обеих стран²⁷. Кроме того, Франция предоставила России кредит в размере 425 млн фр., чтобы ускорить строительство стратегических железных дорог в Туркестане²⁸.

К счастью, опасения русского и французского правительств оказались напрасными. Понимание угрозы, которую Германия представляла морским, торговым и колониальным интересам Великобритании, побудило британские власти растопить лёд в отношениях с обеими державами. В 1904 г. она подписала с Францией, а в 1907 г. — с Россией компромиссное соглашение по колониальным вопросам. Значение этих соглашений вызывало и до сих пор вызывает разногласия среди исследователей. Е.В. Романова, изучившая этот вопрос, отмечает: «Значительная часть историков полагает, что осознание германской угрозы являлось одним из важнейших факторов, которые предопределили сближение Англии с Россией и Францией». Сама автор с таким мнением не согласна. «Для Англии, — продолжает Е.В. Романова, — чрезвычайно важно было не допустить консолидации своих соперников». Следовательно, оба указанные соглашения решали другие задачи: они «исключали Россию и Францию из числа врагов Великобритании и предотвращали создание против нее континентально блока»²⁹. Пусть так, заметим мы, но важно учитывать, что на фоне обострения противоречий с Германией британское правительство демонстративно сделало ставку на развитие партнерских отношений именно с Францией и Россией.

Благодаря соглашениям 1904 и 1907 гг. возникла Тройственная Антанта (иначе — Тройственное Соглашение) — далеко еще не военный союз, как ошибочно утверждают некоторые авторы, а скорее группировка государств, объединенных общими целями и задачами внешней политики. И.И. Астафьев справедливо утверждал: «...Англо-русское соглашение 1907 г. отнюдь не было завершением Антанты, а создало лишь фундамент, на котором впоследствии постепенно возникло Тройственное соглашение как военно-политический блок...»³⁰

²⁷ 12(25) апреля 1901 г. Николай II во время приема, который он устроил французскому министру иностранных дел Т. Делькассе, одобрил совещания русских и французских военных. // Там же. С. 72.

²⁸ Histoire des relations internationales... P. 163.

²⁹ Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1896–1914 гг. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 84–85.

³⁰ Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. (От Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 284.

Довольно скоро обнаружилось, что одна из целей этой группировки, общая для всех ее участников, заключалась в сдерживании Германии по всей линии противодействия ее притязаниям — в политике, дипломатии, на суше, на море, в колониях. Своего рода моментом истины явились грозные события середины первого десятилетия XX в., повлиявшие как на соотношение, так и на расстановку сил на международной арене.

В 1904 г Россия легкомысленно ввязалась в войну с Японией, закончившуюся громким и бесславным поражением. Вскоре ее потрясла революция — пока еще только предвестница грядущих социальных катаклизмов. Авторитет страны на международной арене резко упал. Это значило, что кропотливая, затянувшаяся на десятилетия работа русских дипломатов и государственных деятелей, направленная на восстановление репутации России как великой державы, никому ничем не обязанной, вполне самостоятельной в своих решениях, пошла насмарку. Французы даже усомнились было в ее способности выполнять свои международные обязательства. Не без усилий русскому правительству удалось в 1906 г. получить под гарантии Парижа кредит, необходимый для спасения империи от финансового коллапса.

Было бы странно, если бы Германия не воспользовалась благоприятной возможностью вбить клин между Россией и Францией, а в перспективе и развалить их союз. Весной 1905 г. Вильгельм II заявил, что отвергает французские притязания на Марокко, положив тем самым начало Танжерскому (Первому Марокканскому) кризису. Далее, в июле он убедил Николая II подписать русско-германский союзный (Бьёркский) договор, противоречивший обязательствам России по отношению к Франции. И хотя спустя короткое время этот договор был дезавуирован русскими властями, он дает представление, в каком смятении пребывали правящие круги России под впечатлением от обрушившихся на империю несчастий.

В январе 1906 г. открылась Альхесирасская конференция, созванная с целью урегулирования Танжерского кризиса. В ней участвовали все статусные великие державы, а также США, Испания, Марокко и некоторые другие государства. Германия намеревалась использовать конференцию, чтобы разрушить франко-британское Соглашение, одним из условий которой было признание Великобританией французских притязаний на Марокко. Немцы рассчитывали на поддержку не только союзных им и нейтральных государств, но даже России, которая всё еще пребывала в неприязненных отношениях с Великобританией. В итоге же их поддержала только делегация Австро-Венгрии. Русские представители сначала

занимали уклончивую позицию, стараясь сблизить позиции сторон. Но убедившись в тщетности своих усилий, Петербург, как отмечает И.И. Астафьев, был вынужден «стать полностью на французскую точку зрения»³¹. Не меньший сюрприз преподнесла немцам Великобритания. Соглашение 1904 г. отнюдь не обязывало ее помогать Франции в спорах с третьими странами. Тем не менее Лондон не просто поддерживал французов — он толкал их в спину, давая понять, что не останется безучастным к судьбе Франции в случае нападения на нее Германии. Хотя ни о каких формальных обязательствах с британской стороны не было и речи, исследователи расценивают этот дипломатический жест как «безошибочное свидетельство», что после десятилетий самоустранения от активного участия в делах континента (т.н. блестящей изоляции) Великобритания возвращалась к своей «традиционной политике поддержания баланса сил в Европе»³².

Историки обычно не жалуют вниманием Альхесирасскую конференцию, формально посвященную локальной проблематике, которая Россию к тому же мало занимала. Между тем, согласно авторитетному мнению, эта конференция «решающим образом повлияла на перегруппировку держав [в Европе], прямым следствием которой и явилась война 1914 года»³³. Действительно, трудно не заметить, что расстановка сил на ней в большей мере соответствовала составу будущих военных коалиций, чем формальное членство в заключенных к тому времени оборонительных союзах.

Разумеется, эти совпадения ничего не доказывают, а лишь выявляют одну из тенденций в развитии международных отношений последнего предвоенного десятилетия. Но политика противодействия внешнеполитическим амбициям Германии, которую проводили державы Антанты, не исключала поисков и компромисса с ней по тем или иным конкретным поводам. Об этом свидетельствуют Петербургский протокол по балтийскому вопросу, подписанный представителями России и Германии 16(29) октября 1907 г., русско-германское соглашение «по персид-

³¹ Астафьев И.И. Указ. соч. С. 40. Правительство Франции ставило решение вопроса о предоставлении России нового займа в прямую зависимость от ее позиции в марокканском кризисе.

³² Bury J. Diplomatic History 1900–1912 // The New Cambridge Modern History. Volume XII. The Shifting Balance of World Forces 1898–1945. Ch. V. L.: Cambridge Univ. Press, 1968. P. 131.

³³ International Relations Then and Now: Origins and trends in interpretation. L.: HarperCollinsAcademic, 1991. P. 48.

ским делам» 6(19) августа 1911 г. и в особенности франко-германское соглашение 4 ноября 1911 г., завершившее Агадирский (Второй Марокканский) кризис. Переплетение двух тенденций — к обострению и смягчению международных противоречий — характеризует историю Европы последнего предвоенного десятилетия.

Кому-то покажется странным, но центральным событием международной жизни середины «нулевых» годов XX столетия мы назвали бы не Танжерский кризис и Альхесирасскую конференцию, а русско-японскую войну и революцию 1905–1907 гг. Они повлекли за собой крайне негативные последствия для России не только как государства и общества, но и как европейской великой державы, одного из самых важных игроков (или акторов) на арене международной политики. Экономические, финансовые, социальные издержки этих событий подорвали военное могущество империи. Дискредитация самодержавия внутри страны обернулась снижением репутации государства и правительства России во внешнем мире. В системе оборонительных союзов и партнерских отношений в Европе она внезапно оказалась едва ли не самым слабым звеном. Нет сомнений, эта, по словам Макиндера, «огромнейшая естественная крепость на земле» по-прежнему являлась неприступной для врагов. Принципиально ничего не меняла в ее положении даже утрата тех или иных периферийных территорий, не имевших для нее жизненного значения. Но она лишилась — и на долго — возможности, опять же по Макиндеру, управлять пространствами, лежащими за пределами ее защитного пояса. Нам представляется, что до начала Первой мировой войны Россия так и не смогла восстановить свое влияние в Европе и мире.

Хотя отношения с ближайшим союзником постепенно вернулись в нормальное русло, как говорится, осадок остался. По мере роста международной напряженности французы всё чаще с надеждой поглядывали в сторону Великобритании, хотя та особых поводов для этого не давала. До начала мировой войны Тройственная Антанта представляла собой причудливую конструкцию. Ее основой являлся русско-французский союз, а надстройкой — партнерские, в основном неформальные отношения, с одной стороны, между Россией и Великобританией, а с другой — между Францией и Великобританией. Причем, ни Россия, ни Франция не слишком доверяли своему партнеру. Планы оборонительной войны против Германии и Австро-Венгрии они разрабатывали без оглядки на Великобританию. Отечественный исследователь А.С. Аветян отмечает: «Буквально до самых последних дней июльского кризиса 1914 г. у России не было стопроцентной уверенности, что Англия выступит против

Германии...»³⁴. И тем не менее в течение последнего предвоенного десятилетия на фоне пробуксовки в русско-французских отношениях значение франко-британского тандема заметно возросло.

Но что самое опасное, в условиях продолжающейся невнятицы и недоговоренности в отношениях со своими союзниками-партнерами Россия вступила в жесткое соперничество с Германией и Австро-Венгрией на Балканах и Ближнем Востоке. Убежденные, что с Россией теперь можно не церемониться, Центральные державы разговаривали с ней на языке ультиматумов и угроз. Впервые за долгое время это случилось во время Боснийского кризиса 1908–1909 гг. Тогда Германия решительно поддержала свою союзницу, в ультимативном тоне потребовав от России признать аннексию Австро-Венгрией территории, которая на основании Берлинского трактата 1878 г. находилась под австрийским управлением, но формально все же считалась турецким владением. Не имея возможности принять брошенный вызов, т.е. дать обидчикам достойный ответ, Россия была вынуждена уступить грубому давлению.

Боснийский кризис имел далеко идущие последствия как для России, так и для всего международного порядка в Европе. Он уничтожил не только русско-австрийское согласие 1897 г., благодаря которому в течение десятка лет на Балканах сохранялась относительная стабильность, но и концерт великих держав — основной инструмент мирного разрешения споров между государствами в минувшем столетии. Вена и Берлин благополучно провалили предложение России о созыве конференции великих держав в связи с нарушением Берлинского трактата. Формально оставаясь великой державой, Россия фактически лишилась преимуществ, связанных с этим статусом, в том числе и права призвать к ответственности нарушителей международного порядка.

Загнанная в угол, оставленная союзниками и партнерами без реальной поддержки, русская дипломатия была вынуждена обратиться, по выражению К.Б. Виноградова, к «простой и здравой мысли о целесообразности содействовать созданию фронта балканских государств», направленного против Австро-Венгрии³⁵. Такой фронт был создан, но лидеры балканских государств повернули его против Турции, что совершенно не входило в планы русского правительства. А в дальнейшем они так

³⁴ Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны 1910–1918. М.: Наука, 1985. С. 42.

³⁵ Виноградов К.Б. Боснийский кризис 1908–1909 гг. — пролог первой мировой войны. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. С. 103–104.

и вовсе перессорились между собой из-за раздела османского наследства. В итоге получилось, что политические и дипломатические дивиденды от обеих Балканских войн 1912–1913 гг. достались не России, а Центральным державам.

Хотя на Балканах запахло порохом, западные державы, к изумлению России, делали вид, что конфликты в этой части Европы прямого отношения к ним не имеют. В конце 1913 г. на фоне резкого обострения русско-германских противоречий, связанного с миссией немецкого генерала О. Лимана фон Сандерса в Турцию, русское правительство прямо предложило им обсудить «идею превращения Антанты в открытый союз». Но в практическом плане обсуждение этой темы привело лишь к созданию «механизма согласования политики стран Антанты в балканских делах» — действующего на постоянной основе совещания представителей трех держав, первое заседание которого состоялось в феврале 1914 г.³⁶ До мировой войны не удалось завершить даже переговоры о заключении русско-британской военно-морской конвенции (наподобие русско-французской и франко-британской морских конвенций 1912 г.). Только с началом войны Тройственное Соглашение наконец превратилось в полноценный военный союз. Это произошло 5 сентября 1914 г., когда Россия, Франция и Великобритания подписали в Лондоне соглашение о незаключении сепаратного мира.

Задним числом некоторые авторы как у нас, так и за рубежом подвергают сомнению целесообразность заключения союза с Францией. Дескать, встав на сторону этой державы, Россия вопреки своим интересам была втянута в войну с Германией, что в свою очередь привело к революции, гражданской войне и т.д. Это почти точная цитата из известной книги американского дипломата и историка Дж. Кеннана «Роковой альянс: Франция, Россия и начало Первой мировой войны», опубликованной в 1984 г.³⁷ Думается, автор допустил известную логическую ошибку,

³⁶ Игнатъев А.В. Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М.: Наука, 2000. С. 195–197.

³⁷ Кеннан писал: «...По причине союза с Францией на свою погибель Россия была втянута в конфликты между западноевропейскими странами начала текущего (т.е. двадцатого. — А.Р.) столетия. Поэтому закономерно, что очередное недоразумение на Балканах, которое произошло в 1914 г., было раздуть до размеров общеевропейской войны. В свою очередь именно участие России в великой войне... фатальным образом прервало процесс модернизации ее социальной и политической системы и привело к революции со всеми ее роковыми последствиями как для России, так и для остального мира».

ку, ибо вопреки обыденным представлениям «после» отнюдь не значит «вследствие». Русско-французский союз сам по себе не предпринял Первую мировую войну, как и сама эта война — революцию. И война, и революция были обусловлены не одной, не двумя, а великим множеством самых разнообразных причин и предпосылок, в сложном переплетении которых пытаются разобраться историки-исследователи. Можно допустить, что при другом стечении этих обстоятельств история могла бы сложиться иначе.

Вместе с тем нельзя не согласиться, что в известном смысле Россия оказалась «крайней» среди держав, так или иначе причастных к возникновению, точнее сказать — к развязыванию мировой войны. Исследователями доподлинно установлено, что наша страна не стремилась к войне с Германией и Австро-Венгрией — ни в 1893 г., когда подписывала военную конвенцию с Францией, ни в 1914 г., когда Июльский кризис поставил ее перед трудным выбором. Как правительство, так и широкие круги общественности в России изначально рассматривали союз с Францией не иначе, как «инструмент создания благоприятных мирных условий» для развития страны, как способ «поддержания равновесия сил»³⁸ в интересах европейской безопасности. Об агрессивных намерениях по отношению к ближайшим соседям на Западе не было и речи. Тем не менее, перед лицом недружественной, а со временем и откровенно враждебной политики Германии и Австро-Венгрии³⁹ русские власти не могли сидеть сложа руки. Руководствуясь государственными интересами, они действовали ответственно и рационально — последовательно принимали дипломатические и военные меры, направленные на укрепление внешней безопасности страны.

Это совсем не значит, что большую европейскую войну — войну между противостоящими друг другу группировками великих держав — русское правительство считало неминуемой. Даже в разгар Июльского кризиса Россия стремилась «избежать вооруженного столкновения коллек-

// Kennan G. The Fateful Alliance: France, Russia and the Coming of the First World War. N.Y.: Pantheon Books, 1984. P. XIII–XIV.

³⁸ Рыбачёнок И.С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1993. С. 312.

³⁹ «В основных вопросах дипломатической борьбы накануне мировой войны Германия либо отказывала России в поддержке, либо провоцировала ее на опрометчивые шаги... В кардинальных вопросах Германия полностью стояла на стороне своей союзницы Австро-Венгрии». См.: Аветян А.С. Указ. соч. С. 247–248.

тивными примирительными действиями держав». Уже после предъявления ультиматума Сербии «русская дипломатия выступала с новыми предложениями и поддерживала инициативы других стран, которые могли бы предотвратить или хотя бы задержать начало австро-сербской войны»⁴⁰. Не кто иной, как Николай II выдвинул тогда спасительную, как ему казалось, идею о передаче спора между Австро-Венгрией и Сербией по вопросу об ответственности за сараевское убийство на «рассмотрение Гаагского трибунала»⁴¹. И не его вина, что другие державы обошли эту инициативу молчанием. Стремлением к сохранению мира были продиктованы личные обращения российского императора к Вильгельму II. Наконец, общеизвестны колебания Николая II, а также министров русского правительства относительно мобилизации армии — объявлять ее или нет, а если объявлять — то общую или частичную. Так ли ведут себя государственные деятели, планирующие агрессию? Кажется, Россия исчерпала все доступные средства предотвращения европейской войны, кроме дипломатической капитуляции, на которую и рассчитывали Германия и Австро-Венгрия, но которую очевидно не простили бы ей союзные и дружественные ей страны.

Часто в вину России ставят общую мобилизацию, которую она объявила 17(31) августа 1914 г., раньше других держав. Действительно, это решение русского правительства заставило другие страны, в том числе Германию, поторопиться с проведением аналогичных мероприятий. Все понимали: кто раньше завершит мобилизацию, тот обеспечит себе преимущество на полях сражений. Но значит ли это, что именно русская мобилизация спровоцировала Первую мировую войну? Такое предположение неверно хотя бы потому, что война фактически началась еще 28 июля нападением Австро-Венгрии на Сербию. Кроме того, русская мобилизация не представляла «прямой и явной» угрозы безопасности Германии и Австро-Венгрии ввиду крайней растянутости — по сравнению с другими державами — сроков ее полного завершения. Иначе говоря, Россия заведомо не могла бы в одиночку вести против них наступательную войну. И важно не забывать, что именно Германия своими преднамеренными действиями втянула в конфликт западные державы. Объявив войну сначала России и затем Франции, она предоставила им безупречное основание (*casus foederis*) для исполнения взаимных обязательств по союзному договору. Со своей стороны, Великобритания сочла достаточной

⁴⁰ Игнатъев А.В. Указ. соч. С. 216.

⁴¹ Там же. С. 214.

причиной для вступления в войну (*casus belli*) то обстоятельство, что Германия нарушила договор 1831 г. о нейтралитете Бельгии.

Как и у любого другого крупного государства, у России в конце XIX — начале XX вв. были свои сильные и слабые стороны. К числу первых мы безусловно относим ее уникальное геополитическое положение, не имевшее равных в мире; статус одной из великих держав-охранительниц европейского мира и безопасности; союзные отношения с Францией и все более тесные партнерские — с Великобританией. Оправившись от поражения в Крымской войне, Россия вернулась в последней четверти XIX в. к проведению активной внешней политики на всех важных для себя направлениях. Она проявила способность отражать или минимизировать внешние угрозы, хотя нередко пропускала болезненные для себя удары соперников. В итоге Россия заметно упрочила свое международное положение в качестве одной из ведущих европейских, а отчасти и мировых держав.

Современная французская исследовательница-русист М.-П. Рей считает: «Накануне войны 1914 г. Российская империя, учитывая ее демографический вес, разнообразие экономических ресурсов и размеры армии, воспринималась международной общественностью как одно из самых могущественных государств мира»⁴². Тем не менее не дает покоя вопрос, почему же она в таком случае не выдержала испытаний и тягот Первой мировой войны? Трудности развития, в том числе невысокий уровень индустриализации, устаревшая по меркам развитых стран политическая организация общества и пр., сами по себе — в отдельности или вместе взятые — не объясняют печального финала империи. Несмотря на затяжной характер мировой войны, основные источники ее могущества далеко не были исчерпаны, чего нельзя сказать о ряде других стран, народы которых были доведены до гораздо более высокой степени изнурения людскими потерями и материальными лишениями.

Разумеется, на сложные вопросы не может быть простых ответов. Тем не менее мы позволим себе предположить, что одна из неочевидных бед Российской империи заключалась в том, что ей не доставало запаса прочности — свойства, позволяющего длительное время справляться с перегрузками. Россия сравнительно успешно завершила военную кампанию 1914 г., и можно предположить, что война закончилась бы для нее благополучно, если бы не затянулась сверх всякого ожидания.

⁴² Rey M.-P. De la Russie à l'Union soviétique : la construction de l'Empire 1462–1953. P. : Hachette, 1994. P. 167.

Но в итоге трудности и неудачи стали нарастать как снежный ком: «снарядный голод», «великое отступление», политический, транспортный, продовольственный кризисы, наконец, кризис доверия в отношениях с союзниками. В ретроспективе не столько отдельные недостатки, пусть даже в совокупности, сколько недостаточная выносливость и устойчивость всего государственного и общественного организма представляются нам Ахиллесовой пятой, уязвимым местом Российской империи конца XIX — начала XX в.

Е.В. Романова

Россия и Британия в начале XX века

Романова Екатерина Владимировна

*кандидат исторических наук, доцент, Московский
государственный университет имени М.В.Ломоносова,
РФ, г. Москва*

Аннотация. Статья посвящена ключевым особенностям англо-русских отношений в начале XX века. В ней раскрыты мотивы обеих стран при заключении Антанты, а также элементы сотрудничества и соперничества во взаимодействии накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: англо-русские отношения; Антанта; Первая мировая война.

Britain and Russia in the early 20th century

Ekaterina Romanova

*PhD in History, Associate Professor, Lomonosov Moscow State
University, Russian Federation, Moscow*

Abstract. The article deals with the key characteristics of the Anglo-Russian relations in the early 20th century. It reveals both countries' motives for the conclusion of the Entente and the elements of cooperation and competition in their interaction on the eve of the First World War.

Keywords: Anglo-Russian relations; Entente; First World War.

Начало XX в. знаменовалось существенными изменениями в характере англо-русских отношений. Большая часть предшествующего столетия прошла под знаком конфликтного взаимодействия этих стран: после совместной победы над наполеоновской Францией определяющими в характере отношений становились разногласия в европейской политике и идейные различия, острая борьба в Восточном вопросе и конкуренция в Центральной Азии. Великобритания воевала с Россией в Крым-

ской войне; глубина двусторонних противоречий отчетливо проявилась в дипломатическом противостоянии на Берлинском конгрессе; Пендинский инцидент на русско-афганской границе 1885 г. стал показателем высочайшего накала «Большой игры» держав в Центральной Азии. Безусловно, степень интенсивности конфликта различалась: так, например, первая половина 1840-х гг. характеризовались «штилем» в англо-русских отношениях; а разворачивавшаяся между двумя державами на протяжении большей части столетия борьба за влияние на Ближнем, Среднем, а в последнее десятилетие XIX в. и на Дальнем Востоке не исключала поисков компромисса.

В отличие от предшествовавших периодов снижения напряженности в двусторонних отношениях, заключенная между Англией и Россией в 1907 г. Антанта намечала перспективу стратегического партнерства двух держав, которая реализовалась с началом Первой мировой войны, когда Тройственное (англо-франко-русское) Соглашение трансформировалось в военно-политический союз. Вместе с тем подчеркиваем, что заключение Антанты лишь сгладило англо-русские противоречия, но не устранило их. После 1907 г. вплоть до Первой мировой войны амплитуда колебаний «маятника» англо-русских отношений в направлении как сотрудничества, так и соперничества была достаточно высокой. В политике каждой из стран присутствовали элементы подстраховки, нацеленной на снижение зависимости от партнера по Антанте, а также стремление сохранить максимально широкое поле для маневра. В правящих кругах как Британской, так и Российской империй отсутствовало согласие в отношении того, насколько англо-русское сближение соответствовало государственным интересам.

Путь к Антанте для обеих стран оказался сложным. Препятствием являлось соперничество Великобритании и России в Азии; не способствовали взаимопониманию различия политических систем двух стран и идеологии их правящих кругов. В то же время облегчали дорогу к сближению дружеские отношения обеих стран с Францией, являвшиеся во многом производной от усиления германских позиций в Европе, что стало едва ли не решающим фактором, повлиявшим на формирование Антанты. Как показывает история XIX и первой половины XX вв. две страны — Великобритания и Россия — наиболее тесно сотрудничали именно в условиях появления в Европе претендента на гегемонию, а в начале XX в. качестве такого претендента выступила Германия.

При этом в первые годы столетия германская угроза гораздо более остро воспринималась англичанами. «Антигерманский поворот»

во внешней политике Великобритании наметился еще за несколько лет до заключения Антанты. Знаковой стала публикация на страницах консервативного журнала «*NationalReview*» в ноябре 1901 г. анонимной статьи под названием «Британская внешняя политика». Статья указывала на Германию как на основного конкурента и потенциального противника Великобритании и призывала к урегулированию противоречий с Россией [8]. Главный редактор издания Лео Максе состоял в переписке со ставшим в декабре 1905 г. министром иностранных дел Э. Греем; и хотя историки расходятся в отношении того, до какой степени последний был солидарен с явно выраженной на страницах журнала антигерманской позицией в конце 1901 г., они не сомневаются в том, что в следующем 1902 г. восприятие германской угрозы стало определяющим во внешнеполитических взглядах будущего министра [10, p. 282; 11, p. 291].

Однако подобные мысли, характерные для целого ряда британских государственных и общественных деятелей в начале столетия, разделяли далеко не все представители британской политической элиты. Восприятие исходящей от империи Гогенцоллернов опасности было важным, но не единственным мотивом поиска путей урегулирования противоречий с Россией. К этому подталкивало также осознание проблемы поддержания обширной империи в условиях, когда другие великие державы активизировали свою колониальную политику. Перспектива многочисленных локальных конфликтов на границах империи не прельщала Лондон: они грозили истощением финансовых ресурсов и подрывом глобальных позиций Великобритании. Понимание того, что потенциальный военный конфликт с Россией в Центральной Азии не принесет выигрыша, определяло стремление Лондона к тому, чтобы обеспечить свои интересы посредством дипломатии [14, p. 269–271].

Показательно, что первый секретарь германского посольства в Лондоне Й. Х. фон Бернсторфф, наблюдавший в конце 1905 г. за обсуждением возможности заключения англо-русского соглашения, выделял в числе его сторонников в Великобритании несколько групп. Так, с точки зрения дипломата, лишь «ультра-джингоисты» видели в соглашении с Россией средство воспрепятствовать германской экспансии. Однако среди его приверженцев были и те, кто считал важным устранение предметов спора между Лондоном и Петербургом безотносительно к политике Германии, а также сторонники того, чтобы за урегулированием англо-русских противоречий последовало восстановление дружественных отношений между Англией и Германией [9, S. 661].

Такая характеристика во многом отражала состояние британско-

го политического дискурса. Целесообразность достижения договоренностей с Россией обосновывалась прежде всего с точки зрения британских интересов. Однако при этом для одних государственных деятелей первичной являлась мысль о необходимости поддержания баланса сил и создания противовеса набиравшей мощь Германии, а для других приоритетом при оценке соглашения являлась его способность обеспечить имперские интересы в Центральной Азии.

Так, Э. Грей, выступая в Сити 21 октября 1905 г., то есть за полтора месяца до формирования либерального правительства, в котором он занял пост министра иностранных дел, указывал на свое настойчивое стремление видеть восстановленным влияние России в европейских делах (in the council of Europe). [13, p. 104]. Особую актуальность этим словам придавал обострившийся в ходе первого марокканского кризиса франко-германский конфликт. Лондон беспокоил тот факт, что неизбежным следствием ослабления России в результате войны с Японией, являлось усиление германских позиций в Европе. Рассматриваемая в этом контексте англо-русская Антанта, как и подписанное за месяц до ее заключения русско-японское соглашение о разграничении сфер интересов двух стран на Дальнем Востоке, урегулировав, пусть и временно, наиболее острые противоречия между Россией и ее соперниками в Азии, создавала условия для того, чтобы Петербург мог сконцентрироваться на европейском направлении своей внешней политики, что вполне отвечало интересам Лондона.

Спустя несколько лет, на исходе Боснийского кризиса в марте 1909 г., посол Великобритании в Петербурге (а затем постоянный заместитель министра иностранных дел) А. Никольсон, опасаясь разрыва англо-русской Антанты, настаивал на необходимости ее сохранения, чтобы не допустить британской изоляции в условиях вовлеченности Лондона в борьбу с Германией за превосходство в торговле и на море [7, с. 162].

В то же время следует учитывать, что зондаж возможности достижения с Россией договоренностей, нацеленных на устранение противоречий в Центральной Азии, начался еще в середине 1890-х гг., когда германская угроза не ощущалась столь остро, и был в значительной степени связан со стремлением Великобритании оградить свои интересы в регионе, ограничив потенциальную экспансию России двусторонним соглашением [11, 14]. Эту задачу решало признание Петербургом Афганистана и юго-восточной Персии входящими в британскую сферу влияния.

Аргументом в пользу заключения Антанты с Россией были не только геополитические интересы Великобритании. Соглашение, потенциаль-

но устраняющее почву для конфликтов, соответствовало пропагандируемому либералами идеалу мирного решения спорных вопросов и вполне вписывалось в программу пришедшего к власти правительства, провозгласившего своими лозунгами «мир, экономию и реформу».

Множественность обоснований целесообразности Антанты с Россией обеспечивала ее принятие (хотя и не без критики) как политическими кругами Великобритании, так и общественным мнением. В то же время разное видение целей англо-русского соглашения представителями британской политической элиты накладывало отпечаток на ход внутривнутриполитической борьбы по вопросу отношений с Россией вплоть до Первой мировой войны.

Мотивы правящих кругов Российской империи при заключении Антанты с Великобританией в значительной степени определялись ситуацией, сложившейся по итогам русско-японской войны. После поражения в войне и в условиях разразившейся в 1905 г. революции Петербург нуждался в передышке. Конвенция с Англией была направлена на то, чтобы обезопасить собственные интересы по периметру границ, в первую очередь в Азии, достичь стабилизации ситуации на Дальнем Востоке. По словам занявшего в 1906 г. пост министра иностранных дел А.П. Извольского, вверенное ему ведомство «проводило систему последовательных соглашений, которые в конечном итоге должны обеспечить [Россию] от столкновений на всем протяжении азиатского фронта». [4, с. 24] Наряду с англо-русскими договоренностями по вопросам Центральной Азии, в эту систему входило русско-японское соглашение от 30 июля 1907 г., которое было тесно связано с возобновленным в 1905 г. англо-японским союзом, а также подписанным в июне 1907 г. франко-японским договором о разграничении сфер влияния двух стран в Восточной и Юго-Восточной Азии. Очевидно, что в переговорах с Англией по вопросам разграничения сфер интересов в Афганистане и Персии Петербург вынужден был отойти от тех позиций, на которых он стоял в преддверии русско-японской войны и пойти на уступки Лондону.

Эти уступки оправдывались неспособностью вести наступательную политику в Азии в условиях шаткого внутреннего положения. Само же соглашение обосновывалось двояко: исходя как из внутривнутриполитического состояния России, так и тех задач, которые стояли перед ее внешней политикой. Так, председатель Совета министров П.А. Столыпин называл соглашение по восточным делам «наиболее отвечающим нашим интересам», так как «отсутствие тревоги с точки зрения международных сношений» давало «возможность с полным спокойствием посвятить все

свои силы устроению дел внутри страны» [4, с. 36]. Аргументом в пользу сближения с Англией была надежда на то, что оно откроет доступ к британскому финансовому рынку.

Вместе с тем Антанта рассматривалась как призванная позволить России вести активную внешнюю политику на балканско-ближневосточном направлении, которое А.П. Извольский считал приоритетным. В преддверии прогнозируемых министром потрясений на Балканах нестабильность на азиатских рубежах империи грозила ограничить возможности Петербурга отстаивать свои интересы в этом важнейшем для нее регионе [4, с. 36].

Идя на соглашение с Великобританией, царская дипломатия пыталась не придавать ему антигерманской направленности, сохранить свободу рук и возможность балансировать между Лондоном и Берлином [3, с. 40]. С этой точки зрения может быть показательным печально известное свидание А.П. Извольского и министра иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталя в Бухлау в 1908 г., в ходе которого глава российского МИД пытался решить вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины и об изменении режима Черноморских проливов посредством переговоров с основным союзником Германии, в рамках сложившейся еще в 1897 г. русско-австрийской Балканской Антанты [7, 138].

Однако Боснийский кризис продемонстрировал несостоятельность такого подхода. Австро-русская Антанта на Балканах потерпела крах, а готовность Германии поддерживать в этом регионе своего союзника — Дуалистическую монархию влекла за собой обострение русско-германских противоречий. В то же время после заключения англо-русской Антанты Балканы становились сферой сотрудничества Лондона и Петербурга. Как Англия, так и Россия стремились не допустить преобладания в регионе австро-германского блока. Именно на Балканах переплетались две ветви антагонизма — «австро-руско-балканская» и «германо-англо-азиатская», о которых писал П.Н. Милюков, характеризуя Антанту 1907 г. [5, с. 302].

Если в балканской политике обеих стран присутствовала общая цель, то персидский вопрос оставался источником расхождений. Острый кризис, разразившийся в двусторонних отношениях в 1911 г. на почве персидской политики, сопровождался в Великобритании шквалом критики направленного на поддержание Антанты курса Э. Грея и даже заставил русского посла в Лондоне А.К. Бенкендорфа опасаться возможной отставки британского министра иностранных дел. [1]. В 1913 — первой половине 1914 гг. на повестку дня встал вопрос о пересмотре достигнутых

в 1907 г. договоренностей в отношении Персии. При этом Лондон рассчитывал на существенные уступки со стороны России. Русская пресса небезосновательно писала об английской подготовке к поглощению центральной Персии [6; 2, с. 201–204].

Очевидно было, что конвенция 1907 г. не поставила точку в борьбе держав за влияние в Персии. Однако столь же очевидным являлся тот факт, что значение Антанты выходило далеко за рамки регулируемых соглашениями 1907 г. вопросов политики двух стран в Персии, Афганистане и Тибете. Более того, роль этих вопросов в системе внешнеполитических приоритетов Великобритании и России снижалась. Антанта во все большей степени рассматривалась как международно-политическая комбинация, противостоявшая Тройственному союзу.

Вместе с тем настойчивые попытки России и Франции в последние предвоенные годы побудить Великобританию к подписанию союзного договора и, таким образом, трансформировать Антанту в полноценный военно-политический союз, окончились неудачей. Отчасти это объяснялось тем, что на фоне обострения русско-австрийских и русско-германских противоречий на Балканах и в Турции, Россия утрачивала возможность балансирования между Англией и Германией, между тем как у Лондона, казалось бы, напротив, появлялись возможности выступить арбитром между Центральными державами и русско-французским союзом. Тем более, что в условиях подготовки Германии к войне на европейском континенте, накал морского соперничества между Англией и Германией снижался. Наблюдавшая за непростыми отношениями партнеров по Антанте немецкая газета «*Lokalanzeiger*» в мае 1912 г. даже объявляла англо-русское Соглашение похороненным [7, с. 236].

Однако на деле свобода рук Великобритании оказалась иллюзией. Лондон не мог позволить себе отказаться от Антанты с Россией. Пожалуй, основным аргумент в пользу ее сохранения был высказан на страницах «*NationalReview*», откровенно писавшего о заинтересованности Великобритании в сотрудничестве с Россией в случае европейской войны [12, р. 881–895]. В условиях, когда Великобритания не могла допустить разгрома Франции, но вместе с тем не обладала армией, чтобы поддержать своего потенциального союзника в возможной войне с Германией, участие в ней России приобретало чрезвычайно важное значение.

1. Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 138. Оп. 467. Д. 707. Л. 155, 205.
2. Игнатьев А.В. Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. — М.: Наука, 2000. — 231 с.
3. Игнатьев А.В. Своеобразие Российской внешней политики на рубеже XIX–XX веков // Вопросы истории. — 1998. — №8. — С. 32–43.
4. К истории англо-русского соглашения 1907 г. // Красный архив. — 1935. — Т. 69–70. — С. 3–39.
5. Милюков П.Н. Воспоминания. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.
6. Новое время, 7 июня 1914; 29 июня 1914.
7. Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914. — М.: МАКС Пресс, 2008. — 328 с.
8. The ABC Proposal for British Foreign Policy [Электронный ресурс] // World War I Document Archive: сайт. URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/The_ABC_Proposal_for_British_Foreign_Policy (Дата обращения: 05.04.2020).
9. Bernstorff an Bülow, 25. Sept. 1905 // Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 19, 2. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte m.b.H., 1927. — S. 661–663.
10. Kennedy P. The Rise of Anglo-German Antagonism, 1860–1914. — London: G. Allen & Unwin, 1980. — 604 p.
11. Mulligan W. From Case to Narrative: The Marquess of Lansdowne, Sir Edward Grey, and the Threat from Germany, 1900–1906 // The International History Review. — 2008. — Vol. 30, № 2. — P. 273–302. P. 291.
12. [Earl] Percy. Russia's Role in a European War // National Review. — 1912. — № 348. P. 881–895.
13. Trevelyan G.M. Grey of Fallodon. — Boston: Houghton Mifflin Company, 1937. — 500 p.
14. Wilson K. Directions of Travel: The Earl of Selborne, the Cabinet, and the Threat from Germany, 1900–1904 // The International History Review, — 2008. — Vol. 30, № 2. — P. 259–272

Столыпинские проекты реформ крестьянского местного суда и самоуправления

Сорокин Александр Анатольевич,
кандидат исторических наук, преподаватель,
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород

Аннотация. Статья посвящена проектам реформ П.А. Столыпина в области местного суда и крестьянского самоуправления. Рассматриваются основные положения законопроектов. Показываются их обсуждение в Государственной Думе и их судьба.

Ключевые слова: волостное земство, волостной суд, Государственная Дума, Государственный Совет, крестьянство, местное самоуправление, мировой суд, П.А. Столыпин.

Stolypin Projects of Reforms of the Peasant Local Court and Self-Government

Alexander A. Sorokin,
PhD (History), lecturer,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract. The article is devoted to the projects of Stolypin's reforms in the sphere of local court and peasant self-government. The main provisions of the draft laws are considered. Their discussion in the State Duma and their fate are shown.

Key words: volost Zemstvo, volost court, the State Duma, the State Council, peasantry, local government, world court, P.A. Stolypin.

К началу XX в. вопросы преобразования местного суда и крестьянского самоуправления являлись одними из наиболее обсуждаемых в об-

шестве [1, с. 29; 11, с. 33; 19, с. 247; 20, с. 757–758]. В законотворческом наследии П.А. Столыпина проекты соответствующих реформ занимают важное место. Во исполнение указа 12 декабря 1904 г. Комитет министров 31 мая 1905 г. постановил поручить министру юстиции разработать проект изменений по судебной части. Этот проект подразумевал ликвидацию судебных полномочий земских начальников и восстановление выборного мирового суда. После его обсуждения в Совете Министров совместно с другими проектами министерства юстиции, он был одобрен императором 14 апреля 1906 г. [17, с. 417–419]. Этот проект получил название столыпинской реформы местного суда.

В объяснительной записке к проекту указывался целый ряд недостатков организации местного суда, который побудил к разработке реформы: отсутствие единообразия и сложность организации, соединение суда и администрации, отдаленность суда от населения, недостаточная подготовка судей, малограмотность волостных судей [13, л. 2–93]. В этой связи предлагались следующие изменения местного суда: замена волостных, городских судов и судов земских начальников единоличным выборным мировым судьей. Для судьи устанавливались образовательный и имущественный (который понижался вдвое для лиц с высшим образованием) цензы. В качестве апелляционной инстанции устанавливалось уездное или городское отделение окружного суда. Допускалось использование норм обычного права, характерного для упраздняемой волостной юстиции [13, л. 94–96].

Законопроект вносился в I Государственную Думу (не был рассмотрен), во II Думу (в ней была образована комиссия по реформе местного суда, но Дума не успела приступить к постатейному обсуждению проекта после его рассмотрения в комиссии), а также в III Думу. В последней он был подвергнут критике со стороны фракций кадет (выступавших за уменьшение роли имущественного ценза и за увеличение роли образовательного) [4, стб. 97], правых (критиковавших упразднение волостного суда) [3, стб. 1082], трудовиков (выступавших против имущественного ценза и за создание всесословного коллегиального суда) [2, л. 7]. За упразднение волостного суда и/или лишение возможности крестьян избирать судей критиковали проект многие крестьянские депутаты независимо от фракционной принадлежности [14, л. 5–6 об.]. Наибольшую поддержку в проведении законопроекта через Думу оказали Столыпину октябристы и националисты, но и среди них имелись критики различных положений реформы [8, с. 172].

31 марта 1910 г. законопроект был принят Думой в третьем чтении [5, стб. 2392]. Дума внесла в него существенные коррективы: восстанавливая выборный единоличный мировой суд, депутаты отказались поддерживать

жесткие требования, выдвигаемые министерством для судей: имущественный ценз для них был понижен вдвое, лица с высшим юридическим образованием от него освобождались, апелляционная инстанция формировалась полностью на выборных началах (в виде съезда выборных мировых судей, председатель которого выбирался членами съезда из своей среды).

В таком виде законопроект имел мало шансов пройти через Государственный Совет. Поэтому неожиданно для многих при обсуждении его в Государственном Совете П.А. Столыпин и министр юстиции И.Г. Щегловитов высказались против отмены волостных судов, что являлось стержневой основой реформы [12, протокол № 3, с. 11–14]. Премьер-министр это мотивировал тем, что еще не проведена волостная реформа. Отмечая, что существующий для крестьян суд дорог и далек, П.А. Столыпин высказался за необходимость «властного и сильного» суда в деревне, за приближении суда к деревне вместе с тем, чтобы на местах была создана твердая административная власть. И.Г. Щегловитов, не признав волостные суды нормальными, тут же заявил, что возможно их сохранение «в будничных интересах крестьянского населения».

О том, что подобное решение П.А. Столыпина и И.Г. Щегловитова не было спонтанным, мы можем предполагать на основе следующих данных. Еще в ноябре 1909 г. на квартире премьер-министра состоялось совещание с участием октябристов, а также некоторых правых и националистов и руководства министерства юстиции, на котором обсуждался вопрос о реформе местного суда. О контактах главы правительства с депутатами «за чаем» упоминает и К.А. Соловьев [18, с. 119]. В немногих сообщениях о подробностях встречи мы узнаем об обсуждении на совещании вопроса о возможности введения коллегиального суда с участием народных представителей по типу немецкого суда шеффенов (избираемые из населения судьи во главе с председателем-юристом) в качестве «придатка к местному суду». Пресса писала, что правительство фактически признало своеобразный уклад крестьянства в правовом отношении, наметив поворот симпатий в пользу суда шеффенов [16].

В итоге Государственный Совет фактически предложил провести судебную реформу на новых началах. Во-первых, сохранялся волостной суд. Во-вторых, полностью была пересмотрена система цензов для избрания в мировые судьи. Если в Государственной Думе возобладала точка зрения о необходимости приоритета образования над имущественным положением, то верхняя палата парламента решила сузить возможности доступа в судьи интеллигенции, создав максимально благоприятные условия для помещичье-бюрократической прослойки. Назначение председателей

съездов правительством должно было окончательно встроить судебную власть на местах в административную вертикаль.

Вышеуказанные поправки фактически стали стержневой основой реформы и были сохранены и после обсуждения в согласительной комиссии, и в Государственной Думе весной 1912 г. «Новое время», поддерживавшее программу преобразований П.А. Столыпина, приветствовало восстановление выборности мирового суда и реформу волостного суда как достижение компромисса между идеальными требованиями и реальной жизнью [9]. Отметим, что современные историки-правоведы не считают сохранение волостного суда серьезным недостатком этой реформы [7, с. 142]. Более того, с точки зрения Л.И. Земцова, новый вариант оказался воплощением в жизнь мнений крестьянских депутатов Думы, добивавшихся сохранения народного суда [6, с. 57–58].

Тесно связан с проектом реформы местного суда был проект волостной реформы, который был внесен во II Государственную Думу в феврале 1907 г. Основные его положения сводились к следующему. Учреждались волости (округа) из находящихся вне городских поселений владений и всех проживающих на их территории лиц без различия сословий, численностью от 500 до 5000 жителей мужского пола. Управление возлагалось на волостные общества, в состав которого входят все лица, учреждения и общества, владеющие недвижимостью. Распорядительным органом объявлялось волостное собрание в количестве от 30 до 50 гласных (в зависимости от численности населения волости). В состав собрания входили представители находящихся в пределах волости владений церковью, монастырем, казны и уделов (по назначению от местных епархиальных и губернских властей по одному представителю от каждого рода владения), а также избираемые на 3 года волостные гласные.

Волостное собрание, согласно проекту, избирало волостных старшин (которые возглавляли волостные собрания) и их помощников (для волостей численностью свыше 1000 жителей мужского пола), а также кандидатов к ним. В волостях с преобладающим русским или православным населением старшина и не менее как один из его помощников (при отсутствии таковых — кандидат) должны были избираться из числа лиц русских по происхождению или принадлежащих к православной церкви. Также волостное собрание избирало гласных уездного земского собрания [10, с. 309–314].

После роспуска II Думы законопроект рассматривался в Совете по делам местного хозяйства в 1908 г., который внес в него определенные коррективы. В частности, был ужесточен срок владения недвижимостью,

дающей право участия в волостном избирательном собрании, с 1 года до 3 лет. Устранялись от участия в выборах евреи. После этого проект поступил в III Государственную Думу.

Думская подкомиссия о волостном управлении в ходе обсуждения во второй и третьей сессиях внесла в законопроект существенные коррективы. Во-первых, была изменена численность жителей волости: от 3000 жителей обоего пола [15, л. 2]. Во-вторых, ею была предложена трехкуральная система выборов в волостные собрания. Женщины получали как активное, так и пассивное избирательное право [15, л. 3–5]. При этом они не могли быть членами и председателями волостных земских управ [15, л. 6–7]. В-третьих, подкомиссия предложила наделить полномочиями председателя волостного собрания не волостного старшину, а ежегодно избираемого из числа членов собрания председателя [15, л. 6–7]. В-четвертых, исполнительный орган — волостная земская управа — из единоличного органа превращалась в орган коллегиальный, члены и председатель которого не подлежали обязательному утверждению правительственной властью [15, л. 7–8].

Внесенные изменения встретили неприятие в правительстве. В марте 1910 г. товарищ министра внутренних дел А.И. Лыкошин направил в Совет министров письмо «По вопросу о некоторых изменениях в проект положения о волостном управлении в части, касающейся выборов волостных гласных», в котором внес следующее предложение: «В виду сильной оппозиции ... представлялось бы возможным принять проектированную подкомиссией систему выборов, но при условии внесения в нее некоторых изменений» [15, л. 80 об.]. В окончательной редакции правительственного варианта законопроекта был предложен следующий порядок избрания волостных гласных. Они должны были избираться: 1) сельскими обществами и поземельными товариществами; 2) первым волостным избирательным собранием из лиц, владеющих не менее 3 лет облагаемой волостным земским сбором недвижимостью, имеющих не менее ½ ценза по Положению о земских учреждениях 1892 г.; 3) вторым волостным избирательным собранием из числа лиц по ст. 2 Положения о земских учреждениях 1892 г., имеющих не менее 1/40 полного земского ценза [15, л. 93 об.]. Сохранялся запрет на избрание исключенных из сельских обществ и дворянских собраний и женщин, не допускалось участие в выборах и избрание евреев [15, л. 101]. Также сохранялась норма о том, что волостной старшина является председателем волостного собрания [15, л. 104–105].

Обсуждение проекта происходило в ходе четвертой сессии Думы.

В ходе дебатов проект в своих положениях отдалялся и от необходимого правительству, и от идеи мелкой земской единицы, что делало его малопривлекательным для всех. Неудивительно, что в итоге в 1914 г. он был отклонен Государственным Советом. Однако сама идея учреждения всеобщего волостного управления была актуальна, поэтому обсуждалась и в IV Государственной Думе. В 1917 г. Временным правительством было учреждено волостное земское самоуправление.

Список литературы:

1. Белокопский И.П. От деревни до парламента. Роль земства в будущем строе. Ростов-на-Дону, 1905. 48 с.
2. ГАРФ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 12.
3. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Ч. 1. СПб., 1910. 3796 стб.
4. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Ч. 2. СПб., 1910. 3164 стб.
5. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Ч. 3. СПб., 1910. 3244 стб.
6. Земцов Л.И. Борьба за крестьянское правосудие в России в начале XX века // Вестник восстановительной юстиции. 2016. № 13. С. 52–59.
7. Лонская С.В. Мировая юстиция в России. Калининград, 2000. 215 с.
8. Неманов Л. Эволюция партийных отношений в третьей Государственной Думе // Русская мысль. 1910. Кн. 8. С. 152–178.
9. Новое время. 1912. 8 июля.
10. П.А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы: в 2 т. 2-е изд. Т. 1. М., 2011. 764 с.
11. Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. Сборник документов / Под ред. В.П. Данилова и А.П. Корелина. М., 2000. 416 с.
12. Протоколы заседаний Особой комиссии для обсуждения внесенного из Государственной Думы законопроекта о преобразовании местного суда. Б.м., б.г. 563 с.
13. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 1164.
14. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3478.
15. РГИА. Ф. 1291. Оп. 50. 1908 г. Д. 1г.
16. Санкт-Петербургские ведомости. 1909. 28 ноября.
17. Совет Министров Российской империи. 1905–1906 гг. Документы и материалы / Сост. Б.Д. Гальперина. Л., 1990. 473 с.
18. Соловьев К.А. «За чашкой чая». Взаимодействие законодательной и исполнительной власти в 1906–1914 гг.: неформальные практики // Таврические чтения–2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Материалы Международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 2013. С. 117–133.
19. Страховский И.М. Крестьянские права и учреждения. СПб., 1904. 256 с.
20. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 19. Курская губерния. СПб., 1903. 875 с.

Земство как новое явление в провинциальной России к началу XX века

Хвостова Ирина Алексеевна,
кандидат исторических наук, доцент
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского. — ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
РФ, г. Нижний Новгород

Аннотация. В данной статье раскрываются особенности социально-экономической деятельности на местах земских учреждений дореволюционной России. Особое внимание уделено земской практике в области медицины, образования и сельского хозяйства начала XX века.

Ключевые слова: земство, земские собрания и управы, земские периодические издания, общественное мнение губернии

Khvostova Irina,
candidate of historical Sciences, associate Professor
Nizhny Novgorod State University named
after N.I. Lobachevsky — NNGU, Russia, Nizhny Novgorod

Abstract. The article is devoted to the Russian Zemstvo and the analysis of its socio-economic regional practice in the beginning of the 20th century. The author comes to the conclusion that the medical problems, education and agriculture occupied a modest place there.

Key words: zemstvo, the provincial Assembly, zemsky periodicals, the public opinion of the province

Земская реформа 1864 г. создала в Российской империи, по сути, совершенно новую систему местного самоуправления. Во-первых, после отмены крепостного права (1861 г.) необходимо было создать учреждения, которые взяли бы на себя заботу о бытовом и культурном уровне жизни населения. Во-вторых, речь шла о формировании новых региональных ор-

ганов при участии общественности: прежние бюрократические методы управления привели хозяйственную жизнь российских губерний и уездов практически в состояние «упадка». Действительно, прежний административный механизм вызывал массу нареканий и в столице, и в провинциях — бюрократизм, волокита, взяточничество, медлительность в принятии чиновниками необходимых решений на местах и т.д. Проблема становления системы эффективного местного управления, таким образом, стала одной из наиболее острых. Правительство вообще оказалось в данной ситуации как бы меж двух огней. С одной стороны, хозяйственные проблемы в глубинке и там же бурные волнения массы освобожденных крестьян. С другой стороны — серьезно ущемленное (в ходе реформы 1861 г.) в своих правах и привилегиях дворянство, которое следовало включить во вновь создаваемую систему максимально аккуратно.

В итоге всесословное земское самоуправление было создано на основе утвержденного 1 января 1864 г. «Положения о губернских и уездных земских учреждениях». Положение вводило выборные органы местного самоуправления — земства, которые избирались всеми сословиями на 3-летний срок и состояли из распределительных органов (уездных и губернских земских собраний) и исполнительных (уездных и губернских управ). В течение 1866–1875 гг. местное самоуправление было введено в 34 из 50 губерний Европейской России [11, с.245]. Согласно ст. 2 закона 1864 г. ведению земств подлежали имущества и капиталы земства, содержание местных путей сообщения, обеспечение населения продовольствием, взаимное земское страхование имуществ, попечение о развитии народного образования, здравоохранения, земледелия, ветеринарии, промышленности и торговли [10, ст.2]. Земства действовали от своего имени, приобретали права, исполняли обязанности, обладали правом распоряжаться своим имуществом и выступать в суде.

В большинстве губерний Европейской России выборная земская кампания началась в 1865 г. В соответствии со ст. 16 Положения все избиратели условно делились на 3 курии — землевладельцев, горожан и сельских обществ. Выборы по первым двум куриям были прямыми, по третьей — трехстепенными: сначала сельский сход выбирал представителей на волостной сход, который выбирал выборщиков, а те — уже депутатов в уездное земство. На уездном земском собрании проводились выборы в уездную земскую управу и в губернское земское собрание. Последнее избирало губернскую земскую управу.

Не участвовали в выборах лица, находившиеся под следствием, иностранцы. В гласные не могли быть избраны губернаторы, вице-губернато-

ры, губернские и уездные прокуроры. Дворянство к выборам отнеслось достаточно равнодушно, и только крестьяне после отмены крепостного права искренне верили в то, что все дальнейшие преобразования принесут им еще большее облегчение. На первых выборах в уездные земства, в среднем по России, дворяне составили 41,7%, духовенство — 6,5, купцы — 10,4, крестьяне — 38,4%. [9, с.204]

Депутаты земских собраний назывались гласными (имевшими право голоса). Согласно ст. 76 закона 1864 г. гласные земских собраний созывались ежегодно на сессии (очередные и чрезвычайные) для рассмотрения годовых отчетов земских управ, утверждения плана земского хозяйства, сметы доходов и расходов. Никакого вознаграждения за службу в земстве они не получали.

Вплоть до 80-х гг. XIX в. дворянство в уездных собраниях составляло в среднем по Российской империи около 80% гласных. Например, в Нижегородской губернии дворяне занимали более половины мест вследствие неоднократного их избрания от сельских обществ. Сами крестьяне вследствие «неоплачиваемой» работы в земствах не стремились попасть в них по вполне объективным причинам. Только там, где дворянское землевладение практически отсутствовало (Вятская, Вологодская, Олонецкая и Пермская губернии, например), состав земских собраний был преимущественно крестьянским.

Проведением в жизнь постановлений уездных и губернских собраний занимались земские управы. Согласно ст. 56 Положения, они избирались в составе трех человек. Земская управа осуществляла руководство местным хозяйством через отделы и комиссии (их количество в разных местах было разным и зависело от численности населения, которое обслуживалось земством) из гласных и избирателей.

По «Положению» 1864 г. служба в земствах относилась к общественным обязанностям. Земства, однако, имели право содержать по найму врачей, ветеринаров, учителей, статистиков и прочих земских служащих, которые составляли т.н. «третий элемент» в земстве (первым считались гласные земских собраний, вторым — члены земских управ).

Таким образом, в систему земских учреждений входили избирательные съезды, губернские земские собрания и управы. В волости правительство предпочло ограничиться сословным крестьянским самоуправлением. Отсутствовал и единый всероссийский орган, координирующий деятельность земств разных губерний. Основными принципами организации и деятельности органов земского самоуправления являлись: всесословность, выборность гласных, представительный характер органов

самоуправления, зависимость избирательного права от имущественного ценза, коллегиальность, гласность, самофинансирование.

Правительство не финансировало земские учреждения: земство получило право облагать население рядом налогов, исключительно прямых (налогообложение недвижимого имущества, промысловых свидетельств, земель). В целом, большая часть налоговых поступлений шла от податных сословий: сборы с казенных земель составляли в тысячу раз меньше, а с помещичьих — в сто раз меньше на десятину, чем сборы с крестьянских земель. Земские капиталы хранились в местных казначействах или в Государственном банке, его конторах и отделениях. Отличительной чертой финансовой деятельности земств была ее «прозрачность»: отчеты публиковались, финансовые проверки (как самих земских органов, так и администрации) препятствовали различного рода злоупотреблениям.

Конечно, крестьяне выказывали колоссальное «неудовольствие» по поводу введения новых земских учреждений. Это касалось практически всех провинций империи. Здесь ситуация была почти одинаковая. Для крестьян новые учреждения — новые налоги и поборы. Причем очень большие. Причем в дополнение к уже существующим. Сильно сказывались финансовые и экономические условия, в которых тогда находилась Россия. Состояние крестьянского хозяйства представлялось настолько сложным, что любое увеличение обложения земли было весьма затруднительным.

Тем не менее, с 1865 года российские земства приступили к выполнению своих обязанностей. Среди важнейших направлений практической деятельности органов местного самоуправления губернии выделялись мероприятия в области здравоохранения и образования (проблемы развития сельского хозяйства, ветеринарии, продовольственного дела, устройства местных путей сообщения, крестьянских промыслов стали активно обсуждаться в земских собраниях уже в 90-е гг. XIX столетия).

ЗЕМСКАЯ МЕДИЦИНА.

Вопрос квалифицированного медицинского обслуживания сельского населения (составлявшего на тот момент в России 90%), а точнее — полного отсутствия какого бы то ни было «обслуживания», встал перед земцами практически сразу. Тяжелые условия жизни сельского населения, отсутствие средств на лечение и общее недоверие крестьян врачебному персоналу вполне объясняют сложившуюся ситуацию: ненадлежащие санитарно-гигиенические условия, высокая смертность, многочислен-

ные повальные эпидемии кори, скарлатины, дифтерии, оспы и прочих инфекционных заболеваний, отсутствие больниц и фельдшерских пунктов. Мало того, проблема высокой смертности населения, а в особенности — смертности новорожденных на протяжении многих лет оставалась нерешенной. В целом, по России к середине XIX века детская смертность составляла 56%. Так, например, в Нижегородской губернии по данным на 1864 г. детская смертность в возрасте от 1 до 10 лет составила 36 700 человек из общей смертности по губернии в 58 000 человек. При этом, на каждую сотню умерших приходилось 62 младенца [4, с.20]. Позиции помещиков касательно собственных крестьян, в большинстве случаев, не отличались даже минимальной заботой об их здоровье. Сами же крестьяне предпочитали обращаться за помощью к знахарям, ведунам и другим представителям народной медицины.

Яркий тому пример — ситуация в Нижнем Новгороде, где к 1855 г. единственная более-менее «оснащенная самым необходимым» «Мартыновская» больница имела три корпуса на 250 мест для больных обоих полов; для душевнобольных же было только 12 мест (7 для мужчин и 5 для женщин). Приобретенное у полковника С.М. Мартынова в 1825 г. Приказом общественного призрения здание, в котором и разместили больных, досталось губернскому земству в весьма плачевном виде. В «удовлетворительном состоянии» оказался только главный мужской корпус. Здания других корпусов протекали и разваливались. «Ванн не было. В доме умалишенных, рассчитанном на тридцать человек, зимой скапливалось до восьмидесяти. В комнатке, с тремя кроватями жило по девять человек: больные лежали по двое на одной кровати и на полу». Не лучше было положение и других, немногочисленных больниц губернии, которые существовали больше за счет благотворительных пожертвований. [15, с.70]

Переданные в 60-х гг. XIX века земству больницы имели самое примитивное устройство: во главе их стоял врач, обыкновенно хирург, и двое-трое помощников. «Заразные лежали среди незаразных, чистые оперативные — рядом с гнойными неопрятными. Так называемая госпитальная гангрена была напастью, с которой не умели и не решались бороться» [2, с. 268]. Врачей не то, чтобы не хватало, их просто не было.

С появлением по России первых земских организаций было связано собственно становление земско-медицинской практики. Сначала — на первом этапе — в отдельных селах каждой земской губернии были сформированы специальные приемные покои, которые возглавляли фельдшера. Во-первых, — их содержание обходилось земству дешевле,

чем содержание врачебных участков (хотя это и сказывалось на качестве получаемой помощи). Во-вторых, сами крестьяне гораздо больше доверяли фельдшеру, как человеку близкому, нежели образованному врачу. И, в-третьих, — фельдшера нужны были на местах в самых глухих и отдаленных от центра селениях с целью выявлять эпидемии и сообщать о них. Уездные же врачи осуществляли лишь контроль над деятельностью фельдшеров и вмешивались в развитие ситуации лишь в особых случаях.

К первому съезду земских врачей (1872 г.) во всех земских уездах Российской империи была введена разъездная участковая система. Суть ее заключалась в следующем: каждое волостное правление один-два раза в месяц превращалось во временную врачебную амбулаторию, куда из города приезжал земский врач и принимал всех желающих.

Второй этап развития уездной земской медицины, может быть охарактеризован как период постепенного становления участковой системы и замены самостоятельных фельдшерских пунктов на пункты приема квалифицированных врачей-специалистов.

Уезды были разделены на участки, состоящие из нескольких сел, с центром в одном из них. Каждый участок находился под контролем специально «приглашенного» земского врача, который менял место жительства и селился в центре своего участка. В его обязанности входили заведование приемным покоем, специально построенной земской больницей и аптекой. Из сотрудников здесь находились один или два фельдшера, акушерка и аптекарь. В фельдшерские обязанности входило приготовление специальных лекарств, оказание неотложной помощи в случае, когда врач уезжал в командировку, проведение дезинфекций, ведение «хозяйственных дел больницы».

В то же время участки были перегружены работой: один доктор мог проводить больше 80 осмотров в день, из-за чего рабочий день его составлял 13,5–14,5 часов. Однако дополнительных финансовых средств у земства на расширение количества врачебных участков не было. Например, их количество в одиннадцати уездах Нижегородской губернии только к 1915 г. достигнет шестидесяти четырех. [7, с.20]

Особого внимания заслуживает процесс проведения в российских уездах дезинфекционных работ. Об этом сохранились весьма подробные материалы в Центральном архиве Нижегородской области (ГКУ ЦАНО). Практически при каждой амбулатории имелся, во-первых, специальный гидропульт и, во-вторых, определенный соответствующими инструкциями запас дезинфицирующих средств. Применялись сулемовый рас-

твор, карболовая кислота, формалин и т.п. В необходимых случаях производилась дезинфекция помещений и предметов домашнего обихода в доме выздоравливающего от инфекционной болезни. Полученные отходы и сточные воды амбулаторных зданий сначала обливались черной карболовой кислотой, а в дальнейшем — отвозились в отдаленные от сел овраги, и там закапывались.

Аптеки, как и другие медицинские учреждения, со второй половины XIX столетия также попали под контроль земств. Так, в Нижегородской губернии помимо Нижнего Новгорода, крупные уездные городские больницы с аптеками действовали в Ардатове, Лукоянове, Балахне, Макарьево, Семенове, Княгинино, Горбатове, Сергаче, Арзамасе. Здесь речь шла только о снабжении необходимыми лекарствами больных самой больницы. Свободно продавать лекарства аптеки не могли. Лекарственные препараты приобретались по годовому каталогу из Москвы.

Особо стоит обратить внимание на психиатрическую помощь, оказываемую, в частности, нижегородским губернским земством. «Сумасшедших в Нижнем девать некуда» — такими заголовками пестрела местная пресса. Большой вклад в развитие психиатрии в Нижегородской губернии внесла дифференцированная система призрения и лечения душевнобольных, разработанная крупным врачом-психиатром П.П. Кашенко. В 1889–1890 гг. он провел первую в России перепись населения душевнобольных в восьми из одиннадцати нижегородских уездов. В 1898 году ему удалось вывести помощь душевнобольным за пределы стационара Губернской земской больницы (рассчитанную на 25 коек для умалишенных) — были созданы колония посемейного призрения душевнобольных у села Кубинцево, около Балахны. В 1898 году началось строительство колонии для душевнобольных при селе Ляхово, открытая 22 февраля 1901 г. [14, л.23]

Таким образом, до появления земских учреждений проблем была масса — огромное количество эпидемий, ненадлежащее санитарно-гигиеническое состояние жилых помещений, отсутствие грамотных врачей. Высок был процент рождаемости, но и очень высок был процент смертности. Именно поэтому земцы уделили максимум возможного внимания вопросам медицинской помощи. Хотя, когда разрабатывался проект введения земских учреждений, о постоянном оказании квалифицированной медицинской помощи речи не шло. В первоначальном проекте было лишь замечено, что земству принадлежит «заведование благотворительными заведениями и прочие меры призрения».

ЗЕМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Простых школ в российской глубинке в середине XIX века было еще меньше, чем больниц. Большинство крестьянского населения крепостной России не умели ни читать, ни писать.

Вопросы грамотности вообще в крестьянские тяжелые трудовые будни на повестке дня не ставились. Вполне очевидным было явное нежелание самих сельчан отдавать детей в школу: вплоть до 80–90-х гг. XIX века крестьяне смотрели на детей как на помощников в работе и видели в учебе ненужную трату времени, особенно ощутимую при удаленности селений, где находились эти самые единичные школы.

Яркий тому пример — Нижегородская губерния. Её территория составляла в 1864 г. 45054,1 кв. верст, число ее жителей — 1.256.135 человек, и, один учащийся приходился на 200 человек [12, с.13]. В действительности процент обучающихся оказывался еще ниже (в отчетах чиновников и духовного ведомства цифры нередко завышались), школьные помещения были тесными и холодными, преподавали священники, выходцы из крестьян и мещан, не обладающие, в большинстве случаев, даже минимальными познаниями.

В Нижегородском губернском земском собрании, как и по всей России, практически сразу начались дискуссии о степени влияния земства на развитие народного образования. Сторонники правительственного курса выражали заинтересованность в целенаправленной организации школьного дела, высказывая мнение, что от уровня образованности народа зависит успешное проведение реформ и новой экономической политики (среди нижегородцев это Н.П. и Г.П. Болтины, А.И. Поливанов, А.Н. Карамзин, Н.С. Толстой, Н.Ф. Анненский, А.С. Гациский). Их оппоненты в собрании — Н.И. Приклонский, Ф.Г. Глазов, А.М. Ермолов и др. — считали, в свою очередь, что распространение грамотности среди населения сеет в народе смуту. Представители и той, и другой группы земских гласных ссылались на 2 статью «Положения о земских учреждениях» 1864 г., в которой шла речь об участии земства «преимущественно в хозяйственном отношении, в определенных законом пределах... в попечении о народном образовании». Таким образом, неопределенность статей закона порождала самые различные его толкования. В такой ситуации Нижегородское губернское земское собрание 1865 г. постановило: учреждать школы в тех местах, где не менее 2/3 представителей сельского общества заявят о желании иметь школу.

В целом, анализ данных журналов заседаний первых земских собраний, их постановлений и докладов управ позволяет опровергнуть точ-

ку зрения Г.А. Фальборка, В.И. Чарнолуцкого и ряда др. авторов о том, что «с первых же лет в громадном большинстве местностей уездные земства приняли на себя содержание учителей, снабжение учащихся книгами и пособиями, сельские общества — устройство школьных помещений, а губернские земства — выдачу ссуд на постройку школьных зданий». В данном случае более аргументированной представляется позиция Б.В. Веселовского и А.А. Савельева, утверждающих, что подобное разделение функций появилось гораздо позднее.

Таким образом, учреждение первых земских школ в России — по отношению к ним существовало такое определение как «одноклассное» (со сроком обучения 3–4 года) или «двухклассное» (5–6 лет) «сельское училище» — стало возможным только в конце 60-х гг. XIX столетия. Преподавали в них Закон Божий, церковно-славянскую грамоту, чтение, чистописание и арифметику. В двухклассных земских школах дополнительно изучали русский язык, природоведение, историю, географию. В 1867–1881 гг. большинством российских земств были учреждены специальные фонды для выдачи сельским обществам беспроцентных ссуд на постройку школ.

Благодаря земским усилиям значительно меняются позиции самих крестьян по вопросу о целесообразности и пользе школ. Если в отчетных материалах управ 60–70 гг. XIX в. говорилось о бедности сельчан, их постоянных хозяйственных заботах и равнодушном отношении к обучению, то в документах начала XX в. многократно упоминаются настойчивые заявления сельских сходов о необходимости открытия все большего числа училищ.

Проиллюстрируем как пример, рост числа школ в Нижегородской губернии:

Уезды	1867 г.	1875 г.	1885 г.	1895 г.	1905 г.
Нижегородский	41	71	80	95	156
Ардатовский	28	31	47	42	60
Арзамасский	24	30	45	49	69
Балахнинский	13	16	38	39	90
Васильский	9	14	20	21	46
Горбатовский	8	22	29	34	58
Княгининский	16	16	16	19	43
Лукояновский	37	49	58	45	42
Макарьевский	9	19	25	24	60

Уезды	1867 г.	1875 г.	1885 г.	1895 г.	1905 г.
Семеновский	2	11	16	20	62
Сергачский	2	20	39	26	32
Итого по губернии	189	299	413	414	862

Обращая внимание на процентное соотношение школ разных наименований к их общему числу, следует сказать, что земские училища составляли к 1900 г. 50,3%, церковноприходские — 38,4%, остальные (частные, министерские и т.д.) — 6%. По уровню общеобразовательной подготовки церковные школы значительно уступали земским. Знания, которые давались в церковно-приходских школах были формальными и минимальными. Крестьянство также неприязненно относилось к министерским училищам, которые совершенно не были приспособлены к сельскому быту: крестьянские дети в российских условиях второй половины XIX столетия не могли круглый год посещать школу. Имея право выбора той или иной школы, большинство населения предпочитало земские училища [12, с.15].

Особое внимание земцы обратили на недостаточное число преподавателей в школах и на невысокий уровень их образования. Так, в одном из первых докладов Нижегородской губернской земской управы (1867 г.) очередному губернскому собранию ситуация, касающаяся педагогического персонала, описывается следующим образом: «Многие учителя оказались совершенно непригодными, — как, например, волостные писари (сами мало знающие и при том отвлекаемые множеством других обязанностей), недоучившиеся семинаристы, полуграмотные дворовые люди, отставные солдаты и т.п., — по большей части самоучки с сомнительными убеждениями и весьма скудными познаниями, от которых дело народного образования более страдает, нежели выигрывает. Необходимо готовить учителей».[3, с.3]

К 1871 г. в России существовало только пять правительственных учительских семинарий. Безусловно, их воспитанники едва ли могли заполнить даже небольшую часть вновь открывавшихся учительских мест. Первые специальные учебные заведения (учительские семинарии) были открыты Рязанским и Новгородским (1869), Московским и Казанским (1871 г.) земствами. Но этого, конечно, для всей Российской империи было мало. С 1870 г. Московское, Санкт-Петербургское, Нижегородское и целый ряд других земств организуют особые съезды для учителей и неоднократно учреждают специальные педагогические курсы. Помимо

ознакомления с новейшими методами преподавания в программу входили уроки русского языка, истории, библиотечного дела. Правилами предусматривалась возможность самим учителям предлагать предметы и дисциплины, по которым они хотели бы получить дополнительные знания. В результате в земских школах постепенно внедряются эффективные приемы школьной методики: звуковой метод обучения грамоте, объяснительное чтение, наглядное обучение. Земства добивались расширения учебного плана, введения новых дисциплин и лучших учебников.

Земства нередко открывали собственные средние школы, широко практиковали (особенно во Владимирской, Воронежской, Костромской и Курской губерниях) выдачу стипендий учащимся средних и высших учебных заведений.

Земско-либеральные проекты в области народного образования постепенно распространились и на широкую область внешкольных просветительских мероприятий. Основные учреждения, дающие внешкольную образовательную помощь взрослым, это — воскресные школы, вечерние классы для взрослых, публичные чтения и публичные лекции, распространение книг при помощи книжных складов и библиотек.

Мало того, в земской среде был поднят даже вопрос о введении всеобщего начального обучения — и поднят по вполне понятным социально-экономическим причинам, связанным с резким повышением спроса на образование в крестьянской среде. Одним из первых рассматриваемую проблему обозначил председатель нижегородской уездной земской управы А.А. Савельев. В 1895 г. применительно к данному вопросу он составил специальную «записку». Однако, под прикрытием вопроса об «усовершенствовании системы народного образования» А.А. Савельев затронул весьма острые социальные проблемы, которые не столько касались системы образования, сколько имели социально-политический оттенок: возможность отмены телесных наказаний и введения для земских избирателей из крестьян определенного ценза грамотности. Как отмечал Д.А. Николаев, данный проект «буквально взорвал губернское земское собрание, настолько горячо и эмоционально проходило его обсуждение» [8, с.194]. В итоге предложения Савельева были поддержаны большинством. Составленный к 1904 г. проект уже рассматривал народное образование в России как государственную необходимость и ратовал за введение на территории России в ближайшем будущем всеобщего, доступного и бесплатного для всех желающих 4-летнего начального обучения. Специально разработанное ходатайство было направлено в столицу.

К 1907 г. было подано 119 таких ходатайств от российских земств. Од-

нако, в связи с общероссийскими событиями 1905–1907 гг. приступить к частичной реализации его идей правительство сумеет только в 1908 г. в связи с принятием особого правила ежегодном ассигновании казны в размере 6,9 млн. рублей на «работы» по постепенному введению всеобщего бесплатного начального обучения в стране. Уже в 1913 г. правительственные целевые кредиты и пособия на строительство школ составляли 18% общего бюджета земских губерний Европейской России. Так, кстати, будет положено начало череде финансовых законов, позволивших большинству земств России, в том числе Нижегородскому, с 1909 г. приступить к необходимым мероприятиям по реализации данного проекта. Завершены они не были, как известно, вследствие военных и революционных событий 1914–1917 гг. [12, с.17]

Таким образом, к началу XX столетия земская практика сформировала в стране целую систему школьно-просветительских мероприятий. Стабильная работа земских школ приводила к постоянному росту количества грамотных людей, что являлось необходимым условием прогрессивного развития страны.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Среди мероприятий по содействию экономическому благосостоянию населения ведущее место занимала агрономическая помощь — осушение болот, орошение засушливых земель, борьба с оврагами. Первыми к агрономической деятельности обратились так называемые крестьянские земства — Вятское, Пермское и др.

Любые масштабные хозяйственные мероприятия всегда тесно связаны со статистическими исследованиями. И такие исследования земствами проводились. С 1871 г. в земствах стали создаваться статистические учреждения: столы, отделения, — которые затем повсеместно преобразовывались в статистические бюро. К 1886 г. статистические органы были созданы почти во всех земствах. Первопроходцами оказались Московское и Черниговское земства. Первоочередное внимание уделялось выяснению общего экономического состояния крестьянства, изучению каждого крестьянского хозяйства, общих условий крестьянского быта. Размеры посевных площадей, урожайность, цена на наемный труд в сельском хозяйстве изучались весьма тщательно. Земская статистика, в целом, получила широкое распространение по всей стране. К 1913 г. материал был собран по 305 уездам Российской империи, составлены описи 4,5 млн. крестьянских дворов. К 1914 г. земства действовали в 43 губерниях и везде данные об экономическом положении региона разраба-

тывались очень детально. [1, с.72]

Особого внимания заслуживают и земские мероприятия в сфере сельского хозяйства, активное развитие которых датируется уже началом XX столетия. В первую очередь — это мероприятия в агрономической области, толчком к развитию которой послужило начало проведения Столыпинской аграрной реформы. Инициативы правительства встретили широкую поддержку в земской среде. Каждый уезд каждой земской губернии отныне разделялся (с достаточной степенью условности) на так называемые «агрономические участки», охватывающий сразу несколько волостей. Только в Нижегородской губернии, например, к 1913 г. их насчитывалось 42. На участке формировались склады сельскохозяйственных орудий, семян и удобрений. Земские техники и агрономы на каждом участке в течение достаточно небольшого времени устраивали «небольшие образцово-показательные хозяйства» («опытные» или «показательные» поля), где наглядно демонстрировались населению передовые агрокультурные достижения. Они пропагандировали травосеяние, снабжали население сортавыми семенами на льготных условиях, улучшенными с/х-орудиями и машинами, удобрениями. Также губернским земством предпринимались усилия по организации сельскохозяйственных курсов для крестьян, различного рода сельскохозяйственных выставок.

Наибольшие затраты (по России) на агрономическую помощь (1913 г.) несли земства Екатеринославской губернии (823 тыс. руб. ежегодно), наименьшие — земства Рязанской губернии (49 тыс.руб.) [1, с.88]

На рубеже XIX–XXвв. получает развитие и такая область земского хозяйства как ветеринария. Первоначально деятельность ветеринарных врачей ограничивалась чисто практическими мероприятиями, то есть прививками скоту от различных заболеваний. Постепенно их функции стали включать в себя надзор за торговлей мясопродуктами и контроль убоя скота. В той же Нижегородской губернии к 1905 г. насчитывалось 22 «ветеринарно-врачебных» амбулатории и 24 «ветеринарно-фельдшерских» пункта. В 1911 г. в губернии было образовано 40 ветеринарных «участков», и весь персонал перешел в непосредственное подчинение к уездным земским управам.[8, с.201]

С 1912 г. российскими земцами устраивались ежегодные командировки ветеринарных врачей с целью совершенствования их профессиональных навыков, а для предварительного рассмотрения возникающих специфических вопросов при каждой губернской земской управе ежегодно созывались совещания всех земских ветеринарных врачей. Успешно

развивалась, в частности, и деятельность созданной в 1902 г. Ветеринарно-бактериологической станции губернского земства — своеобразной научной лаборатории по исследованию различных заболеваний, разработке методов борьбы с ними.

Вопросы обеспечения населения продовольствием особенно остро вставали перед земцами в неурожайные годы (1891–1892, 1906–1907, 1911–1912 и др.). Самоотверженная работа земства по ликвидации последствий неурожая 1906–1907 гг. была уже теснейшим образом скоординирована с деятельностью возникшей к этому времени общеземской организации. Последняя выделила 50 тыс. руб. на закупку хлеба для последующей его раздачи крестьянам бедствующих уездов. Губернским земством было закуплено в южных областях страны миллионы пудов хлеба, самоотверженная работа земцев спасла десяткитысяч человеческих жизней. Земство не ограничивалось одной лишь бесплатной раздачей продовольствия: деньги на пропитание предлагалось честно заработать самому населению путем участия в «общественных работах» (строительство мостов, дорог, сооружение прудов и т.д.), деньги на проведение которых специально выделялись земством. Также был осуществлен комплекс земских мероприятий, связанных со сбором пожертвований для голодающих, организациейнеобходимой медицинской помощи.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война значительно изменила содержание хозяйственно-экономических мероприятий земства. В самой Российской империи для оказания помощи раненым губернские земства создали «Всероссийский земский союз», который совместно с Союзом городов учредил знаменитый Земгор, занимавшийся снабжением армии снаряжением и вооружением. Кроме того, на денежные пожертвования населения для раненых приобретались запасы теплой одежды. Вещевые и продуктовые поступления, немедленно по получении их, направлялись в действующую армию. Предусматривалась и помощь семьям военнослужащих (выдача денежных сумм и продовольственного пайка; компенсация расходов по содержанию жилищ и т.д.). Беженцы, раненые, и, особенно, инвалиды подлежали особой заботе земства. Их размещали по уездам, стараясь найти им занятия по специальности.

Таким образом, допоявления Государственной Думы, земские собрания были единственной, установленной законом формой общественной работы, в которой принимали участие представители различных социальных групп, совместно обсуждали и решали общие дела. В 1916 г. земства действовали в 43 из 94 губерний и областей России (их деятельностью и вниманием было охвачено 110 млн. человек из 172 млн. человек)

[1, с.4]

Одной из форм проявления земской социально-политической активности стали ходатайства «на высочайшее имя». Большое количество ходатайств земств, в том числе Нижегородского, было посвящено желательным изменениям в законодательстве. Однако, правительство придерживалось твердого убеждения о недопустимости обсуждения земцами общегосударственных вопросов. Только после Февральской революции земские должностные лица становятся полномочными представителями власти — Временного правительства. Их компетенция теперь определялась как дела местного общественного хозяйства и управления. 21 мая 1917 г. Временное правительство принимает постановление «О волостном земском управлении», — то есть о введении более мелкой, чем уезд земской единицы, об увеличении самостоятельности земских органов, круга их деятельности и политического значения, — надеясь, завершить, таким образом, формирование системы власти в общегосударственном масштабе.

Однако, поскольку инициатива создания волостных земств исходила от официальной власти и предполагала ликвидацию активно действующих к этому времени крестьянских организаций (речь идет об исполнительных, земельных и продовольственных комитетах), значительная часть населения отнеслась к предстоящему мероприятию негативно. Новые органы самоуправления нередко не воспринимались крестьянами законной властью.

Тем не менее, на протяжении второй половины XIX — начала XX-столетия система земского самоуправления становится одним из важнейших и активно действующих общественных институтов страны. Земские учреждения самостоятельно избирали руководящие органы, формировали структуру управления, подбирали и обучали специалистов и т.д. они кардинально изменили облик русской деревни. Однако, в процессе становления в 1917–1918 гг. новых властных структур, основные принципы земской организации и деятельности оказались несовместимы с ведущими тенденциями и приоритетами в формировании советских органов управления, и земства были упразднены.

Список литературы:

1. Абрамов, В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура / В.Ф. Абрамов. — М.: ФГ «Ника», 1996. — 165 с.

2. Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. — СПб: изд-во О.Н. Поповой, 1909–1911. В 4 томах. — Том 1. — СПб, 1911.
3. Доклад Нижегородской губернской земской управы III Очередному Нижегородскому губернскому земскому собранию. — Н. Новгород, 1867.
4. Записка о необходимости преобразования медицинской части в Нижегородской губернии в губернское земское собрание 1865 г. // Сведения медико-санитарного бюро Нижегородского Губернского Земства. — 1910. — №11.
5. Земский феномен: политологический подход / А.А. Ярцев [и др.] — Екатеринбург-Саппоро: SlavicresearchCenter, 2001. — 199 с.
6. Земское самоуправление: организация, опыт, деятельность / В.В. Куликов [и др.] — Киров: Вятский гуманитар. ун-т, 2002. — 161 с
7. Мустафин Р.Р. Деятельность уездного земства по развитию здравоохранения и образования в Нижегородской губернии во второй половине XIX века: автореф. дис. к.и.н. — Н. Новгород, 2011.
8. Николаев Д.А. Нижегородское земство в 1865–1918 гг.: обзор хозяйственной деятельности и анализ социально-политических инициатив: дис. к.и.н. Н. Новгород, 1999
9. Петров, Ф.А. Органы самоуправления в системе самодержавной России: земство в 1864–1879 гг. / Ф.А. Петров // Великие реформы в России. 1856–1874 / Отв. ред. Л.Г. Захарова, Б. Эклоф, Дж. Бушнелла. — М.: изд-во МГУ, 1992. — С. 204.
10. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1 января 1864 г. // ПСЗ Российской империи. Собрание II. Т. XXXIX. Отделение 1. № 40457. СПб., 1867
11. Пушкарев, С.Г. Россия в 1801–1917. Власть и общество. М., 2001.
12. Хвостова И.А. Деятельность Нижегородского земства в области народного образования. Автореф. дис. к.и.н. — Н. Новгород, 2006. — 26 с.
13. Чарнолуцкий В.И. Земство и народное образование. — СПб.: Знание, 1910. — 342 с.
14. Центральный архив Нижегородской области (ГКУ ЦАНО) Ф. 42. Оп. 240. Д.659.
15. Чешихин В.Е. Пятьдесят лет жизни Нижегородских земств. — Н. Новгород, 1914 — 228 с.

Командный состав штаб- и обер-офицеров Орловского пехотного/мушкетерского полка в военных кампаниях второй половины XVIII столетия

Цыбаков Д.Л.

*доктор политических наук, профессор кафедры
политологии и государственной политики
Среднерусского института управления — филиала
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской Федерации.*

Одной из прославленных боевых частей Русской императорской армии являлся Орловский пехотный полк, существовавший под разными наименованиями — «Орловский пеший полк», «Орловский пехотный», «Орловский мушкетерский», «Мансурова мушкетерский» и другими, с 1763 по 1810 г. Существует прямая связь регулярного Орловского полка с милиционным формированием предшествующего периода — Орловским конным полком украинской ландмилиции. Последний был известен под таким названием с 1727 по 1763 годы. В свою очередь, он представлял собой переименованный конный полк Львова, который был образован 4 апреля 1723 г.

На протяжении шести десятилетий — с 1720-х по конец 1780-х гг. ландмилиция (от нем. — «земельное войско») комплектовались уроженцами Орловского и других уездов Центрального Черноземья, принадлежавшими к сословию воинов-однодворцев, которых В.О.Ключевский весьма удачно называет «пролетариатом дворянства», — выделенные Петром I из рядов господствующего сословия бывшие мелкопоместные помещики. В соответствии с Указом императора Петра от 6 ноября 1727 г. все ландмилицкие части поменяли свои названия, получив наименования уездов, поставляющих рекрут в их состав. В военном отношении ландмилиции отводилась второстепенная роль, выражавшаяся в освобождении регулярных войск от исполнения разного рода вспомогательных функ-

ций. Основным предназначением ландмилиции являлась внутренняя служба, и только возникающая в случае полномасштабного конфликта с Турцией потребность в многочисленной кавалерии заставила русское командование обратить внимание на конных ополченцев как на реальную действующую силу большой войны.

Высокое воинское начальство достаточно пренебрежительно расценивало боевые возможности ландмилиции. Это выражалось и в передаче ее подразделением устаревшего вооружения и обмундирования, и в невысоких денежных окладах жалования для начальствующего состава ландмилицких частей. Офицерские кадры ландмилиции пополняли небогатые помещики, не желавшие нести расходы во время службы в столичных гарнизонах. Пребывание в ландмилиции способствовало более скорому выходу в отставку.

Однако, потомки служилых людей Московского государства, находясь и в рядах ландмилицкого корпуса, и в рядах регулярных войск, заслужили высокую боевую репутацию в военных кампаниях XVIII столетия. Современники, упоминая однодворцев, отмечают воспитанный в течение непрерывных войн высокий боевой дух, природную смекалку и физическую выносливость этих прирожденных воинов. Например, адъютант главы Военной коллегии Б-Х. Миниха, Х. Манштейн, прямо называет однодворцев «превосходнейшим войском России». Показательно, что А.В.Суворов, еще в 1770-е гг. упоминая бывшие ландмилицкие полки, ставшие теперь регулярной пехотной, характеризовал их как «однодворческие».

Отметим, что в екатерининский период многие однодворцы добились признания за ними дворянского статуса. Их причислили к потомственному, а не к служилому дворянству, а право «отыскивать» дворянское происхождение сохранилось и за остальными конными ополченцами.

Отметим, что залогом славных свершений Орловского пехотного/мушкетерского полка в войнах и походах XVIII столетия явилась несомненная духовная и практическая связь с Орловщиной — краем стойких и выносливых воинов. Именно соединение старинных ратных традиций и передовых форм военного дела, достигнутые за счет пополнения Орловского полка потомками служилых людей южнорусского приграничья, дало ошеломительный эффект, приведя к торжеству русского оружия на полях сражений того героического времени.

Указ от 15 декабря 1763 г. следует считать судьбоносным для истории Орловского полка. Двадцать ландмилицких частей были перефор-

мированы в десять пеших полков двухбатальонного состава и один конный пятиэскадронный Борисоглебский полк. Следуя утверждённым 14 января 1763 года новым штатам, в каждом пехотном полку в военное время полагалось иметь под ружьем 2154 военнослужащих, в том числе 56 офицеров, 122 унтер-офицеров и капралов, 1769 нижних чинов и 243 нестроевых. На пополнение русских войск был рассчитан рекрутский набор в числе 19 с половиной тысяч новобранцев, из них около 600 было призвано непосредственно в Орловской провинции. Помимо рекрутов в каждую часть действующей армии переводилось по 200 мушкетеров и 100 гренадеров из полков, оставленных в коренной России.

На 7-е июня 1770 г. в Орловском полку при списочном составе в 1321 человек в наличии имелось : 250 гренадеров, 751 мушкетеров и егерей, 78 унтер-офицеров, 74 нижних чина при штабе, 25 обер-офицеров, 7 штабных чинов, и только 2 штаб-офицера из полагавшихся 4-х — полковник и премьер-майор. Во главе полка, судя по «Списку воинскому департамента...», должен был находиться полковник Викентий фон Рейзер. Уже во время осады Бендер к полку присоединился подполковник Терентий Сазонов. По спискам премьер-майором полка, то есть заместителем полкового командира и командиром 1-го батальона, являлся Иоганн Крындер. Секунд-майором — командиром 2-го батальона числился Василий Козлов. Однако, в период решающих боев все источники однозначно называют их главным действующим лицом премьер-майора Орловского полка Алексея Шипилова.

Главным событием для Орловского пехотного полка во время 1-й «екатерининской войны» с Османской империей стал победоносный штурм 15 сентября 1770 г. турецкой твердыни в Северном Причерноморье — крепости Бендеры.

Потери командного состава Орловского полка при взятии крепости были значительны. Только во время ночного штурма 15–16 сентября погибли капитан Райдеков и подпоручик Хадыревский, ранения получили подполковник Сазонов, поручики Мячков и Лутовинов, аудитор /адъютант Бабин. Представление об участии Орловского полка в бендерском взятии проясняется из оценки факта награждения командира штурмового отряда этой воинской части, А.Н.Шипилова (1735–1820 гг.), только что учрежденным орденом Святого Георгия 4-й степени. В «Журнале боевых действий» 2-й армии отмечается, что отряд Шипилова захватил вражескую батарею, после чего этот офицер восстановил порядок в других подразделениях, утративших управление в суматохе ночного боя, и возглавил дальнейшие атаки на позиции османов на городских ули-

цах. Только относительно двух командиров описание их вклада в победу позволяет судить о пребывании возглавляемых ими подразделений на самом острие атаки в начале сражения. В формулярах пьемьер-майора Воронежского полка Г.Г.Штрандмана и пьемьер-майора Орловского полка А.Н.Шипилова (Шепилова), указывается, что награда вручается «За отличное мужество при штурмовании Бендерской крепости, на которую был первым вступившим по лестницам, с храбростью предводительствовал своею командою, отнимая у неприятеля бастионы, батареи и улицы». Алексей Никитич Шипилов (1731–1820) всю свою жизнь посвятил военной службе, начав ее в 1752 году в Невском пехотном полку, пройдя в его составе основные сражения Семилетней войны с Пруссией. А.Н.Шипилов (Шепилов) в 1773 г. получил чин подполковника и был направлен на свободную вакансию в Архангелогородском полку. Спустя восемь лет, уже полковника Шипилова перевели из Полоцка в Вологду на должность городского коменданта. Там он вышел в отставку и поселился в своем вологодском имении Маклакове.

В 1771 г. Орловский полк был переведен в 1-ю армию на Дунайский театр военных действий. Командиром Орловского полка в боях за крепость Силистрию 1773 г. являлся полковник Николай Данилович Языков, родившийся в 1740 году. Принадлежа к известной дворянской фамилии, в 12 лет он был записан в солдаты. Совсем молодым человеком в чине сержанта Н.Д.Языков принял участие в Семилетней войне. В русско-турецкой войне он участвовал уже полковником, будучи в 1770–1772 г.г. командирован на грузинский театр под Потю. Орловский полк Языков возглавил накануне похода за Дунай, командуя им до 1777 г., когда по получении звания генерал-майора ему достался высокий пост новороссийского генерал-губернатора. *Осенью 1773 г. он находился с полком на острове напротив Силистрии, обороняя осадную батарею от нападений османов.*

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. сыграла решающую роль в судьбе Орловского пехотного полка. Вступив в нее необстрелянным и не имеющим боевого опыта, по окончании войны полк представлял собой стойкий и сплоченный воинский коллектив, познавший триумф побед над неприятелем..

Встретив войну на Днепро-Дунайском Левобережье, орловцы закончили ее на берегах Дуная, трижды форсировав его в 1773–1774 гг. в период блокады Силистрии. На долю орловцев выпали многодневные марши, осадные и фортификационные работы, разведка и поиски против турецких позиций на дунайском театре, штурмовые атаки на Бендерскую крепость и Нагорный редут Силистрии, отражение вражеского десанта

на острове Нечай.

Накануне войны с Османской империей 1787–1791 гг. Орловский полк пребывал в районе Кинбурнской косы — стратегического пункта, позволяющего контролировать выход из Днепровского лимана в Черное море. Обороной всего Кинбурнского участка руководил командир Орловского полка генерал-майор Иван фон Рек, один из заслуженных ветеранов прошлой русско-турецкой войны. Иван Григорьевич Рек поступил на военную службу в 1752г. Ко времени назначения командиром полка он уже имел богатый послужной список, будучи 26 ноября 1775 г. удостоен за сражение при Козлуджи ордена св.Георгия 3-й степени.

Его заместителем являлся подполковник Федор Марков, служивший в полку, по меньшей мере, с 1784 г. Сверхкомплекта в строю находился подполковник Иван Владимиров. Пьемьер-майором по документам значился Николай Смородин. 1 октября в решающем бою за Кинбурн из строя выбыл практически весь командный состав орловцев : генерал-майор Иван Рек был тяжело ранен в ноги, секунд-майор Егор Булгаков погиб, секунд-майор Самуил Мунцель и командир батальона шлиссельбургцев секунд-майор Иван Мамкин также получили ранения. Решающую роль в победе сыграла 9-я рота Орловского полка во главе с поручиками Петром Арсеньевым и Леонтием Якубинским, совместно с подразделениями Шлиссельбургского полка обратившими противника в бегство. Среди отличившихся в бою в победной реляции Суворова были названы прапорщик Орловского полка Федот Ключников, видимо получивший офицерское звание за морской бой на боте «Битюг» 22 августа, а также сержант Аким Лисицын. Оба воина находились в сражении при командующем и выполняли его распоряжения по управлению войсками, получив при этом боевые ранения.

Денежные награды по 4 с лишним рубля были выданы 111-ти солдатам 9-й мушкетерской роты и 12-ти артиллеристам Орловского полка. Участники первой фазы боя получили вдвое меньше — по 2 рубля для 554 орловских солдат и 5 канониров полковой артиллерии. Командир полка, генерал-майор Иван Рек 18 октября был удостоен ордена св. Георгия 3-й степени (№ 56 по кавалерским спискам) и награжден 4 тысячами рублей. В последующем он командовал пехотной бригадой галерной флотилии в войне со Швецией, удостоившись ордена Владимира 3-й степени и 4-х тысяч рублей. В 1790-е был наместником в Риге, командовал Оренбургским корпусом, незадолго до смерти в 1795 г. получил чин генерал-поручика.

Всего орденом св.Георгия 4-го класса за Кинбурн 18 октября было

награждено пятеро наиболее отличившихся офицеров разных частей, среди них был один из ветеранов Орловского полка подполковник Федор Марков. Ф.Марков, судя по официальным документам, числившийся в Орловском полку, в деле при Кинбурне принял командование Козловским пехотным полком, а возглавляемая им контратака на турецкие позиции отмечалась Суворовым как один из переломных моментов сражения. Впервые в истории за сражение особыми серебряными медалями награждались не все его участники, а только те двадцать героев, что были выбраны для поощрения самими солдатами. От Орловского полка медаль за Кинбурн получил рядовой Парфен Лукутин.

Офицеры полка первого формирования по праву могут считаться золотым фондом русской армии. Среди них можно выделить представителей известных аристократических, хотя порой и обедневших, фамилий — Степана Талызина, Ивана Палицына, Александра Мансурова, Степана Мещерского, Михаила Геденова, Николая Языкова. Плечом к плечу с ними геройски воевали выходцы из провинциального дворянства, «чернорабочие войны» — Алексей Шипилов, Егор Булгаков, Иосиф Трубников, Терентий Сазонов, Федор Марков, Иван фон Рек, Леонтий Якубинский, Андрей Седов, Петр Арсеньев, Самуил Мунцель.

Офицерский состав отличали не только личное мужество и стойкость в бою, но и высокое воинское искусство. Практически во всех известных боях командиры были образцом для подчиненных, действовали тактически грамотно и свободно от устоявшихся шаблонов. Офицеры успешно ориентировались в самой сложной ситуации, верно оценивали обстановку, понимали динамику сражения, умели принимать самостоятельные решения и добиваться победы над сильным и упорным врагом.

Всю вторую половину XVIII столетия Орловский пехотный/мушкетерский полк провел в походах и сражениях. По своей сути он превратился в уникальное военное соединение, солдатам и офицерам которого были по плечу любые боевые задачи. Орловский пехотный/мушкетерский полк, не относясь к элитным частям, вынес на своих плечах все испытания героической эпохи превращения России в европейскую державу. Высокий боевой дух и уникальный боевой опыт, приобретенные в сражениях и походах, стали залогом многих побед достигнутых русской армией в русско-турецких войнах и войне с Францией 1799 г.

Литература :

1. Баиов А.Б. Курс истории русского военного искусства. Выпуск 3. Эпоха Миниха (Царствование Императрицы Анны Иоанновны), СПб: Типография «Гр. Скачков с сыновьями», 1909.
2. Берк К.Р. Путевые заметки о России. //Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. — СПб.: БЛИЦ, 1997. — С. 111–302.
3. Ведомости к описанию действий 2-й армии в 1770 г. Цит. по : Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами. 1768–1774 гг. Т.2., С.561–563.
4. Манштейн Х.Г. Записки Манштейна о России 1727–1764. СПб : Тип.С.В.Балашова, 1875.
5. Пенской В. В.Украинский ландмилицкий корпус в XVIII веке // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 147.
6. Российский биографический словарь. СПб : Тип. Главного управления уделов, 1913, Том 25.
7. Судравский В. К. Кавалеры ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия за 140 лет (1769–1909 гг.)» // Военный сборник. 1909. №3–12; 1910. №1–12.
8. Чекалова И.В. Новые материалы к биографии родственников К.Н. Батюшкова (по документам Государственного архива Вологодской области). // Батюшков: Исследования и материалы: Сб. науч. трудов. — Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2002.
9. Шишов А.В. Генералиссимус великой империи. Новое прочтение биографии. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2005.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Оригинал-макет *А. Старчеус*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: market@indrik.ru
or by tel./fax: +7 495 938-01-00

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Подписано в печать 19.05.20. Формат 60 × 88/16.

Бумага офсетная. Печ.л. 10,5 Уч.-изд. л. 10,25.

Тираж 100 экз.